

ЕВГЕНИЙ РАТНЕР

А ГЛАВНОЕ — ВЕРНОСТЬ...

ПР

ПЛАМЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

МАРТЫН ЛАЦИС

ЕВГЕНИЙ РАТНЕР

А ГЛАВНОЕ — ВЕРНОСТЬ...

Повесть
о Мартыне Лацисе

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1983

Р2
Р25

Писатель Евгений Ратнер пришел в литературу из журналистики. Он написал несколько повестей и романов, издававшихся в Москве, Риге, Киеве, Харькове.
Новая повесть писателя рассказывает о Мартыне Лацисе, которого В. И. Ленин назвал одним из лучших, испытанных коммунистов. Они познакомились в апреле 1917 г., когда народный учитель из Латвии, член партии с 1905 г., прошедший подполье и ссылку, возглавил большевистскую организацию Выборгской стороны Петрограда.
Вскоре после Октября ЦК партии направляет М. Лациса в ВЧК. Его чекистской деятельности посвящены многие страницы этой книги.

Р $\frac{0505040000-030}{079(02)-83}$ 268—83

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

В том году, в тысяча девятьсот семнадцатом, ноябрь был особенно холодным.

Туман, приплывший с Финского залива, а точнее, с Атлантики, где в теплом течении Гольфстрим варилась погода,— этот туман слизал весь снег, выпавший в начале месяца. Потом ринулся ветер с Ладоги. Сначала порывистый, он словно залпами обстреливал Петроград, а затем задул, ни на одну минуту не сбавляя силы ни днем, ни ночью.

Холодно было и в домах. Над трубами почти нигде не вились дымки, которые обычно выдыхали здания. Продрог каждый дом, продрог весь Питер.

Холодно было и в кабинете Ленина, откуда Мартын только что вышел.

Конечно, не так холодно, как сейчас на Невском, по которому шагал Мартын Лацис. Каждый шаг его аршина полтора, если не больше. Да у́же и не шагнет человек такого высоченного роста. Глянет на него кто со стороны и не сразу отведет глаза. Плечи, как говорится, косая сажень, а вся широкая грудь скрыта бородой. Дремучая борода, вроде боярской. Она придавала бы ему суровый вид, если бы не серо-голубые глаза с неожиданно мягким и теплым взглядом.

Пожалуй, лишь одно не красило его атлетическую фигуру — левое плечо ниже правого. По этому признаку

легко угадать бывшего батрака, который пошел внаймы с малолетства. С самых ранних лет приходилось ему таскать тяжелые мешки, подростком ходить за сохой. На затвердевших пара́х соха не слушалась, бросало из стороны в сторону, а хозяин еще издевался: «Положи камни в штаны!» Те, кто похлипче, на всю жизнь становились сутулыми, а то и горбатыми.

Ветер с Ладоги гнал по мостовым и тротуарам колючую морозную пыль. Мартын Лацис чувствовал, как она въедается в лицо, и глубже натягивал лисью шапку, привезенную из сибирской ссылки. Шагал он к Главному штабу, чтобы повидаться с наркомом по военным делам Николаем Ильичом Подвойским, добрым своим другом.

Как член Военно-революционного комитета Мартын заведовал Бюро комиссаров. Бюро направляло комиссаров во все воинские части, во все учреждения, на все фабрики и заводы, на железную дорогу. Комиссаров революции было поручено подбирать и назначать Мартыну Лацису.

Бюро находилось в Смольном, и когда Яков Михайлович Свердлов позвонил Мартыну и попросил его зайти к Владимиру Ильичу, тот через несколько минут был уже в кабинете Ленина.

Владимир Ильич сидел за столом, накинув на плечи пальто. Сбоку пристроился Свердлов. На нем была кожаная куртка, которую он, кажется, не снимал ни днем, ни ночью. Такое впечатление, наверно, оттого, что и днем и ночью он все время на ногах.

Свердлов — один из немногих в теперешнем окружении Ленина, с кем Владимир Ильич познакомился совсем недавно — в апреле этого года. Появление Свердлова в кругу ближайших соратников Ленина стало органичным, естественным. Все заметили, как быстро Владимир Ильич оценил его великий талант организатора и рекомендовал Свердлова на самый высокий пост в государстве — Пред-

седателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Были люди, с которыми Ленина связывала давняя дружба, но не было, пожалуй, человека, так быстро, остро, с такой глубиной воспринимавшего каждую его идею. Мартын не раз замечал: только успевал, казалось, Ленин закончить фразу, как Свердлов со свойственной ему манерой живо, несколько задорно откликался коротким «Уже!» — уже не только уловил его мысль, но успел продумать ее практический ход.

Работая в подполье в разных концах России, сидя в тюрьмах, находясь в ссылках, Яков Михайлович узнавал очень многих товарищей. Теперь оказалось, он не просто был знаком, а изучил каждого как человека, как партийного работника. Недаром его называли памятью партии, говорили, что он носит в голове биографический справочник коммунистов.

Сегодня Мартын уже виделся и с Лениным и со Свердловым, поэтому, подойдя к столу, он молча остановился, ожидая, что скажет ему Председатель Совнаркома или Председатель ВЦИК.

Оба посмотрели на него снизу вверх, потом Мартын перехватил взгляды, которыми обменялись Владимир Ильич и Яков Михайлович.

Ему нетрудно было понять: до его прихода Ленин и Свердлов говорили о нем. Но в связи с чем? По какому поводу? Спрашивать не стал, Ленин показал ему на кресло, и он медленно опустился, словно сомневаясь, выдержит ли оно его.

В большое окно устало глядел унылый день. Не успев расцвести, он уже угасал. Следовало бы включить настольную лампу. На столе стояли электрическая и — на всякий случай — керосиновая лампы, но Ленин экономил и электроэнергию и керосин, слишком мало было и того и другого, а засиживался он допоздна каждый вечер.

Если бы кто-нибудь глянул на всех троих со стороны, сказал бы, что Лацис несомненно старше Свердлова и, пожалуй, не так уж намного моложе Ленина. А ведь Ленину шел сорок восьмой. На самом деле Мартыну почти на два десятка меньше, чем Владимиру Ильичу, и на три года меньше, чем Свердлову. Солидность Лацису придавали не только борода, рост — он был степенен, шагал широко, неспешно, был немногословен, зато каждую фразу хоть клади на весы.

Поэтому, должно быть, из всех партийных кличек к нему особенно прижилась Дядя. Лацис привык к ней так же, как и к фамилии, хотя имя, отчество и фамилия — Мартын Янович Лацис — тоже были ненастоящими.

Шесть лет тому назад молодой агитатор-пропагандист ЦК Социал-демократии Латышского края Янис Судрабс, обложенный со всех сторон жандармами и сыщиками, вынужден был уйти в подполье. Он попросил у знакомого волостного писаря «бумажную душу», да еще такую, чтобы укрыла его от воинской повинности.

— Лет на тридцать пять? — спросил писарь.

Покопался в паспортном реестре, нашел сведения о крестьянине, который выехал из волости, и на его имя выписал паспорт, но посоветовал немедленно отращивать бороду, чтобы привести внешний вид молодого человека в соответствие с его документом.

Сейчас, обратившись к нему, Ленин тоже назвал его Дядей и сообщил, что они с Яковом Михайловичем предлагают ему стать народным комиссаром внутренних дел РСФСР.

Мартыну было известно: Рыков, назначенный на этот пост, ушел в отставку. Вместе с несколькими членами ЦК и наркомами он требовал, чтобы в Советское правительство входили представители всех так называемых социалистических партий, в том числе меньшевиков и пра-

вых эсеров. Центральный Комитет отверг этот ультиматум, тогда они подали в отставку, фактически дезертировали. Поэтому Наркомат внутренних дел не начинали даже организовывать.

Предложение Ленина огорошило Мартына. Он растерялся. Наступила тишина, и в эту тишину проникал из коридора топот множества ног. Хотя кабинет Ленина отгорожен был от коридора приемной, все равно он достигал и сюда. Ухо Лациса привыкло к нему. С тех пор как большевики заняли Смольный, он раздавался с утра и до утра, с каждым днем нарастая все больше и больше. Не только рабочий Питер, кажется, вся трудовая Россия двигалась по коридорам Смольного...

Лацис и сейчас помнит, как долго он молчал после неожиданного предложения Владимира Ильича. Свердлов не выдержал, как бы подтолкнул его вопросом:

— Что же ты? Председатель Совнаркома предлагает тебе министерский, можно сказать, пост.

Тогда Мартын заговорил. Обычно он говорил не спеша, часто повторял последние слова, а самое последнее нередко произносил по слогам, и оно звучало особенно веско. И на этот раз начал рассудительно:

— В бывшее министерство внутренних дел, насколько я помню, входили,— он вытянул руку с растопыренными пальцами и начал их загибать,— вся администрация, вся медицина, инородческое управление, полиция, церковь и еще многое, о чем я даже понятия не имею. Даже отдаленно незнаком с этой колоссальной машиной. Ко-лос-саль-ной...— И, сбившись от волнения с ритма, зачастил: — Народный комиссар — это не моя мерка. Совсем не моя! Ни я — к ней, ни она — ко мне...

Ленин перебил его и сказал, что не только слова, но и мотив этой песни ему достаточно знаком, а если говорить прямо, то и достаточно надоел.

Но Мартын стоял на своем:

— Это не по мне! Я просто не справлюсь. Это не по мне. Вы переоцениваете меня.

Он и сейчас, идя по Невскому, видел глаза Свердлова и его укоризненный взгляд.

— Как-то не в твоем характере трусить. Уж не думаешь ли ты, что я, находясь в туруханской ссылке, готовился стать тем, кого, скажем, во Франции называют президентом? Да и ты не проходил специальной подготовки, чтобы возглавить большевиков Выборгской стороны, ни на каких курсах не обучался, как действовать в Военно-революционном комитете и совершать революции. А Бюро комиссаров... Разве это не один из важнейших органов Советской власти?

Мартын не мог опровергнуть Свердлова и от этого смутился еще больше. Стоял, молчал, чувствовал себя виноватым, что отказывается, первый раз в жизни отказывается от партийного поручения. Но иного выхода у него нет. Шутка сказать: нарком, да еще внутренних дел всей Советской России!

— Нет, нет,— наконец снова заговорил он.— Не по мне! Разве бы я хоть словом возразил. Неспроста латыши утверждают: не выйдет из петуха орла, хоть позолоти ему шпоры. Хоть по-зо-ло-ти!

Ленин улыбнулся, а Свердлов воскликнул:

— Но тебе нет нужды золотить шпоры!

И все же Владимир Ильич понял, какую тревогу посеял в душе Лациса. Недаром, внимательно посмотрев на него, подумав, предложил дать возможность Дяде поразмыслить до завтрашнего утра.

И вот Мартын шел теперь по Невскому к Главному штабу, чтобы повидаться с Николаем Ильичом Подвойским.

До чего преобразился проспект после октябрьских дней! Словно этим же ладожским ветром сдуло с него нарядную публику, богатые выезды, катившие, бывало,

один за другим. Померк Невский, ничего не скажешь, померк. Никакого теперь в нем шика. Погасли витрины, опустились железные шторы на широчепных окнах, повисли тяжелые, будто гири, замки на дверях магазинов.

Десятый час вечера, а темны глазницы домов, лишь кое-где просачивается матовый свет сквозь морозную накипь узоров на стеклах. Тротуары почти пустынны. На мостовой больше народу: не очень стройно прошел отряд красногвардейцев, промчался грузовой автомобиль с веселыми и отчаянными матросами. Да и одинокие прохожие предпочитают ходить по обочине мостовой.

Обезлюдевший проспект кажется у́же, чем прежде: здания с противоположных сторон будто тянутся одно к другому, будто пытаются коснуться плечами. Вот когда Невский был необыкновенно широк — в июле. Рабочие и солдаты заполнили его. Ни мостовой, ни тротуаров — сплошь человеческие головы. А над ними красные полотнища: «Вся власть Советам!» Потом красная кровь на брусчатке. И трупы. Раскинув руки, они словно пытались доплыть до берега. Тогда в этот час было еще совсем светло, белые ночи, правда, угасали, но солнце еще путешествовало по небу, а нужно было быстро и надежно укрыть Ленина: Временное правительство подняло всю полицию, жандармерию, чтобы схватить его. Где укрыть Владимира Ильича? Конечно, в Выборгском районе, в его, Лациса, районе...

Какой же ответ дать Ленину завтра? Мартын шел к Подвойскому как к народному комиссару по военным делам, чтобы договориться о посылке революционных солдат из Питера комиссарами в ряд полков на Северном фронте, а заодно, как с другом, и посоветоваться с ним. Так трудно решить самому, здесь обязательно нужен совет друга.

Он свернул с Невского на Большую Морскую к Главному штабу и сразу увидел высокого мужчину, а по обе

стороны от него — двух человек с винтовками. Знакомая картина: красногвардейцы ведут какого-то контрика. Так и есть — в офицерской шинели без погон, в папахе, башлык за плечами. Лацис скользнул взглядом по ладной фигуре офицера и прошел бы мимо, если бы один из красногвардейцев не окликнул его:

— Здравствуйте, товарищ Дядя!

Ну конечно же Лацис узнал его: Покотилов, слесарь с завода «Русский Рено». Покотилов и его сын. Они всюду вместе. Оба Иваны. Старшему — сорок один, младшему — двадцать второй. Мать умерла от чахотки, и еще подростком отец пристроил паренька в свой цех. Перед Февральской революцией они одновременно вступили в партию большевиков, потом записались в Красную гвардию. Работали, а винтовки рядом. После гудка — военные занятия. В строю стояли тоже рядом — одного роста.

Иван-младший точно был сотворен по образу и подобию Ивана-старшего. Оба коренастые, чуть курносые, светло-русые, и даже чубы одинаково выползали из-под шапок. Разве что отец шире в плечах, так это до поры до времени, годок-другой — и у сына развернутся плечи. Вот только насчет речей меньшой не мастак. Папаша, как митинг, собрание,— обязательно: «Дайте слово!» Фуражку в кулак и руками этому самому слову помогает вовсю. Ванюха глазами в него упрется и, когда отец закончит, громче всех бьет в ладоши...

— Кого ведете? — спросил Лацис. Снова глянул на офицера, что-то знакомое почудилось в нем.

— Гада золотопогонного...

— Требую прекратить оскорбления! — оборвал офицер. В нескольких этих словах прозвучал латышский акцент. Лацис еще пристальней поглядел на него.

— Смотри какой! — возмутился Покотилов-старший.— Разве ж это оскорбление, если гада окрестишь гадом? Не зацепит же меня злость, коли ты меня, Ивана, Ива-

ном кликнешь... Подбивал, гад, солдат громить винный подвал в Зимнем!

— Отставить вранье! — повысил голос офицер.

Покотилов-старший сорвал с плеча винтовку, в сердцах стукнул прикладом о землю.

— Как же ты можешь при сыне крестить отца поганым словом? Подтверди, Иван Иванович, подбивал?

— Подбивал! — раздался молодой басок.

Офицер понял, что перед ним какой-то начальник над этими красногвардейцами, и быстро заговорил, опасаясь, что тот, не дослушав, уйдет:

— Прежде всего, я латышский стрелок! Из шестого полка. А латышские стрелки вызваны в Петроград по приказу самого Ленина.— И без паузы продолжал: — Никого я не подстрекал. Проходил мимо Зимнего, стоят солдаты. Один спрашивает: «Отведаем, ваше благородие, сладкого царского винца?» Я ответил: «Тем, кто три года смотрел смерти в глаза, сам господь бог велел!» Так сказал и убежден в своей правоте!

«Я знаю этого человека. Определенно знаю»,— говорил себе Лацис, вглядываясь в лицо офицера. Если бы, как раньше, улицу заливал свет фонарей, он сразу рассмотрел бы его, но этот короткий отрезок Большой Морской между Невским и аркой Главного штаба и днем был мрачен.

— Выходит, пей солдат до бесчувствия, потом мародерствуй, громи...

— Вы тоже латыш? — услышав в речи Лациса легкий акцент, обрадовался офицер.

— Это к делу не относится!

Лацис приучал себя при всех ситуациях сохранять спокойствие, не повышать голос, однако здесь, словно в каменном колодце, каждое слово звучало гулко.

— Нет, я не сторонник мародерства. Но большой сапог имеет право на глубокий след...

Услышав эту фразу, Лацис уже не сомневался, кто стоит перед ним.

— Передайте его мне,— предложил он Покотиловым.— Я разберусь, где шелк, а где рогожа.

II

Будущий Мартын Лацис — Янис Судрабс в приходской школе сидел на одной парте с Япом Судрабинем, со своим тезкой и почти однофамильцем. Мальчишки часто дружат, не придавая значения положению родителей. Ничего не значит, что отец и мать Яниса Судрабса всю жизнь батрачат, что Янка уже теперь с весны до осени пасет хозяйскую скотину, а подрастет — тоже станет батраком. Ничуть это не мешало ему ходить в закадычных друзьях Яна Судрабиня, отец которого не кто иной, как серый барон. Так в отличие от настоящих баронов — немецких помещиков — называли крупных хозяев-латышей.

Однажды ранней весной, когда в березах начинает бродить сок, оба Яна взобрались на два соседних кряжистых дерева. На шеях висели бутылки, а в карманы вложены ножики. Надрежут ветку, на нее — бутылку. К концу занятий в школе она наполняется сладким, немного терпковатым соком. Вкусно!

Подвесили бутылки и поднялись еще выше. Ни один не хотел отстать. Самолюбивый Ян Судрабинь добрался бы до самой верхушки, но рассудительный Янис крикнул:

— Станция Вылезай, выше неба не шагай! — И сел на сук, который хоть и покачивался под ним, а держал надежно.

Как далеко видно отсюда! Вот хутор Рагайни, где в хибарке ютится Янис с родителями-батраками, хозяйская изба на каменном фундаменте, амбар с высокой дощатой крышей, сарай для скотины. По двору бродят куры, гуси, утки, спит, уронив голову на лапы, старый

пес Бобкис; мать Яниса, ма́миня, крутит колодезный ворот. Сколько достается ее рукам... Мальцом ему всегда хотелось, чтобы перед сном маминя провела рукой по его волосам или хотя бы притронулась пальцами ко лбу. Но она все еще на работе. Он заснет, проснется — нет ее. Лежит с открытыми глазами, ждет. Наконец маминя заходит. Но что она делает? Зачем открывает и снова закрывает дверь? Янка приподымается, всматривается: мать вставила руку в дверную щель и зажимает ее. Янис вскакивает с постели.

— Что ты, маминя?

— От работы руки отнялись. Новой болью выгоняю старую.

Янис и сам пробовал так, но, должно быть, не скрутила его руки «старая» боль, выхватывал пальцы из дверного проема, дул на них, встряхивал.

Сейчас, сидя на крепкой березовой ветке, он переводит взгляд направо. Через версту — хутор Судрабиня. Изба тоже на каменном фундаменте. Нет, у них не изба, у них дом, почти как у настоящего барона. Крыша черепичная, и все остальные постройки под черепицей. И сад почти такой же, как у барона. Во всей округе ни у одного хозяина нет такого сада.

А баронская усадьба — на холме. Кирпичный двухэтажный дом, две трубы, между ними — башенка, а на ней — флюгер: железный рыцарь с железным знаменем. Ветер ударяет в знамя, и рыцарь поворачивается.

Дальше еще один пригорок, на нем базница, по-русски — церковь. На высоком шпиле застыл петух, как и рыцарь — тоже железный.

От базницы до баронской усадьбы, от усадьбы к хуторам вьется дорога. Редко кто по ней проедет. Если один из Янов первый заметит, вопит от радости, показывает другу. А тут, кажется, одновременно увидели, одновременно воскликнули:

— Что это?

Действительно, что-то непонятное: идут двое, обе руки сложены впереди — одна к другой. Почему они так? Неудобно же... Ян Судрабинь оказался зорче:

— Чем-то связаны!

— Закованы,— через несколько секунд уточнил Янис.

За ними верхом на лошади — урядник.

Никогда не видели мальчишки, как ведут арестованных. Кто же эти люди? Воры, убийцы? Вглядываются в лица — учителя из соседней школы. Учителя? Но не могли же они стать ни ворами, ни убийцами...

Быстрее, чем когда-либо, помчались в свою школу. Только их наставник в класс, оба Яниса подняли руки.

— Говори Судрабинь,— тот хорошо знал, кто чей сын.

— Мы с Янкой на дороге... Двух учителей с соседней школы... Руки закованы, а сзади урядник на лошади...

Наставник зло процедил:

— Государственные преступники! Таким один путь — на виселицу!

— За что?

— Со-ци-а-листы!

— А что это? — не поняли ученики.

— Против самого августейшего государя императора!

«Как можно? Разве есть такие?» — спросил себя Янис.

— Распространяют запрещенные книжки, подбивают темный народ на смуту, на цареубийство!

Страшно и непонятно Янису: учителя ведь все знают, всему учат... И вдруг против царя...

Услыхали друзья новое слово: «социалист», а что это такое, не поняли.

III

Попрощавшись с Покотиловыми, Мартын Лацис пошел вместе с офицером дальше.

Всегда такой рассудительный, он сейчас явно поддался порыву. Покотилов-старший — надежный товарищ, зря

задерживать не станет. Значит, надо разобраться с этим человеком. Обязательно надо разобраться!

Лацис хорошо знал: в последние дни в Петрограде погромы стали бедствием. Набрасывались на винные подвалы, а пьяным все нипочем — громили магазины, лавки, склады, частные квартиры. Творилось это не стихийно, кто-то направлял нестойких людей. Так что дело не шуточное. И если офицер подстрекал солдат... Вырвалось короткое, суровое:

— Ваши документы?

Офицер вынул, протянул.

— Зайдемте в парадную!

— Мы можем говорить по-латышски,— поспешил тот ухватиться за эту возможность.

— Можем,— согласился Лацис.

В темном коридоре он достал зажигалку, высек крохотное пламя. Но его хватило, чтобы разобрать: «Штабс-капитан Судрабинь Ян Карлович...»

Лацис поднес зажигалку к лицу офицера.

Друг детства! Самый закадычный! И в юности потом переплелись их дороги. Даже жизнью обязан ему. Жизнью обязан! А он не узнает. Не узнает и не подозревает...

И все же спросил строго:

— Вам известно, как поступают с подстрекателями погромов? С под-стре-ка-те-ля-ми!

— Я не подстрекал! Меня спросили — ответил.

Мартына подмывало воскликнуть: «Ян, да раскрой же глаза, неужели не видишь, кто перед тобой?» Но что-то удерживало его. Он, казалось, мог и в то же время не мог себе объяснить, почему до сих пор не протянул ему руку, не встряхнул за плечи.

Вслух произнес совсем другое, резко, непримиримо:

— Конечно, состоите в контрреволюционном офицерском союзе полковника Гоппера!

— Что вы, я Гоппера еле знаю... Знаю, конечно, что командир бригады латышских стрелков...

— Был командиром! — перебил его Мартын.

— Совершенно верно! Был.

— А вы? Вы?

— Не скрою: не большевик. Обманывать не стану. Но полностью лоялен к Советской власти.

— Настолько лоялен, что подбивали громить винный подвал...

— Правдивость — мой девиз! — с достоинством ответил офицер.— Я честно сказал, как было. Один солдат спросил, я ответил. Разве не выстрадал он в окопах, разве не несли смерть каждая пуля, бомба, каждый снаряд... пусть бы хлебнул винца!

— Не понимаете, к чему это ведет?

— Понимаю. Но тогда не вдумался. Поставите за это к стенке?

— Мы к стенке не ставим. Мы генералов под честное слово отпускаем. «Действительно,— подумал Мартын,— не сажать же его в тюрьму». И вслух продолжил: — Дайте честное слово, что никогда не выступите против Советской власти! Но если не сдержите слово... если еще раз попадетесь... Идите! Иди-те!

Офицер поднес пальцы к козырьку.

— Честь имею! — круто повернулся и вышел.

Мартын тоже вышел на улицу. До Главного штаба всего несколько десятков шагов.

«А все же друг детства, слишком круто, слишком уж круто я с ним обошелся»,— подумал он.

IV

Когда Мартын закончил с Подвойским деловой разговор, он не нашелся сразу, как перейти к тому, что особенно волновало его.

Николай Ильич Подвойский был таким человеком, которого чем больше узнаешь, тем искреннее привязываешься. Мартыну вообще везло на партийных товарищей — людей честных, чистых, беззаветных.

Первым из них был Петр Тенч, подмастерье у столяра в Риге, куда после приходской школы поехал учиться ремеслу Янис Судрабс.

Они вместе с Яном Судрабинем направились тогда в город, только тот — в гимназию, а Янис — в подвал мастерской на Романовской улице.

По старому преданию, когда Ригу строили, каждый, кто ехал или шел туда, должен был принести с собой камень. У паренька сердце сжалось в камень при виде пятиэтажных громад, улиц, запруженных людьми, экипажами и повозками. Вспомнил народную песню:

Рига, Рига, город чудный,
Кто тебя таким создал?
То лифляндец подневольный
Камни на себе таскал.

Я в лаптях, мочалой сшитых,
Трижды Ригу огибал.
Баре рижские мечтали
В цепи заковать меня.

Владелец столярной мастерской не был крупным барином, но и он попытался «заковать» паренька: ремеслу не учил, а на побегушках Янис спозаранку и допоздна. Убирай, подметай, носи воду, доставляй заказчикам мебель, нянчи ребенка — и все за скудные харчи. Хозяин не платил ни копейки.

Зато подружился с подмастерьем Петром Тенчем, который первый рассказал ему, что такое социализм.

Не представлял Янис, что могут быть такие люди, как Петр.

2 Заказ 544

Они спали в мастерской. В первую же ночь Янка проснулся, видит: Петр ходит в одних грубошерстных носках, чтобы не слышно было, держит перед собой книжку и что-то бубнит. Потом вдруг стал на голову и простоял минут пять. Янка в недоумении: что с ним? А тот опустился на ноги, прошагал в угол, подхватил две гири и начал их выжимать. Затем снова за книжку, снова неслышно — вперед и назад — по мастерской.

— Что ты не ложишься? — спросил Янка.

— Французский учу.

— А зачем ты — на голове? Зачем гири?

— На голове, чтобы кровь приливала к мозгу и спать не хотелось. А гирями силу себе прибавляю. Человек должен быть образованным и сильным. По ночам я учусь.

— А спишь когда?

— От трех до шести.

— Три часа?

— Мне хватает. Другого времени нет, а знать нужно много. Я тебе тоже дам книги.

Петр не курил, не пил, у него была цель — знания. А потом он посвятил Яниса в главную цель своей жизни...

Да, Лацису везло на партийных товарищей. Всех их отличала такая преданность революции, что перед нею отходило на задний план, стушевывалось все остальное.

Николая Ильича Подвойского в революционеры посвятил сам Ленин.

В октябре 1905 года Подвойский, который был членом подпольного Ярославского комитета РСДРП, шел во главе демонстрации ярославских рабочих и студентов. По приказу губернатора на них обрушились казаки и черносотенцы. Подвойского не только избили ногами, палками, камнями; он получил семнадцать ран. Пострадавшим пришло письмо от Ленина, где он писал, что демонстранты — настоящие революционеры и должны гордиться, что

пострадали за дело рабочего класса. Этим они приняли посвящение в солдаты революции.

Позже, после свержения царя, в партийном билете, выданном Николаю Ильичу, в графу «социальное положение» по его просьбе были внесены эти ленинские слова: «Солдат революции». На самом деле солдат революции Подвойский был одним из главных ее командиров.

Когда Лацис впервые увидел его, высокого, стройного, такого стройного, каким может быть лишь кадровый офицер, он решил, что тот, несомненно, из военных, «военная косточка». И дело было не только в выправке, он обнаруживал самые глубокие познания в военном искусстве. Недаром Подвойский возглавил военную организацию большевиков, был председателем Военно-революционного комитета. Оказалось, однако, что Николай Ильич ни дня не служил в армии. Ни единого.

Лациса это так поразило, что он не мог не поинтересоваться: откуда же все это у штатского человека?

Николай Ильич рассказал, что он сидел в петербургской тюрьме вместе с руководителями Свеаборгского и Кронштадтского восстаний. Они подробно анализировали причины провала восстаний и главной из них считали отсутствие квалифицированного военного руководства. Выходит, нужно загодя учиться, решил тогда Подвойский. Немало была удивлена тюремная администрация, когда с воли ему стали поступать уставы, учебники, изданные курсы лекций, прочитанные в Академии Генерального штаба.

Из года в год он учился, читал не только отечественную, но и иностранную литературу по военным вопросам. Стремление проникнуть во все тайны военного искусства стало для него так органично, что Николай Ильич и внешне преобразился — появились и стройность и выправка, словно его с детства муштровали в кадетском корпусе.

Сейчас они сидели не просто в большом, а в огромном кабинете, где стояли глубокие кожаные сургучной окраски кресла, но Подвойский сидел на обыкновенном стуле, который никак не гармонировал с роскошным гарнитуром. Он не привык и не терпел мягкие сиденья, как и спать не любил на перине, простая койка — самое хорошее для него ложе. А вот Мартын Лацис чуть ли не утонул в кресле. Положив обе руки на подлокотники, он подался вперед, будто хотел лучше вглядеться в лицо Подвойского.

— Вот ты народный комиссар по военным делам,— сказал он после долгой паузы, когда закончил деловой разговор.

— Ну и что? — спросил Подвойский.

— А то, что ты по заслугам нарком. Ты готовился, ты изучал... А я...

— Что ты? — не понял Подвойский.

— А я, я могу народным комиссаром?

— Ты? Какого наркомата?

— Внутренних дел! Понимаешь, внут-рен-них!

— Кто тебе предложил?

— Ленин и Свердлов!

— Какие же могут быть колебания? Они-то разбираются, кому доверить!

— Но у меня самого нет уверенности,— настаивал Лацис.

Подвойский встал со своего неказистого стула, обошел стол, остановился напротив Мартына.

— Как, по-твоему, знаю я твое нутро?

— Как говорят латыши: до волоска в ухе.

— Тогда слушай! Дело не в том, что ты не веришь в себя, дело в твоей дурацкой скромности. Ты спросишь: почему я разрешаю себе называть ее дурацкой? Отвечу: бывают такие ситуации, когда революционер должен пойти

наперекор ей. Ты помнишь ночь двадцать седьмого октября?

Лацис кивнул: еще бы не помнить! Красновцы заняли Гатчину. Антонов-Овсеенко, командовавший войсками, приехал в Петроград и, войдя в штаб, еле стоял от безмерной усталости. Казалось, прислонится к стене и мгновенно уснет. Пятые сутки подряд он не смыкал глаз. В два часа ночи в штаб прибыл Владимир Ильич. Он сразу понял: на фронте творится неразбериха, а казаки продолжают наступление на Петроград.

Ленин сказал, что нужны экстренные и решительные меры. Тогда Подвойский попросил у него разрешения собрать в соседней комнате работников «военки». Там он заявил:

— Антонов-Овсеенко больше не выдержит такого напряжения. Кто из товарищей считает возможным взять на себя командование фронтом? — Все молчали. Тогда снова заговорил Подвойский: — В такой момент скромность гибельна. В данной обстановке не может быть места неловкости, связанной с самовыдвижением. Считаю своим партийным долгом взять на себя тяжелую ответственность, а вы мне поможете.

Все поддержали его. Полностью согласился и Владимир Ильич.

— Если помнишь, то сделай вывод.

Лацис поднял голову, посмотрел ему в глаза и вспомнил, каким мертвенно-серым было в ту ночь лицо Подвойского. Для всех них то были дни такого высокого напряжения, какого в обычной обстановке не смог бы выдержать ни один человек. Сутки за сутками, сутки за сутками, светает ли, наступают сумерки, обрушивается ли темень, никто не замечал. Время мчалось настолько быстро, что все сливалось в какое-то бесцветье, а возможно, время так искрилось, что и темнота цвела.

Мартын подумал: подобное напряжение возможно

лишь в священные часы революции. В эти часы можно поступить, как Подвойский, а сейчас речь идет о годах. Он не знал точно, что движет им: скромность ли, о которой говорил Николай, или действительно неуверенность в себе, но наркомовский пост ему не по плечу. И, продолжая глядеть в глаза Подвойскому, сказал:

— Самое большее, что мне под силу,— портфель товарища наркома *.

— Ну что ж, если это твое категорическое утверждение, так и решай.— Подвойский протянул Лацису руку.

V

Когда Ванюха Покотилов вступил в большевистскую партию и в Красную гвардию, он перестал называть отца тятей.

— Не подходит как-то,— сказал, смущаясь, молодым своим баском.— Ты — большевик, я — большевик, ты — красногвардеец, я — красногвардеец. Буду тебя величать Иваном Ивановичем.

Отец коротко глянул на сына и согласился. Однако добавил:

— Для полной справедливости и мне тебя Ванюхой кликать несподручно. Права у нас с тобой одинаковые, за одну правду стоим. Так что стану тебя тоже величать Иваном Ивановичем.

Сначала они обращались друг к другу по имени-отчеству только при людях, а потом и наедине привыкли.

Сегодня отец и сын Покотиловы патрулировали на улицах Петрограда. Неожиданно услышали они громкие возгласы женщины и мужчины:

— Оставьте меня в покое! Оставьте!

— Пойдем со мной! Чего ломаться?

— Не трогайте мой саквояж!

* Здесь в смысле: заместитель наркома.

— Не кричи, хуже будет! А чей чемодан, еще нужно доказать.

Бросившись к месту происшествия, Покотиловы увидели франтовато одетого молодого человека, который держал за руку пытавшуюся вырваться девушку. У их ног на тротуаре лежал саквояж.

— В чем дело? — спросил Покотилов-старший.

А Иван Иванович-младший сразу заметил: до чего же девушка хороша. Его удивило, что он это заметил, так как в теперешнее революционное время считал зазорным присматриваться, у кого какая мордашка.

— Так в чем дело? — повторил Покотилов.

Оба сбивчиво, перебивая друг друга, начали объяснять. И нельзя было понять, кто виноват, кто прав. Девушка уверяла: мужчина к ней пристал, пытался отнять саквояж. Молодой человек настаивал, что девица пристала к нему с известными намерениями, а увидев красногвардейцев, позарилась еще на саквояж.

— Так мы до утра не разберемся! — прервал их Покотилов-старший.— Шагайте в Смольный и там расследуем по справедливости: чей чемодан и кто говорит истину, кто громоздит лжу.

— Зачем мне с вами? Не пойду! — запротестовал молодой человек.

— Никуда не денешься. Пошли! — приказал Покотилов-старший, которому вся эта история показалась очень подозрительной.

— Спасибо за помощь! — девушка наклонилась, подняла саквояж.— Я очень спешу по делу, и дома меня ждут, волнуются.

— Нет, и ты с нами!

Иван Иванович-младший, вежливо сказав: «Разрешите, барышня!», взял саквояж.

В Смольном на третьем этаже, в комнате № 75, размещался Комитет по борьбе с погромами. Ленин требо-

вал, чтобы в него вошли абсолютно надежные члены партии. Сто человек выделили рабочие питерских заводов и солдаты воинских частей. «Русский Рено» направил сюда отца и сына Покотиловых.

Комиссары — так назывались все члены комитета, в том числе и Покотиловы,— посменно дежурили в семьдесят пятой комнате круглые сутки. В какую бы пору ни пришло известие о погроме, дежурный немедленно вызывал группу солдат или матросов и вместе с ними мчался на место происшествия.

Сейчас в комнате за столами, которые не так давно занимали дворянки-институтки, сидели четыре человека, и все они удивленными взглядами встретили девушку, которую ввели Покотиловы. Разных доставляли сюда людей: офицеров и штатских контриков, пьяных солдат, несознательных рабочих, буянивших баб, но такую барышню — впервые. Молодой франт удивления не вызвал.

Иван Иванович-младший поставил саквояж на стол.

— Так чей же это? — спросил Покотилов-старший.

— Мой! — поспешно ответил молодой человек.

— Он к саквояжу не имеет никакого отношения,— перебила девушка.— Несла его я, хотя он и не мой. Меня просили его передать.

— Наверно, там что-то особенное,— заметил один из комиссаров.

— Ну-ка, посмотрим,— Покотилов глянул на сына.

Иван Иванович открыл саквояж и увидел, что он полон листовок. Взял целую пачку, выложил на стол.

— Прокламации! — зазвучали возгласы.

— Это ее саквояж! Ее! — вскрикнул молодой человек.

— Контрреволюционные, думаешь? — Покотилов-старший метнул на него взгляд. Быстро поднес одну из листовок к глазам: — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — прочел вслух. Посмотрел на сына, на товари-

щей.— Наши же, большевистские прокламации! И в конце все правильно! Вон какими крупными буквами: «Долой империализм и его лакеев! Да здравствует рабочая революция и всемирный пролетариат!» Бери, милая,— обратился к девушке,— и доставляй, куда назначено!

— Тяжел для барышниных рук, да и увсли мы ее далече... Может, подмочь? — смущаясь, спросил Иван Иванович у отца.

— По справедливости — следовало бы,— согласился тот.

Тем временем начальник ночной их смены большевик с двенадцатого года, работавший на заводе «Старый Парвиайнен», кандалами гремевший до самого Нарыма и вызволенный Февральской революцией, с распространенной фамилией Петров, читал всю прокламацию от начала до конца. Вдруг вскочил, ткнул листок прямо под нос Покотилову-старшему.

— Ты что ж, только крупным буквам обучен?!

Тот ничего не понял.

— На таких простачков вражеский расчет!

Выхватил Покотилов-старший из рук Петрова листовку. Через минуту прошептал:

— Мать честна! — Так поражен был, что прошептал, а не воскликнул: — Между большевистских лозунгов — самая вредная контрреволюция... Самое злое подстрекательство на погромы... Хороши мы были бы с тобой, парень,— с горечью заметил сыну.— Дальше некуда, как хороши...

Кажется, за всю жизнь не испытывал он такого позора. Еще бы, своими руками его собственный сын потащил бы полный саквояж с вражьей отравой.

Иван Иванович-старший резким движением достал из кармана свой мандат, шагнул к Петрову, положил перед ним на стол.

— Не имею права на дальнейшее полномочие! Пере-

дай товарищу Бонч-Бруевичу. А в заводской партячейке особо доложусь.

Петров взял мандат, подержал и протянул обратно.

— Винишься правильно, а вычеркивать себя никакого резона. Ты же сейчас, товарищ Покотилов, за короткий этот момент столько ума-разума набрался, что и с другими поделишься.

Казус с листовкой настолько занял всех комиссаров, что они совсем забыли о девушке. Но она сама напомнила о себе:

— Я же говорила, говорила: меня просили передать. Что в нем — я не знала!

Тут уж Иван Иванович-младший не выдержал. Не то что со злостью, с яростью воскликнул:

— Хватит над нами изгаляться!

Не так-то просто довести его до такого состояния. Нельзя, правда, сказать, что характер у Ивана Ивановича-младшего очень спокойный, но с подростковых лет приучил он себя держать чувства в узде. Даже радость привык прятать. Разве что улыбнется чуть-чуть и сразу спешит погасить улыбку. Всем он казался точной копией отца. Внешне так оно и было. Но внутренняя их жизнь шла по разным колеям. У Ивана Ивановича-старшего, что на сердце, то и на лице, что в груди родилось, язык сразу вещает людям. А сын больше держит при себе. Может, и у него была бы душа нараспашку, да иначе сложилась судьба: детских забав почти не знал, с малолетства — среди взрослых, вот от стеснения перед ними, уважения к ним все больше помалкивал.

А сейчас не сдержался. При всех комиссарах, при начальнике их, старом большевике-каторжанине, в короткой фразе излил свой гнев. За себя, а главное — за отца. В самое пиковое положение вогнала контрреволюционная барышня отца. Каково ему класть на стол мандат, каково прилюдно каяться, что не имеет права на дальнейшее

полномочие. Самое большое имел он полномочие — штурмовал Зимний, а тут вдруг такой конфуз через эту контрреволюционную барышню. А для него самого? Как обрадовался за нее! Такая красивенькая... Ему редко нравились девушки, а эта сразу приглянулась. Потому и возликовал, когда отец решил, что наша она, потому, забыв о стеснительности, предложил проводить ее. Да не просто проводить, поднести саквояж с погромными прокламациями. А какая тому причина? На хорошенькое личико засмотрелся. Захотелось, чтобы при таком личике и душа хорошая. А нужно сначала в душу заглянуть, а потом уже на личико пялить глаза.

Так пристрастно отчитывал себя Иван Иванович-младший.

— Я правду говорю! — снова и снова повторяла девушка.

— Правду мы выясним,— сказал Петров. Распорядился, чтобы один из комиссаров увел молодого человека, установил его личность и в зависимости от обстоятельств задержал или отпустил. Взял в руки карандаш, обратился к девушке: — Имя, отчество, фамилия?

— Ангелина Львовна Корсакова.

— Так вот, Ангелина Львовна, выкладывайте все, как на духу. Откуда чемодан? Откуда листовки? Кому должны были доставить?

Не колеблясь, девушка начала рассказывать. И хотя, волнуясь, перескакивала с одного на другое, в ее голосе, в ее открытом взгляде ощущалась искренность.

Есть у нее подруга Нина. Она и попросила. Вместе они учились на Высших женских курсах. Бестужевских. Там и подружили. Как отказать подруге? Сегодня пришла к ней, а Нина больна. Попросила отнести саквояж. Не сказала, что в нем, а спрашивать — нетактично. Она и согласилась. Если бы знала... если бы знала, что в нем...

— Фамилия подруги? Где живет? Куда несли?

Тут девушка замолкла.

Петров понимал ее состояние. Негромко, даже участливо заметил:

— Знаю, какое слово застряло в горле: предательство! Как же — дорогую подружку выдам. А я скажу тебе: предательство — укрыть ее! Пусть и дальше сеет злое семя, пусть подстрекает темных людей? Вот нынче на Екатерининском канале начали погром с винного погреба, а перешли на частные квартиры. Пьяные громилы убили женщину. Так же они и твою матушку могут.

Ангелина Корсакова вздрогнула, а длинные ее ресницы, то опускавшиеся, то взлетавшие вверх, застыли.

— Да и какая это тебе подруга? Разве посвятила тебя в свое подлое дело? Значит, обманула. Это она тебя предала! Вот так. У тебя своя голова — решай!

Ангелина шевельнула губами, чуть приоткрыла рот. Должно быть, сразу родился ответ, но она сплела пальцы, крепко-крепко сжала их и этим усилием задержала его. Еще раз взглянула в лицо пожилого комиссара.

— Я поеду вместе с вами. Пусть она посмотрит мне в глаза.

Ангелина сообщила, что саквояж должна была доставить на Садовую, 32, второй этаж, журналисту господину Новицкому. А подруга Нина — племянница известного приват-доцента Громова.

— Громова? Все понятно — один из лидеров черносотенного «Союза русского народа»! Его каинова печать на листовках.

Петров вызвал автомобиль и сказал Ивану Ивановичу-старшему:

— Выправляй, товарищ Покотилов, свою промашку! Бери наследника, бери матроса товарища Тюникова, потому как не исключено вооруженное сопротивление, захвати девушку и дуй на квартиру ученого контрреволю-

ционера! А на Садовую к господину Новицкому сейчас другую группу отправлю.

Иван Иванович-младший обрадовался. Обрадовался за себя, а за отца — особенно. Сами напортачили, сами и исправят. Срамотища, если б Петров других послал.

В автомобиле Иван Иванович-старший посоветовал Ангелине самой позвонить в квартиру Громова, назвать себя, и тогда их всех беспрепятственно впустят. Корсакова понимающе кивнула.

Автомобиль остановился на Невском, за Казанским собором. Все четверо поднялись на третий этаж, где на двери медная табличка гласила: «А. А. Громов. Приват-доцент».

Все произошло, как и было задумано: на звонок откликнулась горничная. Голос Ангелины она узнала, дверь открыла немедля. Иван Иванович-старший приложил палец к губам, чтобы та не пикнула.

— Из Смольного. Веди к барину!

— Барин с мадам в спальне,— от страха чуть слышно промолвила горничная и показала на вторую дверь по коридору.

Ангелину и горничную попросили остаться в прихожей.

Иван Иванович-старший постучал и приоткрыл дверь спальни. Широченная кровать под балдахином. На тумбочке тлел ночник.

— Комиссары из Смольного! — громко сказал он.— Гражданин Громов, выходите!

— Кто дал вам право врываться ночью! — взъерепенился тот.

— Революция дала право!

Громов поднялся. На нем была длинная ночная рубаха. Протянул руку, взял с тумбочки очки. Он не сомневался: неспроста нагрянули к нему комиссары. Мелькнула мысль о прокламациях, но постарался прогнать ее.

— Чем обязан тому, что ваша революция,— Громов сделал ударение на слове «ваша»,— остановила на мне свое око? — Снял со спинки кресла халат, надел его, завязал пояс на полном животе.

— Шагайте в свой кабинет. А ты, Иван Иванович,— обратился к сыну,— постой у двери спальни.

— Это же зачем? — не понял юноша.

— То, что мы ищем, могли и здесь спрятать. Попросим мадам одеться. Тогда зайдешь и поищешь.

Когда вошли в кабинет и Громов зажег свет, Покотилов показал ему листовку.

— Знаю наперед: скажете, что видите в первый раз.

Громов взял ее, глянул, снял очки и поспешил подтвердить:

— Вы правы! Да и сами подумайте: громить винные подвалы не собирался, в тех местах не прогуливаюсь, кто же мне вручит подобную прокламацию?

Иван Иванович-старший сел за письменный стол, повысил голос:

— Нам доподлинно известно: часа полтора назад из вашей квартиры вынесли саквояж, набитый этими прокламациями.

— Так же бездоказательно, как это ваше утверждение, могу заявить: они вынесены из вашей квартиры. Я юрист и очень опытный! — Громов старался преодолеть страх и подавить этого мастерового своей ученостью.

Однако Иван Иванович-старший знал, что делать.

Вышел в коридор, где ожидала Ангелина.

— Следуй за мной, барышня, и выведи на чистую воду заядлую эту вражину!

Когда Покотилов-старший ввел Ангелину в кабинет, Громов вперил в нее взгляд и начал очень пристально разглядывать, так пристально, словно колебался — знает ли ее или нет. Подошел к ней ближе, снял очки, отступил назад. Ангелина молчала, удивленно наблюдая за ним.

— Не прикидывайся, барин,— сказал Иван Иванович-старший с нарочитой грубоватостью.— Не пробуй мне глаза замазывать, будто первый раз ее видишь.

— Нет, почему, почему,— пробормотал тот,— приходилось, раз-другой была в нашем доме.

В это время в двери показалась девушка в капоте. Не было сомнения — племянница Громова.

— Могу совершенно точно сообщить, когда у нас была Ангелина Корсакова,— на удивление спокойным голосом заговорила она.— Двадцать третьего октября. Это день моего рождения, и она приходила поздравить меня. Подтверди, Лина.

— Нет! Сегодня была. И ты просила меня отнести саквояж!

— Это бессовестная ложь!

— Фу, стыдись! — брезгливо бросила Ангелина. Хотела еще что-то добавить, однако гнев так вскипел в ней, что она повернулась спиной.

— Что вы теперь запоете? — спросил Покотилов-старший.

Неизвестно, кто из них и что сказал бы, но в кабинет вошел Иван Иванович-младший, остановился рядом с отцом и что-то прошептал ему на ухо.

— Ты не шепчи, ты громко, на полный голос,— и, не дожидаясь, сам возвестил: — Тайник! — поднял вверх указательный палец.— Тайник Иван Иванович выстукал. Говори, Иван Иванович, рассказывай!

— А что рассказывать? Просто подумал: не под подушкой же листовки прячет. Может, потайное место имеется? Вот и начал стенку выстукивать. И сразу повезло: выстучал за спинкой кровати.— Вдруг он почувствовал, что говорит отцу, а смотрит на Ангелину, и от смущения умолк.

Покотилов-старший протянул к Громову руку, потребовал:

— Ключ!

Тот испуганно стянул пальцами ворот халата.

— Выбирайте, гражданин: ключ и немедля, тогда одного вас задержим, иначе и родственников придется доставить в Смольный.

— Можете! Мы готовы хоть на Голгофу! — выкрикнула Нина.

Громов подошел, обнял ее, с наигрышем сказал:

— Я один понесу свой крест! — он имел в виду символический крест, а сам снял с шеи золотой нательный крест, на одной цепочке с которым висел ключик.

Все направились в спальню.

Иван Иванович-младший присел у стены на корточки, ткнул пальцем в замочную скважину. Громов опустился рядом с ним, довольно долго прицеливался ключом и наконец отпер дверцу.

Иван Иванович-младший проворно засунул руки в глубокое чрево тайника и вытащил толстую стопу листовок.

Не видел он, с каким удовольствием наблюдает за ним отец.

— Правильный у тебя подход, многие руками ищут, голова к ним довесок, а ты — головой. Справедливо!

Ангелина пристально глядела на расторопного юношу.

Не очень стойким оказался один из главарей черносотенного союза. Если дома он еще кое-как сдерживал страх, то в Смольном, когда его привели в семьдесят пятую комнату, сразу раскис и начал упрашивать, чтобы приняли во внимание его чистосердечное признание.

Нет, он не главный организатор кампании погромов. Он не снимает с себя некоторой доли вины, но всему голова — князь Кекуатов! Не кто иной, как князь Кекуатов, пригласил его к себе и показал текст прокламации. Он спросил, если ли у Громова возможность организовать

печатание прокламаций и их распространение. На подобный вопрос он не мог ответить отрицательно, ибо возможности приват-доцента Громова всегда были весьма широкие. Совещание закончилось определенным соглашением: он принял на себя обязанности найти типографию и людей для распространения прокламаций. На расходы получил две тысячи рублей.

В ту ночь так и не пришлось сомкнуть глаз ни Петрову, ни отцу и сыну Покотиловым. Вместе с Громовым поехали за князем Кекуатовым.

VI

Штабс-капитан Ян Судрабинь не только состоял членом офицерского союза, организованного полковником Карлом Гоппером, но был одним из самых близких к нему людей и жил с ним на одной квартире. Они занимали две комнаты на Пятой линии Васильевского острова. Сюда спешил Судрабинь. Подгоняли не только ветер и мороз, он знал: полковник встревожен. Один из товарищей видел, как его задержали двое красногвардейцев, и, несомненно, доложил Гопперу.

Кто же этот латыш, отпустивший его? Наверно, какой-то большевистский начальник. Самое странное, что показался знакомым. Во всяком случае, что-то знакомое улавливалось в голосе, в облике... Хотя за такой бородищей и усами, к тому же в темноте, облика не разглядишь. Скорее всего из латышских стрелков, из тех, кто давно выкрасился в красный цвет.

Полковник Гоппер, да и он, как штабной офицер, давно имели сведения, что в полках есть большевики и их сторонники, но лишь после отречения государя императора узнали, сколь значительно их число. Особенно это выявилось в мае семнадцатого года во время II съезда латышских стрелков. Полковник Гоппер очень резко

выступил тогда против тех, кто разлагал армию. Он надеялся, что его авторитет возымеет действие на делегатов съезда. Но подавляющим большинством они выразили прямое недоверие Временному правительству. Больше того, послали телеграмму Ленину, в которой приветствовали его как величайшего тактика пролетарской революции и выражали желание видеть в своих рядах.

Полковник Гоппер, он, Ян Судрабинь, да и другие офицеры голосовали против, но их оказалось немного. Остальные пошли за большевиками.

Вот и сейчас в Петрограде — сто двадцать офицеров и унтеров, верных Временному правительству. А большой сводный отряд латышских стрелков охраняет Смольный. И все полки перекрасились в красный цвет.

Ну, до поры до времени. Вот соберется Учредительное собрание, тогда решительный удар нанесут войска, поддерживающие Керенского. Страх — единственное чувство, которое может держать в повиновении то, что называется народом. Не имеет значения, рота ли это солдат или тысяча крестьян, а тем более мастеровых. Полковник Гоппер тоже придерживается такого мнения. Это их сблизило. Настолько сблизило, что разница в возрасте и чинах не помешала стать друзьями. Он сказал бы — товарищами, но как испохабили большевики такое высокое слово! Теперь только и слышишь на каждом шагу: «товарищ, товарищ». «Господин я вам, а не товарищ!» Товарищами могут быть лишь избранные. Среди почти тридцати тысяч латышских стрелков у него лишь один друг-товарищ — полковник Гоппер. Пусть он командует сейчас не бригадой, а всего лишь ста двадцатью преданными ему людьми, Гоппер — полководец. Не потому лишь, что обучен военным премудростям, а оттого, что таким рожден. И в политике не профан. Он установил связь с теми, кто так удачно организовал погромы.

Ему, Судрабиню, сначала показалось унизительным

подстрекать грязную солдатню, но Гоппер легко доказал: погромы не хуже картечи крушат большевиков. Здесь, в Петрограде, сейчас нет военных действий, но с обоих флангов берут их в клещи: с одной — эти самые погромы, с другой — саботаж чиновников.

Пусть Ленин и его ближайшие приспешники — образованные люди, но где возьмут они полчища красных чиновников, без которых не в состоянии обойтись ни одно государство...

Так размышлял Ян Судрабинь, крупными шагами ступая по темным линиям Васильевского острова. Совсем пустынно, остров не просто казался вымершим, охватывало ощущение, что здесь вообще давным-давно никто не живет: появились когда-то люди, выстроили дома, даже повесили на них различные вывески, но это всего лишь декорации, люди сыграли один спектакль и навсегда исчезли.

Полковник Гоппер открыл Судрабиню дверь и заключил его в объятия. Без восклицаний, охов и ахов, молча, по-мужски. Судрабинь был выше ростом и обнял полковника за плечи. Так они простояли не меньше, чем полминуты. Потом Ян разделся, а полковник прошел в комнату и сел за стол, на котором рядами лежали игральные карты. Гоппер любил раскладывать пасьянс, и, вполне возможно, даже без всяких сомнений, пасьянс должен был дать ответ на вопрос о судьбе Судрабиня. Но и усевшись в кресло, Гоппер не задал ни одного вопроса. Проведя рукой по темным усикам, прикрывавшим коротковатую губу, он поднял глаза на Судрабиня и ждал доклада. Да, они друзья, но известная субординация сохранялась. Яна это нисколько не обижало. Он и не желал быть с Гоппером запанибрата. Панибратство загрязнило бы их дружбу: старший должен быть старшим, а младший — младшим.

И в то же время — полное равенство в высказывании своих мыслей, в отстаивании взглядов. В главном — полное равенство!

Ян рассказал Гопперу обо всем, что с ним случилось. Когда он закончил, полковник заметил: у него такое ощущение, что, возможно, этот бородатый латыш выручил Судрабиня. Нужно все же вспомнить, кто он, тем более если бородач какой-то начальник у красных. Вдруг удастся как-то использовать.

— Какое же это знакомство? — удивился Судрабинь.

— Вы же сами говорите, что он вам кого-то напомнил. Вот и нужно вспомнить — кого и попытаться возобновить или установить знакомство.

Но как ни напрягал Ян память, припомнить не мог.

— Кстати,— заметил Гоппер,— завтра мы с вами ужинаем у Палкина.

Судрабинь знал, что деньги у них на исходе, о том, чтобы пойти в такой дорогой ресторан за свой счет, не могло быть и речи.

— Кто приглашает? — спросил он.

— Сами вполне сможем расплатиться. Завтра я получу у приват-доцента Громова кругленькую сумму.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Каждое утро на центральных улицах Петрограда появлялись подростки с сумками через плечо, полными газет. Они бежали, останавливались, озябнув, пританцовывали, простуженными голосами выкрикивали новости.

Пожилые продавцы стояли на углах, у магазинов, кинематографов, и каждый на свой лад бубнил очередную сенсацию.

А газет в Петербурге выходило — не перечесть. Кроме большевистских — меньшевистские, эсеровские, анархистские, кадетские, всякие: «Единство», «Воля народа», «Трудовое слово», «Народное слово», «Рабочее дело», «Революционный набат». Названия «революционные», «рабочие», «народные», а содержание — сплошная клевета на Советскую власть.

Четыре пешехода шли, не обращая внимания на выкрики газетчиков. С виду самые обыкновенные пешеходы, совершенно ничем не приметные. Один — худой, с бородкой, одет в поношенную солдатскую шинель, другой — высокий, могучий, в пальтишке, подбитом ветром, третий — круглолицый, с усами щеточкой, в пенсне, в поношенном казакине, и лишь четвертый — приземистый, хотя и носил очки в неказистой оправе, зато в приличной шубе с каракулевым воротником и шапке тоже каракулевой. Это был новый нарком внутренних дел Григорий Иванович Петровский.

Еще в 1912 году, когда избрали его в Государственную думу, справил себе эту шубу, но лишь две зимы удалось проносить, потом сослали в Сибирь, а жена сохранила шубу, вот и надел ее теперь. А у членов коллегии — у Дзержинского, Лациса и Уншлихта — никакой респектабельности.

Все свершилось так, как надеялся Лацис. Его назначили членом коллегии. А наркомат, по предложению Ленина и Свердлова, принял Петровский. Петровского они знали давно. Очень давно. В Екатеринославе появился крестник Ивана Бабушкина, молодой токарь Брянского завода. Работать ему пришлось не только в Екатеринославе, а и в Харькове, Николаеве, Мариуполе, в Донбассе, и всюду шли за ним и металлурги, и машиностроители, и горняки.

Есть вожаки, которых сама жизнь как бы специально готовила для такой роли, награждая приметной внешно-

стью, могучим голосом, особыми повадками. О Петровском кто-то очень метко сказал: он необыкновенно обыкновенен. Любой рабочий с первого взгляда чувствовал в нем своего человека. Нет ничего удивительного, что в IV Государственной думе одним из депутатов-большевиков от рабочей курии Екатеринославской губернии оказался Петровский.

...Только нарком и его товарищи свернули на Театральную улицу, где находилось бывшее министерство внутренних дел, как возглас газетчика на этот раз остановил их.

— Капитуляция министров-большевиков! Народные комиссары без власти!

Все четверо переглянулись.

— Вот чертов сын! — воскликнул Петровский.

Лацис подошел к продавцу, купил газету. Вернувшись к товарищам, стал спиной к ветру и начал читать вслух. Статья непосредственно касалась их. Тут и мороз не помеха.

— «Новоявленные министры попросту не могут взять власть,— прочитал он первую фразу.— Она ускользает из их рук, потому что вокруг них пустота, созданная ими самими; потому что весь служебный и технический аппарат государства отказывается им служить. И министерские канцелярии, и почта, и телеграф, и железные дороги не желают быть орудием в руках заговорщиков».

— Ну и ну! — Лацис раздосадованно покачал головой, Дзержинский нетерпеливо поторопил его:

— Дальше.

— «Большевики могут сделать все, одно они не могут — овладеть государственной властью: не сегодня-завтра они неминуемо свалятся в пропасть. Заговорщики должны неминуемо капитулировать!»

Каждый из них понимал, как все это серьезно. Чиновники министерства продовольствия постановили прекра-

тить доставку продуктов питания в революционные центры; вследствие забастовки врачей разрастались эпидемии; рабочим на заводах и фабриках не выплачивали жалованья; в приютах дети умирали от голода; до сих пор незримыми каналами текли деньги так называемым комиссарам губерний, назначенным еще Временным правительством, получали крупные пенсии бывшие тайные советники и генеральские вдовы, кто-то своевольно распределял пайки, предназначенные женам и детям фронтовиков.

На Театральной улице стоял солидный особняк: колонны, два мраморных льва, дубовая дверь с отполированным медным кольцом. Петровский потянул за кольцо, дверь не поддалась. Пошли вдоль чугунной ограды с темно-серыми пиками, на которой сидели темно-серые вороны. Калитка в массивных воротах оказалась открытой. Во дворе увидели человека в длинном переднике поверх тулупа. В таких передниках ходили дворники.

— Любезный,— позвал его Григорий Иванович,— проводи-ка нас к самому высокому, какое здесь имеется, начальству!

Тот осмотрел разномастно одетых людей и ответил, глядя лишь на Петровского; не только потому, что он задал вопрос, но прежде всего оттого, что одет лучше других:

— Ни высокого, ни какого иного начальства не присутствует. Министерство на замке, каждая дверь на запоре.

— Кто же здесь еще есть?

— Другие младшие дворники.

— А у кого ключи? — спросил Дзержинский.

— Ключи — у старшего.

— Так веди его сюда!

— Разрешите поинтересоваться, кто изволите быть?

— Народный комиссар внутренних дел,— указал

Уншлихт на Петровского.— Вместо вашего бывшего министра.

Младший дворник оторопело переспросил:

— Заместо господина министра? Его высокопревосходительства?

— Вот, вот. А теперь кличь весь ваш дворницкий пролетариат и обязательно доставьте старшего дворника при ключах.

Расторопный малый быстро собрал всех. Петровский показал им свой мандат.

— Наверно, вам любопытно знать, товарищи, кто же я такой, что теперь вместо бывшего министра? — спросил Григорий Иванович.— Отвечу: чистый пролетарий! Токарь, слесарь. Такие сейчас министры. Потому и бунтуют против нас царские чинуши, что с простым людом мы, его защита и опора. Значит, вы, как самые униженные здесь труженики, должны помочь нам.

Открывал старший дворник кабинет за кабинетом, канцелярию за канцелярией, а там уже спертый запах, пыль густым слоем на столах, холодище — не первый день не являются чиновники. А ключи от столов у них. Да и что сделают Петровский и его товарищи, если вскроют столы? Не разобраться самим во всех делах.

Лацис спросил у дворников:

— Есть у вас адреса чиновников?

Оказались адреса.

— Нужно написать распоряжение наркома, чтобы завтра безотлагательно явились...

II

В девять часов утра на следующий день в здание на Театральной пришли Петровский и Лацис. Своевременно собрались дворники, швейцары, курьеры. И не прибыл ни один чиновник.

— Что же, иного выхода нет — наиболее необходимых чиновников придется доставлять под конвоем.

Лацис позвонил в штаб Красной гвардии Выборгской стороны, попросил прислать двадцать пять красногвардейцев. Затем еще один звонок — в Бюро комиссаров: всем работникам бюро прибыть в Народный комиссариат внутренних дел. Они первыми зачисляются новыми сотрудниками.

И вдруг совсем неожиданно явился чиновник. Сначала раздался стук в дверь. Петровский сказал: «Входите!» Дверь открылась — и на пороге человек в мундирчике и узких брючках. Поклонился, улыбнулся.

— Разрешите, господин народный комиссар?

— Товарищ,— поправил его Петровский.

— Очень непривычно еще, ваше высокопре...— оборвал себя.— Прибыл согласно вашему приказу. Голубев Юрий Степанович. Чиновник по особым поручениям.

Голубев был коренаст, длиннорук, и оттого мундир на нем казался мундирчиком. Да и черты его лица следовало бы называть лишь уменьшительно: носик, глазки, ротик. Потому-то Лацис сразу вспомнил, кто это такой.

Пять с половиной лет тому назад в рижской партийной организации появился провокатор. Провалы и аресты — один за другим. Мартын уже чуял слежку за собой. Стало известно: его фотография размножена и роздана шпикам. Товарищи по подполью решили: он должен скрыться в глубь России. Но скрыться не так просто — на вокзале полно шпиков.

Мартын выбрал поезд, который отходил поздно ночью, переоделся в крестьянскую одежду. И все же, только устроился в вагоне третьего класса, только растянулся на полке, как напротив уселся тип в котелке. Пристально начал его разглядывать. Тогда-то он и обратил внимание — до чего не гармонировали с коренастой длинно-

рукой фигурой совсем крохотный носик, узкие глазки и чуть намеченный разрез рта.

Мартын хорошо запомнил шпика, не раз посматривал на него, пока придумывал, как скрыться. И придумал. Из-под носа ушел. И так обрадовался, что написал озорное письмо начальнику Лифляндского губернского жандармского управления генералу Волкову:

«Очень признателен за внимание, оказанное мне. Ваши люди проводили меня до Двинска, помогли устроиться в вагоне второго класса, и я без задержки последовал тем же поездом дальше.

Вы оказали мне большую честь, поместив в ваших регистрационных книгах мою фотографию. Можете быть уверены, что в грядущую революцию за ваши труды вам воздастся сторицею».

На станции Великие Луки Мартын бросил письмо в почтовый ящик...

— За какие такие подвиги, господин Голубев, от рядового рижского шпика — до чиновника по особым поручениям? — спросил сейчас Лацис жестко.

Голубев неожиданно моргнул, но не растерялся, впился глазками в его лицо и улыбнулся, словно даже весело улыбнулся.

— Вот так встреча! Извините, запамятовал вашу настоящую фамилию. Вот куда взлетели. Небось товарищ его пре... господина-товарища народного комиссара? Или начальник департамента? Да вы и тогда, когда, так сказать, за вами... уже не птичкой, птицей летали.

Открылась дверь и вошел Покотилов-старший.

— Товарищ Дядя! Группа красногвардейцев Выборгской стороны прибыла.

Лацис пожал ему руку, познакомил с Петровским.

— Как поступим со шпиком, Григорий Иванович? — Задав этот вопрос, Лацис сам же ответил: — Следует наказать за мерзкие делишки!

Лицо Голубева как бы уменьшилось, так сморщилось от испуга.

— За что? За службу не наказывают. Служба есть служба. Капиталов не имею. Семью с жалованья кормлю-пою. И вам готов служить верой и правдой.

— Следует наказать! — повторил Лацис.— Но Советская власть не мстит даже за подлое прошлое. А вот за преступления перед революцией...

Лацис ни разу не повысил голос, хотя первым желанием, когда увидел шпика, было схватить его за шиворот и трясти, чтоб душа из него вон. Не только за то преследование до Двинска. Он олицетворял десятки шпиков, которые караулили, бегали по пятам, выискивали, провокаторами проникали в организации.

III

В январе девятьсот шестого впервые встретил он одного из них, и для Мартына, тогда еще Яниса Судрабса, эта встреча лишь случайно не закончилась гибелью.

Со страстью, с азартом окунулся он тогда в революцию.

Еще в Риге расклеивал большевистские листовки, которые получал от Петра Тенча. Перед тем как поздним вечером выйти с ними на улицы, Янис читал их. Они призывали бросать работу, бороться за свободу слова и печати, собраний и забастовок, за восьмичасовой рабочий день. Янис согласен был с каждым словом.

Петр предупредил его:

— Если поймают, посадят за решетку. Обвинят в принадлежности к социал-демократической партии, которая добивается свержения существующего государственного строя.

— Значит, я социалист! — радостно воскликнул Янис.

— Нет, ты лишь на подходе.

Янис приехал домой из Риги летом пятого года в самый разгар революции. Ян Судрабинь приехал раньше. Узнав, что прибыл друг детства, бросился к нему. Казалось, сам сгорит от революционного пыла и подожжет все вокруг.

— Сегодня собрание в лесу! Агитатор — из самого Вендена. Идем!..

Пришли на поляну в лесу, а там людей — не перечесть. Удивление взяло Яниса. Вместе с батраками, бедняками, арендаторами явились едва ли не все хозяева — серые бароны. Даже отец Яниса Судрабиня пожаловал. Толкуют о немецких помещиках — настоящих баронах. Ух, как ненавидят их и батраки и хозяева! Каждая фраза проперчена этой ненавистью. Очень пожалел Янка, что отца здесь нет, не смог уговорить. Старый упрямец считает, что все на земле от бога. А против бога идти грех. И потом еще не раз они спорили. Нелепо ведь получалось: стольких людей наставил на верный путь, а отца так и не смог!

Ян Судрабинь затянул песню:

Немчура ты, чертов сын,
Ты попляшешь у меня
На каленых докрасна
Красных кирпичах!

Песню подхватили:

В час расплаты, в страшный час
Рассчитаюсь я с тобой,
Отплачу сторицею
За дедов и прадедов!

И Янис пел со всеми. С давних времен нет у латыша злее врага, чем немецкий помещик. У него и земля, и вся власть, и смотрит на крестьянина с брезгливым презрением. Но Янис знает, для каждого батрака «свой брат» — латышский серый барон — не лучше. Чего стоит хотя бы то, что на волостных сходках хозяин имеет полный голос, а батрак — одну десятую. И называют его десятой частью человека. У хозяина мечта: отнять бы у немца землю и самому стать помещиком. Потому и поет вместе с батраком. И одобрительно слушает большевистского агитатора, пока тот говорит о немцах. Да и о кручине батрака пусть говорит. Не велика беда, сейчас все вместе поджигают помещичьи усадьбы, а дальше, минет заваруха, без хозяина все равно деваться некуда.

Но вот завел речь оратор о царе, о правительстве. Долой Николая Второго! И попятился, потихоньку ушел старый Судрабинь, за ним — другие хозяева. Царь далеко, да руки у него длинные.

Из леса батраки возвращались уже одни. Только Ян Судрабинь — вместе с ними.

— Ты уже социалист? — спросил у Яниса.

— Еще не записывался, но сам про себя решил.

— Должен записаться!

— У кого?

— У учителя Антона Салума. Он недалеко — в Спулдзены.

— Я еще ничего не успел, только листовки расклеивал в Риге. А настоящие социалисты... Я видел настоящих!

— Революция, как большой сапог, оставляет глубокий след! — поспешил вставить Судрабинь.

Мартын знал: «большой сапог, который оставляет глубокий след» — любимое присловье отца Судрабиня, и с детства оно перешло к Яну; не было разговора, куда бы он его не вставлял к месту или не к месту. Но его сразу

возмутило, что революцию тот сравнивает с большим сапогом!

Янис, конечно, пошел к Антону Салуму. Назревала стачка сельскохозяйственных рабочих, а Яп Судрабипь сказал ему по секрету, что учитель — один из руководителей подпольной социал-демократической организации «Революционный центр Иманта». В жандармском управлении была составлена на него розыскная ведомость:

«Антон Анжев Салум, 1883 года рождения, роста среднего, волосы рыжие, дыбом, шея длинная, лицо продолговатое в веснушках, худощавый, серьезный взгляд, говорит по-русски и по-латышски».

Если бы Янис каким-нибудь образом прочел заранее это полицейское описание, он, увидев Антона, поразился бы, до какой степени бесцветен и немощен язык жандармов.

Перед ним, когда он переступил порог комнаты учителя, стоял человек высокого, а не среднего роста, может быть, оттого, что высоко поднял правую руку. В левой держал лист бумаги, а правую поднял и что-то читал вслух самому себе.

Янис остановился у порога: как ему быть? Поздороваться, перебить учителя, или подождать, когда закончит? Но тот сам шагнул к нему, будто ожидал его.

— Слушай! — Еще выше вскинул голову.— «Пусть коса больше не скосит ни одного колоса! Пусть плуг станет в борозде! Пусть все, кто пóтом поливал чужие поля, утрут пот!» — сделал паузу и вопрошающе поглядел на Яниса.

Какие ярко-зеленые глаза! Будто два самых сочных листка, продырявленные горошинами зрачков, застряли между век. До чего воспламененное лицо! Все горело — и шевелюра, и брови, и остроконечная, словно пламя, изогнутое ветром, бородка, и щеки, и крупный рот. Янису показалось, что никогда не встречал такого красивого

мужчину. А возможно, глядя на учителя, он вообще впервые подумал о мужской красоте. И понял, что не в точеном она носе, не в разрезе глаз, а в той внутренней озаренности, которой освещен он.

— «Пусть все, кто по́том поливал чужие поля, утрут пот!» — восхищенно повторил Янис.

— Согласен? — спросил Салум.

— Еще бы!

Лишь теперь Салум внимательно оглядел юношу.

— Кто ты, братец? — Он взял его, как мальчика, за руку, подвел к столу, где стояло старенькое кресло, сам сел напротив.

— Янис Судрабс. Сейчас батрачу, до этого — в Риге, в столярной мастерской...

Салум наклонился к нему, будто пытался рассмотреть знакомые черты.

— Не с Петром ли Тенчем?

— Как есть с ним!

— Так мы с тобой, братец, уже давние знакомцы! Во-первых, Тенч рассказывал мне о тебе; во-вторых, ты расклеивал листовки, которые я писал.

— Вы их писали? — восхищение во взоре Яниса.— Я каждую из них помню. Как песню!

Лишь теперь Янис окинул взглядом комнату. Три стены закрыты полками с книгами. Он ни у кого не видел столько, но, наверно, у такого человека и должно быть не меньше.

— Любишь читать? — заметил его взгляд Салум.

— Не знаю. Некогда мне.

Салум подошел к полке, достал одну из книг.

— Возьми! Не только глазами, сердцем прочтешь.

Янис глянул на обложку: «Спартак».

— Что это? Что такое «Спартак»?

— Имя римского раба-гладиатора. Гладиатор — борец, который на арене цирка сражался на потеху зрителей

с дикими зверями или с другими гладиаторами. На жизнь или на смерть! Так вот Спартак поднял на восстание десятки тысяч гладиаторов и рабов.

— И победил?

— Прочтешь, все узнаешь. Но главное: Спартак поднял восстание и мы подняли! Готовим забастовку. Примешь в ней участие?

— Затем и пришел!

— Молодец! Сразу тебе задание: сагитировать батраков четырех соседних хуторов. Сумеешь?

— Сумею!

Не сомневался, что сумеет теперь все: революция! Каждый безземельный постоит за себя. А оказалось, собственный отец не захотел бастовать. Янис убеждал его до того, что тот чуть не дал ему в ухо. Правда, с соседскими батраками сговорился — молодые парни, с ними проще.

От Салума не скрыл казус с отцом. Янис вообще от него ничего бы не скрыл. Всего себя распахнул бы. За две ночи прочитал «Спартака». Целые страницы заливал слезами, хотя последний раз плакал в семь или восемь лет. Антон Салум не был таким могучим, как вождь гладиаторов, не владел мечом, но юношеское воображение почти слило их образы.

Салум успокоил его: против хозяев еще не все готовы, главный сейчас прицел на современных патрициев — помещиков, баронов. Будем вооружаться, создавать боевую дружину.

— А оружие откуда?

— Отнимем у лесников, первых баронских холуев, у самих баронов, топоры с вилами, дубинки — тоже подходящее оружие.

Через день Янис снова пришел к учителю — на плече висело ружье.

— Откуда у тебя такая игрушка?

— От лесника.— Резким движением обеих рук показал, как вырвал у лесника ружье.

Но ни в этом движении, ни в словах — ни капли хвастовства, вот, мол, какой я удалой. Это особенно понравилось Салуму. В свои двадцать два года он уже разбирался в людях.

— Такой парень мне как раз нужен. Будешь моим связным, помощником, адъютантом... Какое хочешь звание, такое и выбирай...

— Да мне лишь бы с вами! Чтобы польза вам и революции!

— В субботу демонстрация. Каждый вооружается, чем может, но ни одного — с пустыми руками. Под красным знаменем. Пусть попробует барон не выполнить наших требований. Хутора распределены между членами организации, а ты, братец, с самого утра — на хозяйскую лошадь и — по всей округе. Доложишь мне где, что и как.

Демонстрация удалась на славу. С революционными песнями подошли к замку барона фон Граббе, полукругом охватили фасад. На балкон с нарочитой медлительностью вышел управляющий.

— Их сиятельство приказали разойтись!

Множество рук взметнулось в воздух — на солнце засверкали вилы, топоры, стволы ружей. Полетели грозные возгласы.

— Поджигай! — бросил Салум Янису.

Тот заранее притащил бутыль с керосином. Бегом к ближайшей деревянной постройке. Через несколько минут ветер понес клубы дыма прямо на балкон. Управляющий скорее — вовнутрь дома. Снова вышел на балкон уже поспешной походкой.

— Их сиятельство приказали: немедля потушить пожар, тогда обещают рассмотреть ваши просьбы.

— Требуем немедленный ответ! — крикнул Салум.

— Требуем! — подхватили Янис и все остальные.

А дым черными волнами хлынул в баронские покои. И сам фон Граббе, словно у него загорелись штаны, выскочил на балкон.

— Тушите пожар! Принимаю! Согласен!

Победа как хмель: еще громче зазвучали песни, демонстранты двинулись к волостному дому. Там растоптали портрет царя, сожгли списки рекрутов и резервистов.

...Осенью 1905 года в Латвии насчитывалось до восемнадцати тысяч членов партии ЛСДРП, одним из них стал Янис Судрабс — будущий Мартын Лацис.

Партийных билетов тогда не выдавали, не произносили торжественных речей, но Янис навсегда запомнил день, ставший главной вехой на его жизненном пути. Он был дождливый, этот день, таких немало выдается в Латвии, его словно бы окунули в серые краски; топкими серыми полосами расчертил его дождь, обложили серые тучи, сквозь них с трудом пробивался серый свет. Всю дорогу от избы Салума Янис прошагал с непокрытой головой и лишь дома увидел в руке картуз, увидел, улыбнулся и полотенцем стал вытирать промокшие волосы. Еще запомнил, что чуть ли не девять верст пел одну и ту же песню:

Всю жизнь обманывали нас,
Пора, народ, твой пробил час,
Вставай, забитый труженик,
Вставай, рабочий люд!

А вечером Янис читал брошюру, которую дал Салум, она только что прибыла из Женевы: Н. Ленин «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

В сарае он отгородил себе угол, сам смастерил стол, скамейку и мог читать там хоть всю ночь, хозяин требовал лишь, чтобы керосин покупал за свой счет.

Янис читал и говорил себе: «Я тоже теперь социалист. Я в той же партии, что и Ленин!»

Тогда ему еще в голову не приходило, что он не только увидит Ленина, познакомится с ним, но и войдет в круг его соратников.

IV

С каждым днем Янис все больше привязывался к Антону Салуму. Он точно выполнял его поручения. Для него не было более важных, менее важных, Антон сказал — все! Никто и ничто не могло помешать. Пожалуй, самой большой наградой Янису была просьба Салума называть его на «ты». Как старшего брата. За выполненные задания Антон не хвалил, пусть у Яниса хоть язык вывалится от усталости, приучал: член партии иначе не может относиться к делу. А вот о каждой прочитанной книжке вел особый разговор. Выяснял самое важное: отношение Яниса к прочитанному. Развивал у него самостоятельное мышление. Заканчивая такой разговор, не раз говорил:

— Молодец, братец! — И давал новую книжку или брошюру.

Ему первому Салум сообщил, что Центральный Комитет ЛСДРП призвал упразднить волостные правления и вместо них демократическим путем избрать распорядительные комитеты, которые должны преобразовать местную жизнь, уничтожить все связи с царским правительством.

Янис обошел всех членов партии: вечером собраться в березовой роще за школой. Там Салум всем рассказал о решении ЦК. На воскресенье назначили общую сходку.

В зале местного благотворительного общества ни одного свободного места, даже у дверей — толпа. Антон Салум поднялся на сцену, а Янис пробился в первый ряд. Конечно, глаз с него не спускал. Большинство латышей говорят не спеша, каждое слово, словно гвоздь молотком заколачивают, а Салум прямо-таки начинен порохом,

динамитом. И рассказывает, будто рисует картины. Янис отчетливо представляет то, что на днях видел Салум в Риге: тридцать трибун сооружено в парке Гризинькалн, на каждой — социалистический пропагандист. Речи на латышском, русском, литовском, польском, эстонском, немецком языках. Вокруг трибун развеваются красные знамена. Когда оратор заканчивает, слушатели запевают революционные песни. Больше ста тысяч человек присутствовало в Риге на таких народных собраниях. Рабочие борются против царя, капиталистов, они повсюду создают свои боевые дружины, милицию.

— А как живем мы?! — гневно спросил Салум.

Гулом ответил зал.

— Страшно живем! — с неожиданной для себя горячностью отозвался Янис.

— Действительно страшно! — подхватил Антон.— В нищете и тяжком труде проходит наша безрадостная жизнь. В закопченной, вонючей батрацкой лачуге мы ее начинаем, со скудной коркой хлеба в богадельне или на краю придорожной канавы с нищенской сумой заканчиваем. До солнца мы встаем, после его заката ложимся и все же не можем себе обеспечить ни скудного приварка, ни сносного жилья, ни одежды. Мы строим пышные хоромы, а сами живем по три-четыре семьи в душных клетушках, где нет даже солнечного света. Мы поливаем своим потом землю, которая нам не припадлежит. Хватит! — воскликнул Салум.

— Хватит! — раздались возмущенные голоса батраков. Голос Яниса вплелся в этот хор.

Выбрали членов распорядительного комитета, народных волостных судей, начальника боевой дружины. Решили самые неотложные дела: отменили арендные платежи, ввели прогрессивный подоходный налог, оказали помощь престарелым и беднякам.

Все это заранее продумали и подготовили члены пар-

тии. Наметили, кого рекомендовать на какую должность. Хотели в председатели распорядительного комитета самого Салума, но он сказал, что будет помогать всем, так от него больше пользы.

Первое время распорядительный комитет заседал каждый день. Дел — невпроворот. Особенно Антон торопил поскорее создать и вооружить боевую дружину. Собрали деньги на покупку оружия, направили для этого посланца в Ригу, целый арсенал оказался у барона фон Граббе, его конфисковали. Центральный Комитет заранее известил: царское правительство пошлет войска.

Старый солдат обучал дружинников. И тут выявилось, что Янис не просто хороший, а отличный стрелок. Раньше ружья никогда не держал в руках, а теперь решетил пулями самое яблочко мишени.

Ожидали карателей, но не думали, что на одну волость нагрянут сразу две роты. Хорошо, товарищи из революционного центра «Иманта» успели предупредить: одной дружине с ними не управиться. Кому, как не Янису,— с письмом к соседям:

«Старо-Пебальгский распорядительный комитет сообщает таковому же Скуенскому, что с казаками и солдатами может произойти бой, поэтому просят, чтобы скуенские силы сейчас соединялись и отправились через Неткенсгоф в Дростенгоф. Со стороны Пебальга приняты меры... Сообщайте об этом другим волостям для исполнения».

На хорошей лошади Янис быстро доскакал до Скуенеки, вручил письмо, предупредил, чтобы поспешили на помощь, а сам назад. Уже подъезжал к своей волости, как издали увидел солдат, свернул с большака и по тропинке — прямо к церкви. По ступенькам взбежал на колокольню, ударил в набат.

С высоты хорошо видел, как бежали дружинники к приходской школе. Лет сто тому выстроена она. Стены,

будто в крепости, толщиной в полтора аршина. Янис вниз и — тоже к школе. Засели дружинники в подвале, в оконца высунули ружья. И Янис — свое. А солдаты рассыпались цепью, и уже зацокали пули в толстые школьные стены. Но и навстречу полетели пули из подвала. Янис увидел, как упал каратель, еще один... Долго длилась перестрелка. И вдруг из соседнего сарая — пламя. Солдаты подожгли: ветер нес огонь прямо на школу. Дым въедался в глаза Янису и его товарищам. Льются слезы из глаз, трудно целиться, кашель рвет грудь, но нельзя прекратить стрельбу. Нельзя! И вдруг донеслись возгласы «ура». Солдаты пошли на приступ?

— Живыми не сдаваться! — крикнул начальник дружины.

И Янис Судрабс почувствовал, что ни за что не сдастся. Умрет за революцию! Он так себе и сказал: «Умру!» Хотя не представлял, как это может случиться, не представлял, как это его не станет.

Но карателей не видно. И выстрелы умолкли. Янис выглянул в окно: удирают солдаты!

— Бегут! — заорал он.— Это наше «ура»! Пришла подмога.

Ах, какая была это пора! Настала зима, а Янис — в стоптанных башмаках, в легком пиджачке — пламя революции грело! Лишь когда ударили крепкие морозы, надел теплую баронскую кофту.

Пророческими оказались слова в листовке ЦК ЛСДРП: «Столь же внезапно, как перестали дымить все фабричные трубы, могут задымиться все вороньи гнезда в Курземе и Видземе». Более четырехсот пятидесяти помещичьих имений разрушили и сожгли восставшие. Захватывали не только замки, но и уездные городки, участки железной дороги, телеграфы.

Царское правительство объявило Лифляндскую и Курляндскую губернии на военном положении. Наводнило

край войсками, вооруженными вплоть до артиллерии, отрядами казаков и горцев. Немецкие бароны не скупились на создание своих собственных отрядов самообороны. А серые бароны, уж они-то умели держать нос по ветру.

9 января 1906 года командующий карателями свиты его величества генерал-майор Орлов телеграфировал лично царю: «Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству: по сегодня убито 22, расстреляно 78, много подвергнуто экзекуции; сожжено строений 70, пироксилином взорвано строение, где было нападение на войска».

Этим строением как раз и была школа, за стенами которой Янис и его товарищи дали бой карателям.

Когда в Старо-Пебальгской волости хозяева узнали, что солдаты движутся к ним, в первую очередь разогнали распорядительный комитет и поставили своего старосту. А тот на каждый хутор — повестку: «Немедленно сдать оружие!» У большинства крестьян одна мысль: скорее избавиться от него. Толпами потянулись к волостному правлению.

Антон Салум понимал: сдадут люди оружие — революции конец. И хотя нужно было ему уходить — его фамилия первая в списке, составленном серыми баронами,— он не мог не зайти в зал, где собрались мужчины со всех окрестных хуторов. И Янис с ним. Переступили порог, и Салум зычным голосом:

— Товарищи, храните ружья! Спрячьте их. Беззащитных вас растопчут. Неужели отдадим все, что завоевала революция...

Кажется Салуму: еще фраза, еще одна — и убедит людей. Янис уже не раз шептал ему:

— Нужно уходить!

— Да-да, вот еще несколько слов.— Он еще надеялся на их силу.

И вдруг на пороге барон фон Граббе, офицер, человек в штатском (как потом выяснилось, шпик из Вендена) и староста волости. За ними — солдаты.

— Вы окружены! — гаркнул офицер.— Всем стать в черед! Зал покинете лишь после проверки.

Крестьяне начали строиться в затылок друг другу. Приезжий господин в штатском вынул список революционеров.

— Подходи! — крикнул офицер.

Впереди стояли хозяева и те струхнули.

— Фамилия? — зло окликал барон.

Хуторянин называл свою фамилию.

— Правильно? — спрашивал барон у старосты.

А шпик мчался взглядом по строкам списка. Нет ли там этой фамилии? Солдаты обыскивали. Благополучно заканчивалась процедура — проходи.

Первым схватили Антона Салума. Посадили на скамью, с двух сторон поставили солдат.

— Глаз не спускать! — приказал шпик.

Среди крестьян шепот:

— Салуму конец! Расстреляют.

У Яниса первый порыв: самому рвануться вперед и сесть рядом с Антоном. Он его помощник, он названый брат, Антону расстрел,— значит, и ему! Начал проталкиваться вперед, но тут кто-то крепко схватил его за руку. Тот самый старый солдат, помощник командира боевой дружины, который научил его стрелять.

— Ты куда? — прошептал сердито.

— Известно, к Салуму!

— Спасешь его? Облегчение сделаешь?

— Умру вместе с ним!

— Думаешь, ему мертвецы нужны? Ему нужны борцы на свободе!

Тем временем рядом с Антоном посадили председателя распорядительного комитета.

— Скамейка длинная,— заметил старый солдат.— Но чем меньше на нее попадет...

— Все равно меня узнают.

— Узнают,— значит, судьба, а сам не рвись! — Он повел его к концу очереди и поставил самым последним.

Зал благотворительного общества всегда казался Янису большущим, а сейчас он — в самом конце его, но до дверей (где барон, где господин в штатском, голова которого, как флюгер в разноветрии: то влево — на лицо очередного крестьянина, то направо — в список) — сейчас до дверей будто несколько шагов. И очередь двигалась слишком быстро. А на скамье, где сидел Салум, появлялись все новые люди. Почему-то усаживались плотно друг к другу, словно оставляли место для него. Для Яниса оставляли место. И ему вдруг стало страшно.

Он посмотрел в окно — разогнаться, выбить стекло и дай бог ноги. Бог дал ему длинные ноги. Но за окнами — шапки солдат, штыки на винтовках. Не помогут ноги. Хотя бы сбросить старую баронскую куртку. Узнает барон свою куртку, обязательно узнает. Но как сбросить ее на глазах фон Граббе? И в тот момент, когда Янис отчетливо понял: выхода нет, никакого нет выхода, он увидал, как спокойно и гордо сидит Антон Салум. Побледнеть побледнел, но борода торчком, и только она одна горит в мрачном зале. И заработала голова: самого последнего в очереди проверят с особой пастырностью, нельзя последним!

Янис направился, чтобы стать где-то посредине очереди, и тут его перехватил Ян Судрабинь. Тоже заговорил шепотом. В зале все только перешептывались, лишь барон, офицер и шпик в штатском — на полный голос.

— Твоя фамилия — в списке. Я знаю точно. Но ты подойдешь и назовешь себя не Судрабс, а Судрабинь. Понял? Не Судрабс, а Судрабинь! Староста новый, мы с тобой долго жили в Риге, в лицо нас не знает... Понял?

У барона фон Граббе крупный прямой нос с лиловыми прожилками, рыжие лохматые брови над рысьими глазами. Взгляд рысьих глаз ощупал лицо Яниса Судрабса.

— Фамилия?

— Судраб,— и почти слитно добавил «инь».— Повторил: — Судрабинь!

Городской господин глянул в список.

— Сын церковного старосты,— подсказал волостной староста, стараясь показать, что в большой волости знает каждого.

Барон махнул небольшой сухой ладонью. Проходи, мол!

Янис медленно минул барона фон Граббе, офицера, шпика со списком, унтера и солдат, скамейку, где сидел бледный и гордый Антон Салум. Он хотел хоть на мгновение встретиться с ним взглядом, но тот головы не повернул, должно быть, боялся каким-нибудь неосторожным движением выдать парня.

Янис вышел из волостного дома, однако не поспешил скрыться, нет, до конца должен был узнать судьбу Антона.

С ружьями наперевес вывели солдаты Салума. Как мог, высоко поднял он голову. А люди опустили головы и многие сняли шапки. Офицер поставил его к березе.

«Что же это такое? — ошалело метались мысли в голове Яниса.— Неужели сейчас убьют?» — Он уже видел смерть, сам стрелял из школьного подвала, но то были чужие люди, а сейчас убьют Антона... Антона... Даже когда говорил себе: «Убьют Антона», полностью не верил, на что-то надеялся.

Солдаты выстроились шеренгой.

— Меня вы можете убить,— крикнул Антон,— но мои идеи — никогда! Прощайте, товарищи! Доведите начатое до конца!

— Доведем! — ответил кто-то из толпы.

Но Янис не уверен, услышал ли Салум. А в последнюю минуту жизни должен услышать.

— Клянемся! — воскликнул он.

Антон кивнул головой. Ему кивнул; узнал голос и подтвердил, что услышал.

Раздался залп. Салум упал. А офицер сразу дал команду искать крикуна. Но солдат опередил шпик, тот самый господин в штатском, что держал список. Расталкивая толпу, кинулся туда, откуда раздался голос. Однако Янис уже скрылся.

V

Вот при каких обстоятельствах Янис впервые увидел шпика.

От этого шпика, который остался в замке барона, от карателей он вынужден был с десятком товарищей уйти в лес. Но не просто уйти, чтобы спрятаться, отсидеться, нет, с оружием — продолжать борьбу. Он принял команду на себя. Как-то это произошло само собой — наиболее близкий к Антону Салуму человек, он словно стал его наследником. Да и опыта у него оказалось побольше, потому что все время был при нем, видел, как поступал Салум: где быстро, немедля, решительно, а где в обход, не спеша, с оглядкой.

Лес стоял по колено в снегу. Кроны сосен цвели снежными хризантемами, чернотелые дубы щеголяли лампасами наледи, белыми лентами перевиты косы берез. Одиннадцать пар ног с хрустом окунались в искристый ковер. Только этот хруст и крошил многоверстную тишину...

Короток зимний путь солнца, недолго шагало оно вслед за людьми, скатилось за сосновые кроны, провалилось в темные сугробы раннего вечера, но самым последним лучом успело озарить ледяные сосульки на кры-

ше сенного сарая, и они засверкали, как хрустальная люстра в баронском замке.

— Смотрите, «зимний дворец»! — воскликнул Янис. Он не мог не восхититься игрой света в крупных, будто слоновые бивни, сосульках, но и ирония слышалась в его словах, так жалок был полуразвалившийся сарай. И все же этот сарай приютил их: зарылись в сено, прижались друг к другу, и лишь окоченели, полностью не замерзли. Зато на другой вечер хорошо погрелись у пожарища богатой усадьбы — подожгли хутор серого барона, одного из составителей черных списков.

Спачала Янис думал, что они одни на весь лес, но вскоре повстречались с другой группой, потом в один день — сразу с тремя. Начали объединяться. Оказалось, их здесь больше сотни. И тысячи — целое войско — по всем лесам Латвии. Назвали себя лесными братьями! Все у них общее, прежде всего — враг.

У Яниса кроме ружья на поясе появился револьвер — снял с убитого казачьего офицера. Командовал карателями подъесаул лейб-гвардии Атаманского полка Краснов. Тот самый Краснов, который через одиннадцать лет, будучи уже генералом, повел на восставший Петроград конный корпус. В очень тревожные октябрьские дни Янис, тогда уже Мартын Лацис, тоже встретился с карателями Краснова, он был среди тех, кто пулей и словом остановили конный корпус. Но то будет через одиннадцать лет... А зимой девятьсот шестого лесным братьям пришлось отойти глубже в леса.

Гибли товарищи. Из десятка, который пришел с Янисом, уцелело лишь трое, но и им смерть угрожала каждый день. Однако шли и шли к лесным братьям новые братья. Не одного из них Янис научил метко стрелять, но главным считал — приобщить их к социализму. Каждый день в одном из «зимних дворцов», куда приходилось перекочевывать, проводил занятия с товарищами. Как бы

вступлением была очередная глава из «Спартака» или «Овода», затем читал и растолковывал «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, «Две тактики...» Ленина, «Развитие латышского крестьянства» Петра Стучки.

Со временем он вошел в число лучших ораторов партии.

Когда революция пошла на спад, начали пустеть леса. Вернулся в родную волость и Янис. Никто не знал, где он находился, кроме Яна Судрабиня, а тот по старой дружбе пустил слух: Янка Судрабс уехал в Ригу, работает там подмастерьем в столярной мастерской.

В первый же вечер пошел на соседний хутор к батраку — члену партии Иманту Гаркалпу. Лет на десять Гаркалн старше его, лицо густо побито оспой, поэтому ходил в холостяках, считал — для жениха неподходящая вывеска, а вот бедняки тянулись к нему — себя не давал хозяевам в обиду и за других мог постоять.

Янис засыпал Гаркална вопросами: кто уцелел из товарищей, что делают, кто руководит?

Оказалось, немного в волости социалистов. Одни погибли, другие ушли в подполье, а некоторые предали — испугались, затаились, даже громче других стали петь: «Боже, царя храни!» Теперь те, кто остались, объединялись в кружки, в каждом — не больше десятка человек.

— Кто руководит? Тебя ждали,— как само собой разумеющееся ответил Гаркалн.

— Меня? Я же самый младший из вас, мне еще восемнадцати нет...

— Зато в голове накопил больше, чем другой за сорок. Нам кое-что известно и про твои дела в лесу. Все товарищи за тебя.

На первом же собрании Яниса выбрали руководителем кружка.

Он не нанялся ни к одному из серых баронов, пошел на хутор Клейва к среднему хозяину единственным бат-

раком. Порой думал о себе, вспоминая народную поговорку: «Работа молчит, а плечи кряхтят». Его плечи так кряхтели, что, казалось, не только сам, но и другие слышат. А ведь еще надо найти время для партийных дел, встречаться с другими батраками, учить их отстаивать свои права, готовиться к занятиям в кружке, проводить их, давать задания товарищам, проверять, как выполнены. Некоторые не понимали, откуда Янис берет силы. И за неутомимость, удивлявшую всех, назвали его Чертов конь.

В июне девятьсот шестого его вызвали в Ригу на первую конференцию пропагандистов и организаторов сельских организаций ЛСДРП. Он стеснялся ехать в Ригу в домотканой деревенской одежде, но другой не было. Оказалось, на конференции так одето большинство товарищей. Он даже набрался смелости выступить и резко говорил о тех социалистах, у которых личные дела на первом плане, а партийная работа на втором.

Его молодость и требовательность бросались в глаза. После выступления к нему подошел член ЦК по кличке Камолс *.

— Теперь я понимаю, почему товарищи прозвали вас Чертов конь,— улыбнулся он.— Они убеждены, что такой воз, который тащите вы, никому не под силу.

Янис смутился: откуда член ЦК может знать о нем? А ему известно даже его прозвище. Выяснилось: Камолс — земляк Яниса, хутор, где живут его родители, неподалеку от усадьбы, в которой батрачит Судрабс. Янис догадался: так это же Волдемар Тейкман, сколько разговоров о нем в народе, он и в тюрьме сидел, и даже в Америке укрывался...

— Я хотя и издали, но и впредь буду следить за вами,— сказал ему Камолс-Тейкман на прощание.

* Камолс (латышск.) — клубок.

А в июле проходил III съезд ЛСДРП. Он постановил объединить латышскую социал-демократию с российской и именоваться Социал-демократией Латышского края. Подавляющее большинство ее членов стояли на большевистских позициях. Янис тоже.

VI

Далеко ушел Янис Судрабс от того подростка, который впервые услышал от Петра Тенча слово «социалист», глотая слезы, читал о Спартаке и Оводе. Впервые вдумываясь в ленинские мысли, он на собственном опыте убеждался: чем больше узнаешь, тем глубже понимаешь, как много еще нужно знать. Янис окончил лишь приходскую школу, этого так мало. Но можно учиться, как Петр Тенч. И он учился — один, по ночам. Спал три часа в сутки, даже во время жатвы. Это неимоверно трудно, каждая клетка тела стонала от усталости, а глаза не просто закрывались, ресницы будто склеивали их. Пришлось Янису по примеру Петра и гирю достать, и на голову становиться... И тут он понял: все может преодолеть человек, когда воля его несокрушима.

Но не всегда Янис сам мог разобраться в том, что написано в книжке, тогда в воскресенье шагал к учителю Андрею. Тот не только преподавал в школе, но и руководил уездной партийной организацией.

Между ними разница в шесть лет. В молодости это много. Андрей в партии уже давно, поездил по России, встречался с известными русскими большевиками, и все же Янис стал для него не только учеником, а и помощником, другом. Его покоряла жесткая строгость юноши к себе. Янис выработал собственный кодекс социалиста. Самый суровый, самый бескомпромиссный! Он нигде его не вычитал, кодекс складывался постепенно. Первую строчку ему подсказал все тот же Петр Тенч, за ним

Антон Салум, другие старшие товарищи по партии. Они не пили, не курили, не глумились над женщинами, не верили в бога. Они охотно помогали тем, кто нуждался в добром совете или материальной поддержке, шли на каторгу, на виселицу. Кодекс Яниса предъявлял социалисту самые высокие требования, потому что это человек будущего, человек высшей нравственности, человек, чуждый слабостей и пороков.

— А какую твой идеал должен иметь профессию? — однажды спросил Андрей.

— Учителя! — как само собой разумеющееся ответил Янис.

Для него, как и для очень многих крестьян, учитель — самый уважаемый человек. Неспроста и дети, и взрослые обращаются к нему не по фамилии, тем более не по имени, а говорят: «Учитель». Он учил не только грамоте, многих учил значительно большему: жить!..

Пробатрачив весну и лето, заработав кое-какие деньжата, осенью девятьсот седьмого Янис перебрался в волостное училище к Андрею. Помогал ему, чем мог, и учился. Постановил для себя: за полгода должен подготовиться, сдать экзамены и получить диплом народного учителя. Кто поверит, что за шесть месяцев возможно подобное? Даже Андрей, хотя он лучше других знал Яниса, хотя подбадривал, помогал изо всех сил, все же сомневался. Лишь одна Мария твердо верила.

Мария — младшая сестра Андрея и первая девушка, которую полюбил Янис. Ему шел уже двадцатый год, но ни одна девушка не привлекала его внимание, даже внимание, не говоря уже о том, чтобы затронула сердце.

Да и мог ли он хотя бы самую малую толику времени, хотя бы самую крохотную каплю энергии оторвать от дела революции... А когда осознал, как ничтожны его познания и как много нужно учиться: не одну, не три и не пять — сотни книг должен прочесть... Сотни книг —

это целая гора, и восходить на нее он может лишь после работы. Все отдыхают, кто, как может, веселится, ухаживает, а он без передыха — на свою гору. Те девушки, с которыми все же приходилось иногда общаться, казались пустыми и глупыми, с ними не о чем было говорить, а просто так болтать не умел, да и не хотел. Его сверстники имели уже подружек, изведали вкус поцелуя, даже близости, Янис был бесконечно далек от всего этого. И в то же время он рос, мужал, а юность не привыкла цвести в одиночестве, он это чувствовал, да, сначала чувствовал, затем начал и понимать, однако оставался одиноким.

И вот появилась Мария. Янис знал ее еще до того, как поселился у Андрея, она посещала кружок, которым он руководил, была единственной девушкой из соседних хуторов, которую влекло социалистическое просвещение. Уже одно это привлекало к ней внимание, к тому же выделялась она красотой. Особенно хороши были волосы — пепельные, пушистые, они ниспадали до самых колен, до того густые, что Мария могла закутаться в них, как в покрывало. Обычно она заплетала волосы в толстую косу и укладывала вокруг головы. Словно корона вздымалась над белым лбом, отчего стройная высокая Мария казалась еще выше. И величественней. Недаром ее называли каральмейта *.

Яниса сразу потянуло к ней. Ему казалось, что часами мог бы не сводить с нее глаз. Но именно поэтому не разрешал себе лишний раз глянуть в ее сторону. Как можно? Он руководитель кружка, он должен служить для всех примером, и вдруг — ухаживания, провожания...

А Мария чуть ли не с первой встречи влюбилась в него. Ей уже не давали прохода парни. Однако все они казались ей недалекими, сыпали одинаковые словечки,

* Каральмейта (латышск.) — королевна.

будто занимали их друг у друга, одни — более нахальные, другие — менее, но ухватки у всех схожие. Янис Судрабс не походил ни на кого. Он серьезный, умный, настоящий революционер. Но почему-то словно бы не замечает ее, ведь говорят, что она самая красивая во всей волости, а для него только член кружка. И бойкая, умевшая закрыть рот не одному болтуну, пресечь настойчивых ухажеров, Мария робела перед Янисом, была счастлива, если он давал ей поручение, а затем коротко спрашивал, как оно выполнено.

Теперь они оказались под одной крышей. Янис не знал, как вести себя. Дичился. Благо чуть ли не сутками сидел за книгами. Старался разговоры с Марией свести к минимуму: мог бы, так ограничился бы словами: «лабрит», «лабдиен», «лабвакар» *.

Но Мария вела хозяйство, подавала завтрак, обед, ужин. Она усаживалась вместе с братом и с ним за стол. Беседа всегда начиналась с событий в школе. Школа отражала жизнь волости. Дети приносили отзвуки разговоров, мыслей своих родителей. Все чаще сынки серых баронов не хотят садиться за одну парту с батрацкими. И самое грустное — батрачата подчиняются им, иные даже прислуживают. Однако сегодня кто-то вывесил в уборной «молитву» за царя Николая II. Ее переделали из «Отче наш» в пятом году, но после революции словно бы забыли, а вот, оказывается, помнят. И Андрей с наигранным пафосом прочитал молитву, превращенную в проклятие царю:

Отче наш,
Иже еси в Петербурге.
Да будет проклято имя твое,
Да разрушится царствие твое,
И да в аду не исполнится воля твоя!

* Лабрит, лабдиен, лабвакар (латышск.) — доброе утро, добрый день, добрый вечер.

Баритон Андрея рокотал, как у дьякона в православной церкви.

Могли ли, слушая, не переглянуться, не рассмеяться Янис и Мария? Короткий взгляд, хотя бы на несколько секунд, соединял их, но тут же они смущались, опускали глаза, делали вид, что еще внимательнее слушают Андрея. Нет, говорил не только Андрей, они тоже вступали в беседу.

Мария на память знала много стихов Райниса. А они так подходили к их беседам. О чем бы ни начинал речь Андрей, на какую бы тропку ни сворачивал разговор, все равно выходил на главную дорогу — о революции минувшей и будущей. У Марии глубокий, низкий голос, в хоре пела альтом, Райниса она читала негромко и, может быть, потому особенно выразительно.

Если Андрей и Янис рассуждали, каким должен быть революционер, как нужно бороться, Мария приподнимала голову и словно выдыхала слова:

Трудясь для мира, в яростной борьбе
Сам закаляйся, стань сильнее вдвое!
И вечные откроются тебе —
Источник сил и поле трудовое.
Но берегись, как те, кто духом нищи,
Себя растратить попусту... Смотри,—
Толпа тебя раздавит в злобе хищной.
Сам — думай, помогай, борись, гори,
И сам ворота счастья отопри.

Знания Андрея не поражали Яниса. Андрей для него — самый образованный. А вот Мария открылась совсем по-новому. И к ней, а не к Андрею обратился он с просьбой дать почитать сборник стихов Райниса. Смущаясь, промолвил несколько слов, но как они обрадовали Марию. Как они ее обрадовали! Трудно сказать, что боль-

ше — просьба или это смущение. Девичий инстинкт — очень точный предсказатель. Сам Янис еще не понимал, какое чувство зрело в нем, но Мария уже угадала.

Получив сборник, Янис припал к поэзии и потом всю жизнь не отрывался от ее родников. До этого он прочел уже немало книг, но стихов не читал. Чему они научат? Тратить напрасно время он не имел права. И вдруг открыл: в нескольких строках, в одном образе такой взлет мысли, такой всплеск чувств... В спрессованных строках он находил ответы на главные вопросы, которые задавала жизнь; они распахивали целину будущего и разгоняли темень над прошлым; они соединяли то, что редко соединялось,— хладнокровную мудрость и безрассудную любовь.

Когда Янис ощутил, как влечет его к Марии, он всполошился: а если не совладает с собой, если она, не дай бог, заметит... И решил: закуй в цепи, зарой, упрячь свои чувства. Но не кто иной, как Райнис, положил ему обе руки на плечи и словно бы устами Марии сказал:

У других и руки белее,
И ломятся сундуки,
Но нет моего румянца
И кос золотистых таких!
Найдешь ли еще такую,
Озорную, живую, как я?
Ведь им, никчемным и глупым,
Никогда не понять тебя!

Одним мазком нарисовал Райнис Марию, одной поэтической фразой раскрыл ее суть и разомкнул Янису на нее глаза. Она понимает его! Понимает! Она может быть другом... Янис сказал себе: «Несмотря на то, что женщина». А на самом деле — именно потому, что женщина!

Они перестали дичиться друг друга. И столько тем

появилось для бесед. О стихах, о книге Августа Бебеля «Женщина и социализм», о красных цветах у березы, у которой расстреляли Антона Салума, о том, как бороться с человеческими слабостями, о людях, которые окружали их.

Теперь Янис знал много стихов, чувствовал их красоту и силу. Вот что дала дружба с Марией. Нет, это была не только дружба — любовь. Первая любовь!

Каждый скрывал ее от другого. Но Мария не сомневалась: он любит ее. Янису казалось: ни словом, ни жестом не выдает себя, был таким наивным, что не допускал мысли, будто Мария может полюбить его. Простодушие Яниса не имело границ. Он не замечал, как вздрагивала девушка от одного его нечаянного прикосновения, а чтобы самому нарочито прикоснуться к ней...

И вот в ту пору, в пору расцвета у Марии самых чистых чувств, когда кощунственным казался каждый пристальный взгляд, брошенный на нее другим мужчиной, к ней воспылал вдруг Ян Судрабинь. Он считался первым кавалером и лучшим женихом во всей волости. Не одна девушка мечтала о нем. А Мария упрямо избегала. Сначала она лишь приглянулась ему, хотел приударить, как приударял уже не за одной, но, встретив отпор, все больше и больше распалялся. Он упрямо ходил в дом к учителю, и, хотя там жил его прежний товарищ Янис Судрабс, Яну Судрабиню в голову не приходило, что тот может стать его соперником. Он вообще не мог допустить, что кто-то осмелится соперничать с ним. Просто Мария набивает себе цену, ждет, чтобы посватался к ней.

И первый кавалер, лучший жених в волости сделал Марии предложение. У него не было сомнений: не родилась еще та, которая отказала бы ему.

Мария отказала.

Гордый Судрабинь немедля уехал. Вскоре стало известно: поступил в юнкерское училище.

Это случилось в апрельский день с белыми сугробами облаков и непролазной грязью на дорогах. Сам старый Судрабинь на лучшей паре лошадей отвез сына на станцию. В тот же день Янис Судрабс с дипломом народного учителя возвращался домой. У него не хватало денег на билет, и сорок две версты он отшагал пешком. Но зато в кармане диплом учителя.

Он получил место в отдаленной волости, но проработал недолго — учил ведь не только детей, пытался учить и их отцов, как жить. В конце года вынужден был уволиться.

Янис поступил в другую школу, а там столько добровольных шпиков — и пастор, и инспектор, и урядник... Наконец на его след напали настоящие шпики. Партийный комитет предложил уйти в подполье, скрыться в Риге...

Через несколько дней назначена встреча с членом ЦК.

Конспиративная квартира находилась на улице Вецпилсетас, что в переводе на русский — Старогородская, одна из самых древних в Старом городе, рожденном много столетий тому назад. Средневековые ганзейские склады так сжимали ее, что она скорее напоминала коридор, в который никогда не заглядывало солнце. Склады действовали и теперь, поэтому улицу заполняли подводы, запряженные тяжелыми битюгами, грузчики, купцы, приказчики. Кто обратит внимание на человека в деревенской одежде?

У мрачного подъезда, который вел в еще более мрачный двор-колодец, Янис встретил товарища по подполью. Он пошел через черный ход на третий этаж, и Янис попал в неожиданно хорошо обставленную квартиру. Навстречу вышел давно знакомый Камолс. Дружелюбно протянул руку.

— Есть такое дерево бамбук,— заговорил весело,— так

оно в сутки, говорят, вырастает чуть ли не на целый метр. Не перенял ли ты его способностей? Для подпольщика это совсем ненужная примета.

— Постараюсь исправиться,— в тон ему ответил Янис.

— Теперь тебе надолго, если не навсегда придется уйти в подполье,— уже серьезно сказал Камолс.— Становишься профессиональным революционером. Ты сам знаешь, какой отныне удел ждет тебя. И все же я не спрашиваю — согласен ли ты? Вся твоя предыдущая жизнь вела к этому.

Янис кивнул в знак согласия. Слова не нужны. Камолс прав: вся его предыдущая жизнь вела к этому.

— Будешь пропагандистом Рижского городского комитета.

Камолс рассказал, что с наступлением реакции рабочий день на предприятиях Риги увеличился с девятидесяти часов до одиннадцати — четырнадцати, а заработная плата уменьшилась на четверть, в ряде цехов самого крупного завода «Проводник» — наполовину. Восстановлены штрафы. Безработных уже до пятнадцати тысяч.

...В Риге пять районов, и в каждом партийные организации раз в неделю устраивали массовки. Янис выступал на всех массовках. А шпики с ног сбились, чтобы выследить. Выследить массовку, сцапать пропагандиста. Наконец им удалось вынюхать. Жандармы окружили лес. Яниса схватили у полотна железной дороги. Допрос, тюрьма, «подсадная утка» в камере, снова допросы... Хорошо, что на Янисе мужицкая одежда: он учитель, сельский, приехал в Ригу на курсы, пошел за город, а его ни за что ни про что...

Не могут ничего доказать и все же заводят «дело» — фотографируют, снимают отпечатки пальцев (это — новшество, пришедшее из Берлина). Прежде фиксировали ширину и длину правого уха, длину распростертых рук, ступню левой ноги, среднего пальца и мизинца левой

руки. В конце концов, как ни старались жандармы, улик не нашли, Янис отлично сыграл роль, и его выпустили. Но тюрьму он узнал...

...И вот господин Голубев — шпик и олицетворение всех шпиков сидит перед Мартыном Лацисом в кабинете бывшего министра, а теперь народного комиссара внутренних дел. Он полностью в его власти. Но Лацис уже сказал: Советы не мстят даже за подлое прошлое.

— Убирайтесь, господин Голубев, нам не нужны ваши услуги! И помните мое предупреждение,— строго сказал Мартын Лацис.

Красногвардейцы под конвоем доставляли чиновников в наркомат.

Самая ощутимая подмога — от курьеров. У каждого многолетняя работа в министерстве, и, у кого голова не набита трухой, тот за долгие годы ко многому пригляделся. Они-то и стали первыми учителями новых сотрудников, тех, кто пришел из Бюро комиссаров, красногвардейцев, которые вначале конвоировали чиновников. Зачислили в наркомат и Покотиловых — отца с сыном.

Член коллегии Мартын Лацис стал руководителем отдела местного управления Народного комиссариата внутренних дел *. Как создавать Советы, как вести в них работу — в губернских, уездных, волостных, сельских,— еще нет конституции, нет установлений, нет структуры. Одна губерния объявляет себя чуть ли пе отдельной республикой, в другой — свой Совет народных комиссаров, в третьей — до сих пор сидит комиссар несуществующего Временного правительства, в четвертой — каждый Совет

* Отдел местного управления руководил всеми местными Советами.

считает себя автономным, городской не хочет подчиняться губернскому...

Ежедневно приезжают и приезжают ходоки. Десятки вопросов: что делать с земствами и городскими управами? Как поступить с воинскими присутствиями? Где взять средства для беженцев из западных краев? Кому выдавать пенсии? Какие Советы «правильные», а какие «неправильные»?

Думай, Лацис, давай ответы, объясняй, растолковывай!

Начал издавать «Вестник отдела местного управления». Сам редактор. Вместе со своим помощником написал брошюру «Что такое Советская власть и как она строится?». Первая такая брошюра!

Рассылал сотрудников по республике. Помогать, поправлять, наставлять, как управлять государством без буржуазии и против буржуазии...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Ян Судрабинь вместе с полковником Гоппером решили, что наиболее вероятное место, где можно встретить бородатого латыша,— Смольный. Он, несомненно, у большевиков немалый начальник, значит, или восседает в Смольном, или часто бывает там. Самого Судрабиня туда не пустят, но перед зданием — площадь, и если потоптаться денек... Да, на это не жалко и целый день убить, тем более что зимний день короток. А такое знакомство вдруг да сослужит службу.

Но когда поздним питерским утром Ян Судрабинь оказался на площади, когда остановился и начал вглядываться в длинное светлое здание с колоннами, в людей, которые входили и выходили через главные ворота, когда, постояв минут тридцать, двинулся по площади, обошел

раз, обошел другой, когда заставил себя остановиться, снова постоял и снова зашагал, тогда с особой силой почувствовал всю унизительность своего положения. Он, гордый, самолюбивый, должен толочься здесь на ветру, на морозе... Нет, дело совсем не в ветре и морозе, дело в том, что похож он на мелкого шпика, который вынюхивает, выслеживает... На мелкого, пошлого шпика. Это ужасно! Готов встретить любую опасность, готов пойти под пули, черт побери, потребуется, на смерть пойдет! Конечно, не на жалкую, на героическую смерть, чтобы слава осталась, память сохранилась.

Не только нетерпение, нарастала злоба. Где же этот бородач, будь он проклят! Будь он трижды проклят! Так и подмывало плюнуть и уйти. Но ведь пришел он сюда не по приказу, Гоппер лишь заметил, что хорошо бы завести знакомство с бородачом, а мысль о том, где его легче встретить, Ян Судрабинь подал сам. Нет, раз решил бороться, любое дело становится святым!

Судрабинь вел наблюдение и не заметил, как сзади подошел матрос, положил руку ему на плечо. Ян приучал себя спокойно, во всяком случае внешне, реагировать на всякие неожиданности. На фронте не только не кланялся пулям, но держал пари с товарищами, что не моргнет, если рядом кто-нибудь из них выстрелит, и выигрывал пари. А тут оттого, что тяжелая рука легла ему на плечо, вздрогнул. Мерзкое это ощущение, когда нервы выходят из повиновения. Все должно подчиняться воле — и собственный организм, и люди, которых намерен подчинить.

— Что-то долго, ваше благородие, ты здесь крутишься!

Судрабинь предвидел, что на него могут обратить внимание. Заранее приготовил нужную фразу:

— Я латышский стрелок!

— Зачем шастаешь вокруг Смольного?

— Выполняю задание.

— Документы!

Судрабинь ткнул удостоверение.

— Царский. У латышей в Смольном другие.

— Не все стрелки в Смольном. Я из 6-го полка.

Но матрос снова положил руку на плечо Судрабиню, однако тот сбросил ее и провел ладонью по тому месту, где еще недавно сверкал офицерский погон, словно очищая от неприятного прикосновения.

— Брезгуешь, ваше благородие?

— Не брезгую, а не терплю насилия. Что с того, что бывший офицер? Я из крестьян, не какой-нибудь барон!

И вдруг голос:

— Подтверждаю!

Судрабинь обернулся — бородач!

— Подтверждаете, товарищ Лацис? — переспросил матрос.— А то подозрительно: крутится тут...

— Это он меня ждал. Можете идти.

Бородач остался один на один с Судрабинем. И сразу из-под усов и бороды выплыла улыбка, а в глазах — ирония.

— Как жизнь, бывший штабс-капитан Ян Судрабинь? Держишь слово, данное Советской власти?

Судрабинь растерялся. Что-то явно знакомое в лице, в голосе, интонации. Но матрос назвал его Лацисом, а среди знакомых — ни одного Лациса. И тут словно что-то осенило его, одним взглядом срезал с него бороду, усы...

— Янка? Судрабс?

На минуту все забылось, все, только что разделявшее их.

— Янис!

— Ян!

— Ну и бородищу запустил.

— А ты почти не изменился.

— Почему же ты в прошлый раз не признался?

Мартын отпустил руку Судрабиня.

— Почему ты Лацис?

— Когда ушел в подполье, выправил паспорт на эту фамилию. И имя у меня теперь иное — Мартын.

— Мартын Лацис,— повторил Судрабинь.— Наверно, никогда не привыкну. Новый твой облик еще можно воспринять, а имя, фамилия... С ними ты совсем чужой человек...

— Можешь не привыкать. Помнишь, как мы лазили на березы? Помнишь?

Неужели это тот самый малец в домотканой одежонке, с которым взбирались на высоченные березы, зимой вместе по глубокому снегу добирались в школу?.. По ассоциации Судрабиню припомнилась другая зима. Янис уже долговязый парень в баронской охотничьей куртке. Чудаковатый был. Мерз в своем затасканном пиджачишке, а барское не хотел надевать, говорил: «Барское смердит». Он чуть ли не насильно набросил на него теплую куртку.

— А как поджигали баронские поместья? — Напомнил, чтобы не забывал — он, мол, тоже тогда, в девятьсот пятом, был революционером.

Лацис посмотрел на часы.

— Сейчас спешу в Смольный, а вечером, часов в восемь, приходи ко мне на Театральную.

— Там твоя квартира?

— Почти угадал. Я и сплю в рабочем кабинете. Там Наркомат внутренних дел.

— В каких ты чинах?

— Член коллегии.

— Рад за земляка! Особенно рад, что, взлетев на такую высоту, он не отворачивается от бывшего друга.

II

Ровно в восемь вечера, постучав в дверь, Ян Судрабинь переступил порог кабинета Лациса.

Он предупредил Гоппера, что визит в ресторан Палкина придется перенести.

— Придется,— печально согласился полковник.— Тем более что красные упекли приват-доцента Громова, от которого я должен был получить деньги.

Кабинет был внушительный: обставлен массивной мебелью, письменный стол чуть ли не размером с бильярдный.

Увидев, с каким вниманием Ян Судрабинь рассматривает обстановку кабинета, в котором еще недавно восседал товарищ министра, Мартыш промолвил:

— Некогда выкинуть и заменить чем-нибудь попроще.

Судрабинь удивился:

— Зачем? Посетитель сразу обязан проникнуться почтением. Обстановка, как в храме, должна его подавить и в то же время дать почувствовать, на какую он здесь поднят высоту.

— Ошибаешься! Ничего подобного не следует чувствовать нашему посетителю. Он пришел к такому же гражданину, как он сам. Просто на какое-то время этому гражданину доверен более высокий пост. Не исключено, через год-два они поменяются местами. Не ис-клю-чено!

— Не хочешь ли ты сказать, что лишен честолюбия, что тебе безразлично, будешь ли ты министром или последним писцом?

— Надеюсь, честолюбия действительно лишен, однако мне не безразлично, не безразлично и республике, как будут использованы мои опыт и преданность делу.

— А вдруг ты преувеличиваешь свои возможности? Тебя, например, назначают членом коллегии, а ты считаешь, что достоин стать народным комиссаром.

Мартыш внутренне усмехнулся: было как раз наоборот, но говорить об этом не счел нужным.

— Не исключено, могу себя переоценить. Но рядом — старшие товарищи, высший партийный и советский орган...

Судрабинь ждал подходящей реплики, чтобы перевести разговор на то, что его особенно интересовало.

— Ты в Смольном сегодня был? На заседании?..

Невинный, казалось бы, вопрос. Но сегодня Лацис был на заседании, где шла дискуссия о мирном договоре. Естественно, он не мог рассказать о той борьбе, которая разгоралась вокруг подписания этого договора. Несомненно, Судрабинь знал: против договора все страны Антанты. Да это и понятно: им нужна русская армия. Ему известно: против все российские буржуазные и мелкобуржуазные партии. Но то, что и среди самих большевиков отсутствовало единство, ему знать не следовало. И Мартын ответил прямо:

— Ни другу, ни брату, будь он у меня, ни жене, если женюсь, никогда не заикнусь о внутрипартийных или государственных делах. Для меня это закон!

«Вот каким ты стал, Янка Судрабс!» — не мог не подумать Судрабинь. Его самолюбие все время прожигали сравнения, от которых трудно избавиться: да, он дружил с этим голодранцем, но всегда чувствовал свое превосходство над ним. Даже когда Янка получил диплом учителя, он-то, Судрабинь, надел золотые погоны офицера! Он все время был выше. А вот сейчас, с каким достоинством держится бывший батрак! С достоинством и уверенностью.

— Меня ваши государственные и партийные дела интересуют, как лягушку азбука.— Судрабинь изобразил на лице ухмылку, которая должна подчеркнуть его полное безразличие. Но тут же словно увидел эту поддельную ухмылку, и ему стало противно. Ведь унижается, унижается перед Янкой. И все же заставил себя вынуть из кармана шинели бутылку водки. Поставил на стол.— Столько лет мы с тобой знаем друг друга, а ни единой капли не выпили вместе.

«Уж не хочешь ли ты подпоить меня?» — возмущенно

подумал Лацис. Ему захотелось схватить бутылку и выбросить за порог. Но он так умел владеть своим лицом, что на нем ничего не отразилось. Профессиональные революционеры вырабатывали у себя это умение. Оно было необходимо. При любом допросе тебя сажали лицом к яркому свету и наблюдали: не вздрогнут ли при неожиданном вопросе губы, не потухнут ли глаза, не шевельнутся ли брови, не отвиснет ли подбородок... А ты учись, чтобы все черты были совершенно спокойны. Для этого, лежа на койке, закрывай глаза, расслабляй мышцы и мысленным взглядом озирай лицо.

— Второй раз вынужден ответить отказом. Не пью я! Убери это зелье!

Властный голос Мартына заставил Судрабиня немедленно спрятать бутылку. Но тут же попытался поддеть Лациса:

— Какая же это у вас жизнь? Подполье, тюрьмы, ссылки... Наконец взяли власть, и что же? Даже не разрешаете себе выпить и сытно поесть.

Лацис вынул гребень, расчесал бороду. Он был очень скуп на жесты и этим движением утихомиривал эмоции, как некоторые успокаивают себя, перебирая четки.

— Не думал, что тебе придется объяснять азбучные истины.

Судрабинь, казалось, даже физически ощущал наступательную силу Лациса, однако все же пробовал противостоять ему:

— Знаю, знаю, начнешь сейчас об идеалах! А жизнь идет. Еще десять лет — и начнется старость...

— Уж не считаешь ли ты лучшим итогом жизни унавозить ожиревшим брюхом землю?

Наступила пауза, которая показалась особенно длинной, потому что между собеседниками потерялся контакт и каждый ушел в свои мысли, но Судрабиню нужно было добиться того, чтобы встреча дала какой-то результат.

— И все же многое нас роднит: наша Латвия, наша детская и юношеская дружба... У тебя нет брата, и у меня нет, а мы с тобой были как братья.

Мартын вспомнил давно забытое: у него на голове появились струпья и наголо постригли волосы, на другой день Ян Судрабинь пришел в школу остриженный точно так же. А у него была самая красивая в классе шевелюра... Да, это было, это было, но тогда они были детьми, а сейчас...

— Наша Латвия роднит далеко не всех. Что у меня общего с полковником Гоппером? Я же ненавижу его! — И в упор спросил: — Кстати, чем же ты занимаешься теперь? — Спросил так строго, что Судрабинь растерялся, хотя все заранее обдумал.

— Понимаешь... Я числюсь помощником начальника штаба полка. Числюсь... Считай, полное безделье. А при моем характере... Многие увлеклись митингованием, меня оно не трогает.— И вдруг словно что-то осенило его. На самом деле обязательно должен был заговорить об этом, так задумал, но эта беседа — сплошная импровизация, разве угадаешь ее зигзаги. Поэтому естественно получилось, будто осенило его неожиданно.— Слушай, а, возможно, вам нужен деятельный волевой человек, который хотя и не большевик, но хочет служить большевикам?

Поддайся Мартын первому порыву, мог бы воскликнуть что-нибудь вроде: «Конечно, конечно!», но вся предыдущая жизнь приучила его к осмотрительности.

— Нам очень нужны энергичные, волевые люди. Работа для них всегда найдется. Но,— он пристально посмотрел прямо в глаза Судрабиню,— необходимы рекомендации полкового комитета и комиссара полка. Без этого никак!

— Разве недостаточно твоей рекомендации?

— Сколько лет мы с тобой не виделись? Так много, что ты даже не узнал меня.

— Но слову моему ты веришь?

Мартын прищурился, глаза потемнели.

— Ты хочешь правду?

— Только правду! — воскликнул Судрабинь, уже понимая: ни одна из целей этой встречи не осуществится.

— Кто такой Ян Судрабинь? Сын серого барона, золотопогонник, в юности примкнул к революции, а как только она пошла на спад, отошел от нее. Он был моим другом. Но это ушло в такую даль... Поэтому рекомендацию должны дать те, кто хорошо знают тебя в последние годы. Знают, чем ты дышишь и чем живешь. Такой у нас порядок, и тебе следует это понять!

«Ничем тебя не прошибешь!» — подумал Судрабинь, а вслух ответил:

— Постараюсь понять...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

По календарю зима шла к концу. Давно уже ноябрьское бесснежье захлестнули февральские вьюги, с визгом, с воем обрушились на город.

Позднее, работая на Украине, Мартын узнал, что по-украински февраль — лютый. Февраль восемнадцатого действительно лютовал: ледяными ладонями швырял крупчатый снег, вздымал его к небу, гнал по земле, разбрасывал в разные стороны.

С обледенелой бородой, похожий на Деда Мороза, пришел Мартын на заседание в Таврический. Но далеко не в праздничном, как положено Деду Морозу, настроении. В зале борода довольно быстро оттаяла, однако гнетущие мысли леденили душу.

Вокруг хорошо знакомые лица, но все хмурые, мрачные, даже такой весельчак, как Подвойский, пожимая

Мартыну руку, не улыбнулся. А лицо Надежды Константиновны Крупской... Он хорошо знал ее по совместной работе на Выборгской стороне. Это лицо, которое всегда светилось добротой, непривычно замкнуто.

Очень быстрыми шагами вышел на трибуну Ленин. Вынул из жилетного кармана часы, положил перед собой.

Мартын часто встречался с Владимиром Ильичем, а сейчас, глядя на него из зала, вдруг увидел, как он похудел, осунулся, потускнела отливавшая медью бородка. Несомненно, в октябрьские дни нервное напряжение поднималось до самой высшей точки, однако подобной тяжести, как в эти недели, Владимир Ильич еще не испытывал. Решалась судьба Советской власти. Что может быть более грозным!

Разрушены промышленность, транспорт, разорено сельское хозяйство, развалилась старая армия, в руках у немцев Польша, Литва, часть Белоруссии и Латвии, нависла угроза над Петроградом. В таких условиях шли переговоры о мире с Германией в Брест-Литовске.

Советское правительство, как могло, затягивало их, чтобы выиграть время. Тогда германская военщина поставила ультиматум: либо дальнейшая война, либо аннексионный мир, по которому Германия сохраняет за собой все занятые ее войсками земли, входившие в состав России, и налагает огромную контрибуцию — около трех миллиардов рублей. Необходимо было решать, принять ли эти жесточайшие условия... Ленин убежден: нужно принять, иного выхода нет! Но против — многие члены ЦК, ряд местных комитетов партии. Одни настаивали — на ультиматум необходимо ответить революционной войной; другие уверяли — немцы не перейдут в наступление, ибо в Германии со дня на день вспыхнет революция.

Как никто другой, Ленин понимал: для революционной войны нет главного — революционной армии. Надежды на

германскую революцию тоже несостоятельны. Так можно потерять Советскую власть... Чуть ли не каждый день он писал об этом в газетах, выступал с различных трибун.

Мартын читал статьи Ленина и думал... Он член Петроградского комитета. Значит, должен подчиниться большинству, должен голосовать против предложения Ленина.

Владимир Ильич покинул трибуну, вышел на авансцену, с горечью бросил в зал:

— Германские империалисты, пользуясь слабостью России, наступают нам коленом на грудь!

И Мартыну казалось, что он на себе чувствует это колено. Он сознавал, что вольно или невольно стал противником Ильича.

«Как же это могло случиться? — задавал себе вопрос.— Ведь ни разу, сколько я в партии, позиция Ленина не вызывала у меня сомнений!»

Будто угадав состояние Мартына, к нему подошла Надежда Константиновна, склонилась к его уху.

— Владимир Ильич интересуется, как вы будете голосовать: «за» или «против»?

Мартын поднял на нее глаза. Что же ответить? Что ответить? Ленин... Ленин интересуется... Какие найти слова?.. Ни разу в жизни не нарушал партийную дисциплину! А теперь? Против Ленина?..

— Надежда Константиновна, вы же знаете решение Петроградского комитета... Я обязан...

— Да, да, я вас понимаю! — Надежда Константиновна поспешно отошла.

«Сказала: «Понимаю»,— подумал Мартын.— Наверно, Ленин тоже поймет...» — На минуту это успокоило его.

Но тут Владимир Ильич произнес слова, которые буквально пронзили Лациса:

— Вот почему я говорю в полном сознании, какую ответственность я беру на себя, и повторяю, что от этой

ответственности ни один представитель Советской власти не имеет права уклониться.

Так как же обязан поступить сейчас Мартын? Через несколько минут коротким жестом — поднятием руки — нужно решать судьбу республики, судьбу революции. И его голос может оказаться как раз тем, что перетянет чашу весов в ту или иную сторону. В ту или иную... Да разве можно теперь ссылаться на постановление Питерского комитета?.. Разве не совершал комитет ошибок?.. Разве не оказывался каждый раз прав Ильич?.. За время пребывания в партии сколько помнит Лацис и дискуссий, и противоборства мнений, но не помнит ни одного случая, чтобы истина изменила Ильичу. Он, Мартын, будет голосовать за мир. Мир и передышка для укрепления Советской власти или... Нет, никаких «или» не может быть!

И вот в зале прозвучало:

— Кто за то, чтобы заключить мир?

Первым стремительно вскинул вверх руку Владимир Ильич. Вскинул руку и устремил взгляд в зал. И вместе со многими другими поднял руку и Мартын Лацис.

После голосования к нему снова подошла Надежда Константиновна.

— Вы же были против мира, что случилось с вами?

Лацис сказал главное, хотя и слишком коротко, чтобы передать свои переживания:

— Я не мог выбрать иной путь, чем тот, который выбрал Владимир Ильич!

II

Март наконец принес заключение мира. Его подписали третьего. Шестого, седьмого и восьмого проходил VII съезд партии. А десятого — назначен переезд ЦК и правительства в Москву. Из Петрограда столица переносилась в старый стольный град.

На сборы для переезда оставался только один день.

Для того чтобы снарядить себя, Мартыну достаточно нескольких минут — положить в чемодан две пары белья, полотенце, мыло, зубную щетку, несколько книг. Главное — «дела» отдела. Но у него уже были хорошие помощники, особенно отец и сын Покотиловы. Поэтому к вечеру Мартын смог вырвать время, чтобы попрощаться с Женей Егоровой. С Женей Егоровой он не мог не попрощаться.

Женя Егорова не только ближайший друг, было время, когда она формально числилась даже его женой.

После Марии он никого не полюбил. С нею расстался давно, давно расстался со своей каральмейтой... Но они несколько лет переписывались. Пусть не часто приходили письма, однако приходили и заполняли ту часть души, которую никто другой не мог заполнить. Он ждал Марию, надеялся, что будут вместе.

1 января 1915 года Мартын получил письмо...

Он почти беспрерывно вел дневник, даже в условиях конспирации. Понимал, что нарушает ее, но это была непреодолимая потребность, потребность подвести итоги дня, строго проверить себя. И самое главное — в нем жил литератор. Еще работая в рижском подполье, писал и печатал сатирические стихи, статьи, а после революции — агитационные пьесы, очерки и бесчисленные статьи в «Правде», «Известиях», в журналах. Из дневниковых записей и рождалось многое. Вот ведь как иногда получается: Мартын считался одним из самых умелых мастеров конспирации и в то же время не мог не переступать через одно из ее непреложных правил. Правда, был уверен, что дневники ни за что не попадут в руки жандармов. И ни один из них не попал.

Так вот 1 января 1915 года Мартын записал в дневнике:

«Вот оно, долгожданное письмо!»

Это было очень печальное письмо. Оно оборвало даже ту ниточку, которая связывала его с Марией. Она писала:

«Ты прав, тина будней с каждым днем все больше засасывает меня, и скоро выхода совсем не будет. Единственным спасением для меня было бы уехать. Но это означало бы бросить больного отца и старую мать одних, без ухода, без поддержки. Я на такое не способна. Мои обязанности, как дочери, привязывают меня к дому».

Мартын сделал горькую запись:

«Когда-то я ей писал: «Мне все кажется, что наши пути еще скрестятся». А теперь придется перечеркнуть и эту надежду... Сердце болит: потерял очень дорогое... Разум, как хирург с закатанными рукавами и скальпелем в руке, становится на пути и усмехается:

— Янис, разве мы не обрежем этому чувству крылья, чтобы они не повлекли тебя на ложный путь?

Свои чувства я отдаю во власть разума. Контракт подписан, и отступлению нет места. Так будет лучше. Не пришло время думать о своем гнезде. Вокруг еще заморозки. Жаворонки в метель могут остаться под снегом».

2 января новая запись:

«Ну вот, с прошлым меня уже не связывают узы. Я принадлежу настоящему, я принадлежу революции.

Работа, работа, работа...

И все-таки прошлое напоминает о себе. Начиная со вчерашнего дня меня гнетет какая-то опустошенность. Я знаю, эта пустота будет ощущаться, пока я с головой не окунусь в революционную работу!»

А с Женей Егоровой — тогда она носила еще свое настоящее имя и настоящую фамилию: Элла-Марта Лепинь — Мартын уже много лет на революционной работе. Рядом.

Женей Егоровой Элла стала перед побегом из сибирской ссылки, когда Русское бюро ЦК поручило Лацису

с ее помощью поставить новую нелегальную типографию в Петрограде. Готовя побег, нужно было усыпить бдительность надзирающих за ссыльными. Все придумал сосланный одновременно с ними умнейший конспиратор Станислав Косиор: Лацис должен стать купцом! На общие деньги открывается лавка, и Мартын — ее хозяин. Он самый солидный, самый степенный из всех, даже борода купеческая.

Разве человек, открывший свое дело, станет помышлять о побеге? А отлучаться, ездить за товаром просто необходимо. И еще придумал Косиор: настоящий купец обязан иметь семью, ну хотя бы жену, жену всенепременно. Раз побег вместе с Эллой (тогда она еще была Эллой), ей и быть купеческой супругой.

Они познакомились в местечке Руиене, когда в одиннадцатом году Эллу принимали в партию, потом встречались в Риге, где она не раз получала от Мартына партийные задания. Их явка находилась в книжном магазине «Дайле ун дарбс» * на углу улиц Тербатас и Дзирнаву. У книжных полок они всегда могли перемолвиться. А Элла была настолько сообразительной, что понимала с полуслова. Снова встретились в Москве перед началом мировой войны. Элла из Латвии укрылась от грозящего ареста.

В Москве, на Миусской площади, находилось не совсем обычное учебное заведение — университет Шанявского. В него принимали без экзаменов и независимо от политических взглядов. Кто там только не учился: и эсеры, и анархисты, и меньшевики, и просто либералы, были, конечно, и большевики.

Мартын объединил большевиков-латышей. Их оказалось немного — с десяток. К ним присоединился один русский и даже один грузин.

* «Дайле ун дарбс» (латышск.) — «Искусство и труд».

Группу назвали Тверской. Потому что Тверская — главная улица Москвы, потому что их университет рядом и жили они неподалеку. Учились сами и вели пропаганду среди рабочих. Но вот началась война. Лишь одни большевики против мировой бойни. Поэтому против них все силы охранки, аресты, суды, ссылки. Провокаторы с особым усердием внедрялись в студенческую среду. С наибольшим рвением искали подпольные типографии. И находили. Провал за провалом. А печатное слово большевиков для народа, как никогда, необходимо. И Мартын, который когда-то начинал с распространения листовок, решил сам издавать антивоенные листовки. Решил устроить, пусть самую примитивную, типографию. Но осмотрительность и еще раз осмотрительность! Уберечься от провокаторов можно лишь тогда, когда об этом деле не узнает ни один человек. Ни один, только он. Только он владеет типографией, только он пишет листовки, только он набирает и печатает их.

Однако не под силу одному достать шрифты, гектографическую массу, бумагу. И Мартын идет на уловку. Он говорит Элле, другим товарищам, что русские друзья, с которыми он связан, ставят типографию и просят помочь им. А в их Тверской группе есть наборщица. Как же не помочь? Святое дело!

Наборщица достала шрифты (не сразу, конечно, не в один день), другой товарищ принес верстатку, третий — валик. Для гектографической массы требовался глицерин, и достаточно много. Чтобы не вызвать подозрений, покупали его в разных местах. Наконец все готово. Мартын, живший за городом в дачной местности за Петровским парком, где снимал комнату в деревянном домике, вдруг попросил хозяина переселить его в чердачную каморку. Хозяин удивился, но Мартын объяснил, что там он будет обособлен от дачников и сможет успешней заниматься.

Не только комнату поменял Мартын, он сделал вид, что изменил убеждения. Да, чтобы обезопасить от провала важнейшее дело, Мартын готов был поступиться даже своей репутацией.

Любые беды претерпевал профессиональный революционер: нищету, разлуку с близкими, тюрьму, ссылку — и, может быть, поэтому особенно берег революционную свою честь. Но для Лациса так дорога была необходимость печатным словом общаться с пролетариями, что он придумал самую мрачную версию, будто примкнул к ликвидаторам. Лишь только вспыхивал спор между студентами, Мартын спешил вставить свое слово: он решительно против подполья, необходима легальная рабочая партия. И вообще гасил свою недавнюю бурную активность. Оторвался от товарищей, перестал посещать собрания кружка, сходки, все больше уединялся.

22 мая 1915 года Мартын записал в дневнике:

«Буду работать сам.

Сам?

Сам буду составлять прокламации, сам буду набирать, сам печатать, сам экспедитор?

А что же делать?

Кто может дать иной совет?

В смысле конспирации это — идеальные условия, в смысле работы это — каторга.

Я выбираю каторгу и приступаю к работе».

Он никогда раньше не держал в руках верстатку, пальцы его никогда не брали свинцовую литеру, не складывали из литер слова, фразы. Наборщик с закрытыми глазами знает: где, в каком отсеке кассы лежит нужная буква. Мартын медленно искал, словно удочкой вылавливал каждую. Выловит, положит в верстатку, потом — за другой. От напряжения начинали болеть глаза. Пот катился, ведь он завесил окно, так плотно завесил, чтобы и лучик света не прорывался наружу. А там, за окном,

майская ночь с легким бездонным небом и тяжелыми звездами; там купы сирени, и аромат ее прорывался сквозь занавес, сквозь свинцовые запахи шрифтов; и беспокойное соловьиное пение проникало даже в сердце, хотя оно, кажется, застыло после разрыва с Марией.

Набрал пять абзацев. Целых пять! Не только глаза болели, ныла спина, немели руки. Но дело двигалось. Двигалось дело! Очень хотелось глянуть, как получается. Сделал оттиск: ужас! Набрал, будто это арабские письмена — фразы шли не слева направо, а наоборот. Рассыпай, брат, набор и начинай все сначала! А трудился почти всю ночь, днем опасно — мало ли кто может заглянуть днем.

Потушил свет, снял одеяло с окна. Воздух хлынул, как река, прорвавшая плотину. Он ловил его запекшимися губами и глотал, глотал... Но словно тот гибнущий от жажды путник, что, достигнув реки, сначала припал к ней устами, а затем сам кинулся в воду, чтобы испило всё тело, чтобы каждая пора насытилась, так и Мартын сбежал вниз, во двор и весь окунулся в предутреннюю свежесть. А за забором — лес. Он стоял черный, стволы деревьев тонули в темени, лишь березы светились. Мартын шагал по просеке, подняв голову к небу, а по нему словно кто-то мел огромной метлой и каждым взмахом сметал узоры созвездий, и вместе с ними, как пыль,— ночной покров.

Мартын шел, и ему казалось: пройдет какую-то версту — и перед ним золотыми холмами засверкают под рассветными лучами дюны Рижского взморья, медью засветятся высоченные стволы сосен, а потом всей беспредельностью разольется море.

Не раз в Латвии, в такую пору, после потаенных ночных сходок, выходил он к морю. Кто заподозрит любителя ранних купаний? Мартын раздевался и шел в прохладную воду. Море не спешило принять его, он долго ступал

по мели, из-под ног в панике разбегались стайки крохотных рыбешек, наконец, вытянув руки и прижав ладони, он кидался в стынь волны, белый обшлаг которой уже подрумянило солнце. Только в первое мгновение она, словно холодными шипами, встречала его, сильными взмахами Мартын раздвигал волны, устремлялся вперед, и тело ощущало бодрящую прохладу. Он на мгновение касался ногой второй мели, что грядой пересекала море, там волны ярились жарче, и плыл дальше. На третьей мели останавливался, переводил дыхание. Тут все кипело вокруг. Мартын вытирал лицо ладонями и смотрел в сизую даль. Он смотрел в эту даль, где лишь вода и небо, небо и вода, и ему казалось, что он один на всей планете.

Сейчас в лесу ему тоже казалось: он единственное живое существо на всей земле. Мартын смотрел, как невидимая метла продолжает подметать небо, а в мозгу абзац за абзацем выстраивалась ненабранная прокламация.

Пришел новый вечер, и он опять с верстаткой в руке. Снова медленно, очень медленно ловил литеры. Вчерашний промах учтен. Среди ночи проверил. Да, фразы шли как положено — слева направо. Но... все слова получались слитно: ни малейшего между ними расстояния. Ах ты, боже мой! Даже атеист вспомнил о боге. Вспомнил о боге и о существовании шпонок, металлических прокладок, специально предназначенных, чтобы отделить слово от слова.

Начинай, Мартын, очередную переделку!

За полночь набрал все же половину листовки. Набор лежал на кровати. Сил нет, нужно хоть немного отдохнуть. Мартын присел на край кровати, она скрипнула под тяжестью его тела, весь набор накренился и рассыпался.

Каких только проклятий не обрушил он на свою голову!..

Еще ночь. Еще и еще. И тут нагрянула Элла.

7 июня 1915 года Мартын записал в дневнике:

«Сегодня произошло что-то совсем неожиданное — ко мне домой пришла Элла и сказала:

— Илья говорит, что он дал тебе кое-какие типографские принадлежности. Верни их, от тебя так или иначе ничего не дождешься.

Я был, как говорится, прижат к стенке.

Я понимал теперь, что один с этой работой в таких сложных условиях не справлюсь.

Не открыть ли Элле свою тайну?

Пока я раздумывал, у нее кончилось терпение.

— Почему ты молчишь?

— Потому что ты не знаешь, о чем говоришь.

Я подхожу к постели и снимаю покрывало.

— Иди и возьми!

Элла недоуменно подняла близорукие глаза. Затем подошла к постели, вперила взгляд в набранную прокламацию. Я вижу, как ее губы шевелятся, она читает, жду, что будет дальше.

Элла опустила очки на нос, вдруг повернулась и кулаком стукнула меня:

— Я тебе дам, обманывать человека! Я тебе покажу, как обманывать человека!

Ее кулак заходил по моим бокам. Жалея свои ребра, я схватил ее за локти и посадил на пол.

— Какой ты хороший, какой все же ты хороший! Отпусти меня, дай я тебя поцелую,— просила она, уже смеясь.

Но когда я отпустил ее, она начала снова:

— И все-таки ты поганец, настоящий поганец! Целый месяц водил меня за нос. А ты знаешь, что про тебя говорят?

— Знаю... Вчера встретил Зиле, он хотел обойти меня, мол, с ликвидаторами у нас никаких дел.

— А что еще? Помнишь осенние провалы, когда всех арестовали, а ты выкрутился.

— Считают провокатором?

— Ну, вслух не говорят, но думать думают.

— Так это же превосходно! — воскликнул я.

— Что? — вырвалось у Эллы.

— Это ведь поможет замести следы.

Элла минуту помолчала, затем хлопнула меня тяжелой ладонью по плечу:

— Значит, ты все врал?

Вместо ответа я рассмеялся.

— Молодец! — она второй раз хлопнула меня по плечу и поцеловала в лоб.— Ну теперь покажи мне свое оборудование».

«3 июля.

В моей жизни удивительная перемена. Я больше не один под крышей своей комнаты. Через день и даже чаще у меня теперь Элла. В совместной работе проходят дни и ночи. Обычно подобная близость между партийными товарищами переходит в совместную жизнь, если оба несемейные...

Как обстоит дело с нашими отношениями?

Такой вопрос уже назрел, и это кой о чем говорит. Если бы Элла была как другие обычные девушки, тогда не было бы так трудно определить наши взаимоотношения.

И если бы я был тоже как другие парни...

Да, если бы я был как другие.

А тут жизнь взяла и свела вместе двух таких типов».

Не раз Мартын ловил себя на том, что Элла нравится ему. Но не было главного: не было любви.

Элла оказалась отменной помощницей. Вместе дело шло куда быстрей. Каждая новая листовка подымала на ноги московскую охранку. Их печатали не менее двух тысяч, и не было в городе района, где бы они не появлялись.

Кругом рыскали шпики. Поди поймай, когда о таинственной типографии знают лишь два человека. Правда, через некоторое время пришлось привлечь третьего. Мартын очень не хотел, но по конспиративным связям начали поступать заказы на листовки из Харькова, Самары, Иваново-Вознесенска и даже Петрограда,— вдвоем не справиться.

И все-таки провокатор пробрался в Тверскую группу. В начале сентября пятнадцатого года арестовали Эллу и еще несколько их товарищей. А 12 сентября взяли и Мартына Лациса.

Решение суда: по статье 102 — лишение всех прав и ссылка в Восточную Сибирь.

Осужденных отправили в Иркутскую губернию.

Мартын все же успел закопать в лесу типографию и дневник.

III

В Женю Егорову Элла превратилась в ноябре шестнадцатого года.

К ссыльному Николаю Григорьевичу Козицкому приехала жена Евгения Николаевна Егорова. Она не была причастна к революционной работе, приехала разделить с мужем его судьбу. Паспорт у нее «чистый», по нему можно жить в любом городе.

Евгения Николаевна, познакомившись с Эллой, просто влюбилась в нее. Профессиональная революционерка, героиня и в то же время такая милая, сердечная, с сильными мужскими руками, а близорукие глаза полны детской чистоты и наивности.

Когда Евгения узнала, что Элла собирается бежать, она предложила ей свой паспорт. С этого дня Элла стала Женей Егоровой. Важно было, чтобы она сама привыкла к новому имени и фамилии, поэтому все ссыльные договори-

лись только так и обращаться к ней. Ни разу не должен был обмолвиться Мартын, ведь они спутники. И в пути, и в Петрограде — вместе.

Мартын сказал себе: «Забудь слово «Элла». И забыл.

Вот и сейчас он подумал:

«Чуть больше года, как с Женей приехали из Сибири в Петроград».— И даже мысленно не называл теперь ее Эллой. Женя. Женя Егорова.

Мартын шел, охваченный воспоминаниями, и случайно взгляд его упал на заиндевелую ветку березы. А возможно, сначала ухо уловило чуть слышный звон обледенелых прутиков. Но он вдруг остановился, словно впервые в жизни увидел такое диво. Высокая береза низко свесила ветви, сплошь покрытые хрусталем. Чтобы лучше озарить ее красоту, над ней висела ранняя луна, и в ее лучах все дерево искрилось, переливалось таинственными цветами и оттенками, для которых Мартын не мог подобрать названия.

Первая мысль, которая пробралась сквозь восхищение, ошарашила его:

«А я же мог пройти мимо...»

Да, он мог бы пройти мимо... Так сколько же раз проходил, не замечая прекрасного? Вот он завтра покидает Петроград, а видел ли он его? Какие улицы, здания, какие места запомнились? Знаменитый Невский, Дворцовая площадь, «Медный всадник», Ростральные колонны на Стрелке? За этот год с лишним у него не было ни одной свободной минуты, чтобы остановиться, как остановился сейчас перед заиндевелой березой. А ведь он не безразличен к красоте, он находил ее и в скромных полях Латвии, и в буйной сибирской тайге, не говоря уже о расписной Москве. А Петроград, воспетый Петроград...

Не успел. Шел по Невскому, по Дворцовой, по набережной, Литейному мосту и всегда спешил, голову поднять было некогда.

Ответственный организатор большевиков Выборгской стороны. Руководитель Выборгского райкома, где Женя Егорова — секретарь. Член исполнительной комиссии Петроградского комитета, оратор на важнейших митингах, публицист, регулярно выступающий в большевистских газетах, организатор первых в Петрограде и во всей стране отрядов Красной гвардии и даже первого советского народно-революционного суда.

С самого начала Февральской революции большевики Выборгской стороны задали тон всему революционному Петрограду. Под председательством Лациса — первое легальное собрание коммунистов. Впервые большевики шли, не озираясь, нет ли шпиков, впервые не выставляли пикетов, не называли пароль. Каждый оделся в самое лучшее, что имел. Шли с «Русского Рено», «Феникса», «Людвига Нобеля», Металлического, «Айваза», «Старого Лесспера», «Розенкранца», «Старого Парвиайнена», со всех заводов. Красные банты на лацканах пальто, пиджаках, красные повязки на рукавах. Праздник!

Но товарищ Дядя в своей речи доказал: праздновать рано, нужно продолжать борьбу. Он предложил резолюцию:

«Временное правительство не является действительным выразителем народных интересов; недопустимо давать ему власть над восставшей страной хотя бы на время... Совет рабочих и солдатских депутатов должен немедленно устранить это Временное правительство либеральной буржуазии и объявить себя Временным революционным правительством».

Резолюцию приняли безоговорочно. Ее отпечатали в типографии, расклеили по всему городу на афишных тумбах, на стенах домов.

В Петроградском комитете партии, стоявшем на позициях условной поддержки Временного правительства, осудили это решение. Однако выборжцы продолжали свою

линию: во всем Петрограде, во всей стране — двоевластие, а у них — власть в руках Советов рабочих и солдатских депутатов.

Ленин еще был в эмиграции. Ждали его приезда. И с особым нетерпением ждали на Выборгской стороне. Верили: Ленин одобрит их.

А пока что Мартын — с собрания на собрание, с митинга на митинг, подбирал командиров для отрядов Красной гвардии, доставал оружие, проверял, как идет обучение красногвардейцев, создавал новые большевистские ячейки...

Размышляя, Мартын не заметил, как дошагал до Финляндского вокзала. Ничем не приметное двухэтажное здание.

Что творилось здесь 3 апреля... То был понедельник, но нерабочий день — второй день пасхи. Утром сестры и брат Ленина получили телеграмму о его приезде. Он просил сообщить об этом в «Правду».

Мария Ильинична пришла в клуб «Правды», а там оказались Мартын Лацис, Подвойский, Женя Егорова.

— Финляндский вокзал в нашем районе! — воскликнул Мартын.— Ильича выйдут встречать тысячи рабочих!

— Но заводы закрыты — пасха,— заметила Мария Ильинична.

— Это же Выборгская сторона, каждый большевик поведет за собой полсотни, а то и сотню!

Николай Ильич Подвойский, который возглавлял военную организацию большевиков, пообещал, что вместе с рабочими на вокзал придут солдаты и матросы. Пусть Ленин сразу увидит, какая у нас сила.

Позвонили секретарю Петроградского комитета Глебу Ивановичу Бокию.

Мартын и Женя поспешили на Большой Сампсониевский проспект, где размещались и райком, и совет, и штаб Красной гвардии. Там — полно народу.

Мартын собрал всех.

— Ленин приезжает. Как будем встречать?

Предложение за предложением:

— Написать плакаты, что приезжает, и с ними — по улицам! Чтоб все узнали!

— Финляндский вокзал в порядок привести: окна, полы помыть!

— Подарок бы памятный!

Все задумались: какой?

И тут Покотилов-старший лучше всех придумал:

— Вручить товарищу Ленину партийный билет члена нашей организации!

Лацис и раньше знал Покотилова, а теперь накрепко запомнил — такую подал дельную мысль.

Партийных билетов раньше никто не имел, только начали выдавать. Для Ильича действительно памятный подарок.

— Кому поручить это почетное дело?

Снова Иван Иванович-старший поднял руку:

— Тому, кого товарищ Ленин сам знает! От знакомого — чувствительней!

— Кого из наших Владимир Ильич знает в лицо?

Наступило молчание. Мартын обвел взглядом товарищей.

— Меня вроде бы должен помнить,— стеснительно промолвил Иван Дмитриевич Чугурин — рабочий с завода «Айваз».

Скромен товарищ Петр, такая его партийная кличка, а ведь член партии с девятьсот второго года.

— В одиннадцатом году был слушателем в его школе в Лонжюмо,— пояснил Иван Дмитриевич.

А у Покотилова еще одна знатная мысль:

— Широкую красную ленту Чугурину через плечо. Чтобы из всех, кто будет встречать, выделялся.

Тут Женя Егорова сокрушенно заметила:

— Предвидеть бы такое, оставили б для товарища Ленина билет номер один.

— А какие номера сейчас у тебя идут? — спросил Лацис.

— Последний выдала пятьсот девяносто седьмой.

— Тогда товарищу Ленину выписывай шестисотый, чтобы круглое число!

Тот апрельский вечер был теплым. Людей собралось — многие тысячи. Поезд с Белоострова запаздывал — пришел лишь в начале двенадцатого. Но близились белые ночи, и небо над Петроградом еще не стемнело.

Только Владимир Ильич спустил ногу с площадки вагона на ступеньку, как военный оркестр заиграл «Марсельезу». Вытянулись и замерли матросы в почетном карауле. Их командир отдал рапорт. Покатилось «ура». Первые рукоплескания. Вот и Чугурин подступил к Ленину. Широкая красная лента действительно выделяла его.

— Владимир Ильич! Я товарищ Петр...

Ленин протянул руку, хотя узнал не сразу. Но узнав, воскликнул:

— Как же, как же — Лонжюмо!

— Выборгский партийный комитет поручил мне вручить вам партийный билет и просить вас быть членом нашей районной партийной организации!

Владимир Ильич принял билет, поблагодарил и еще раз пожал руку Чугурину.

Там, на перроне, Мартын не думал, что в ту же ночь ему удастся узнать у Ленина, правы ли были выборжцы, приняв резолюцию, которую Петроградский комитет не

признал. Но после триумфального проезда Ильича на броневике от вокзала до дворца Кшесинской, человек шестьдесят партийных работников вместе с Лениным собрались на втором этаже дворца в бывшей столовой.

Там стоял длинный стол, над которым висел большой светильник с розовым абажуром. На столе много стаканов, а в углу несколько чайников с заваренным чаем. Во главе стола посадили Владимира Ильича и Надежду Константиновну, Женя Егорова налила им чаю. Горячий чаек всем пришелся по вкусу.

Уже первая фраза, брошенная Лениным с броневика,— «Никакой поддержки Временному правительству!» — сказала Мартыну о многом. И все же во время беседы он задал вопрос. Владимир Ильич твердо ответил, что резолюция выборжцев верная.

Возможно, в памяти Лациса не отпечатались самые красивые места Петрограда, но зато надолго останутся в ней другие, связанные со знаменательными событиями. В актовом зале Михайловского училища Выборгский райком и райсовет устраивали встречу Нового, восемнадцатого года. Пригласили Ленина и Крупскую. Пригласили и Мартына. Он хотя и работал в Наркомате внутренних дел, но Выборгская сторона продолжала оставаться родной.

Сколько здесь друзей! Рабочие-металлисты, ткачихи с «Большой Сампсониевской мануфактуры», солдаты Московского полка. Прибыли артисты во главе с женой Горького Марией Федоровной Андреевой, военный духовой оркестр. «Старый год» — традиционный дед с бутафорской бородой, «Новый год» — балерина из Мариинского театра.

Ленин и Крупская приехали сразу после полуночи. Их встретили аплодисментами, изо всех сил били в ладони, пока оркестр не заиграл «Интернационал».

Потом Владимир Ильич заговорил.

Он сказал, что уже полчаса, как мы живем в новом году, и предупредил, что, наверно, это будет очень трудный и суровый год. Можно предвидеть по бешеным нападкам со стороны контрреволюции, как внутренней, так и международной.

Ленин всегда был предельно откровенен. Пусть сейчас снова загремят трубы оркестра, пусть многим хочется думать, что впереди — светлые дни, Ленин обязан предупредить. Так всегда нужно разговаривать с массой, думал Мартын.

И тут же Ленин уверенно сказал, что будущее за нами! Порукой тому великая неиссякаемая сила, которую представляет собой русский пролетариат, и прежде всего питерский пролетариат. А в этом славном отряде — рабочие Выборгской стороны, всегда идущие авангардной колонной.

Тут все бросились к Ильичу, чьи-то руки подхватили его, подбросили в воздух — раз, другой, третий. А Надежду Константиновну посадили на табуретку и начали качать, подымая вместе с табуреткой.

Она ведь тоже своя, выборгская! После возвращения из эмиграции ее избрали в районную управу, она возглавляла культурно-просветительную комиссию, комиссию помощи солдаткам, организовывала союзы молодежи.

Потом оркестр заиграл вальс. Ленин, Надежда Константиновна, Мартын, Женя и те, кто постарше, стали в широкий круг, а молодежь пустилась в танцы.

Владимир Ильич вместе с другими в такт музыке хлопал в ладоши.

И тут Мартын увидел, что прямо к Ильичу устремилась молодая работница с фабрики «Невка» Валя Чуракова. Он знал эту боевую фабричную девушку. Немного конфузясь и в то же время стараясь показать, что она нисколько не смущена, Валя пригласила Владимира Ильича потанцевать.

Ленин от души рассмеялся, сказал, что с огромным бы удовольствием, но не умеет. Не обучен. Он взял девушку об руку, подвел к дирижеру танцев и попросил потанцевать с Валей.

Никого не удивляло, что Ленин приехал к выборжцам. Он не только состоял здесь на партийном учете, приходил в райком платить членские взносы, здесь, на Выборгской стороне, он укрывался от шпиков Временного правительства, потом, перебравшись в Финляндию, через Крупскую и Лациса держал связь с Центральным и Петроградским комитетами партии, здесь, в сторожке завода «Русский Рено» и в Лесновской думе, которую возглавлял Михаил Иванович Калинин, проводил совещания с партийными работниками, готовя Октябрьское восстание, отсюда отправился в Смольный в канун восстания.

...И еще одно здание на пути Мартына — Народный дом Сампсониевского общества. Его не минешь, не вспомнив жестокие июльские дни семнадцатого. Кончилось двоевластие, вовсю разгулялась реакция. Ленин ушел в подполье. Лишь на Выборгской стороне по-прежнему хозяева рабочие во главе с большевиками. Полицейские стороной обходят этот район.

Сразу после Февральской революции рабочие вместе с солдатами разоружили всех городовых. А Мартын с несколькими товарищами явились на квартиру к полицейскому приставу и предложили ему немедленно покинуть пределы Выборгской стороны. В помещении, которое он занимал, разместились райком партии, Совет рабочих и солдатских депутатов и штаб Красной гвардии.

Поэтому-то после июльских дней сюда, в Выборгский район, перебрался Петроградский комитет партии, здесь проходили самые ответственные совещания, тут решено было собрать VI съезд партии. Но Временное правительство не должно знать о нем. А приезжало более двухсот шестидесяти делегатов. Вся организация съезда на пле-

чах Лациса, Выборгского райкома. Мартын делал на съезде доклад мандатной комиссии. А Народный дом, где проходили заседания, охраняли созданные по его почину отряды красногвардейцев.

Неспроста Свердлов, выступая, особо подчеркнул, что только благодаря энергии Выборгского красного района удалось осуществить созыв съезда.

Когда же было Мартыну любоваться красотами Питера? Он вошел в повстанческую тройку Петроградского комитета, потом в Военно-революционный комитет, который руководил Октябрьским восстанием. Назначал комиссаров...

А завтра — в Москву... Выкроить хотя бы один свободный день, походить по Питеру, чтобы голова ничем не была занята, только смотреть, а вечером пойти в театр, он даже Шаляпина ни разу не слушал...

У входа в райком партии встретил целую гурьбу товарищей. Они шли от Жени Егоровой, у которой только что закончилось совещание. Все по старой памяти называли его Дядей.

Увидев Мартына, Женя вскочила из-за стола. На ней была кожанка и на поясе — наган.

— Ты на войну собралась?

— Несколько дней, как вернулась с фронта.

Женя подошла к нему, обняла и улыбнулась совсем незнакомой Мартыну улыбкой.

— Ой, Мартыныш! — воскликнула.— Что я тебе должна рассказать... Я так рада, что ты пришел, кому же рассказать...— Женя говорила, а щеки ее краснели. Ухватила его за руку, усадила на стул, сама присела напротив.

— Ой, Мартыныш! Я полюбила, вышла замуж и скоро... скоро стану матерью. Это такое счастье! Ты не представляешь, какое счастье... Знаешь, революционная борьба, партийная работа — без этого мы не можем, это наша жизнь. Но теперь я понимаю, как она не полна без

любви! Оказывается, любовь просто необходима! Я теперь чувствую людей куда глубже.— Женя говорила по-латышски, однако целые фразы вставляла на русском языке.— А ты... ты все по-прежнему?

— Все по-прежнему,— с грустинкой ответил Мартын. Женя взяла его за руку.

— Мне тебя очень и очень жаль.

— Мне себя тоже,— он чуть усмехнулся.

— А я когда-то... Ты когда-то мне нравился. И даже сильно. И не мне одной. Это я точно знаю. Неужели никто...

Разве объяснишь Жене, когда он сам себе не мог объяснить. Так получилось. Вот полюбил Марию, а потом...

— Наверно, я деревянный какой-то...

— Никакой ты не деревянный. Я тоже раньше о себе так думала. Думала: никому не нужна, никто на меня не смотрит. А вот понравилась, полюбилась. Мы всегда стеснялись говорить на эту тему. Теперь я вижу: глупо. Нельзя стесняться. Это наша жизнь.— Женя говорила взахлеб.— Тебя с радостью полюбят, ты только сам пойди навстречу. А то у тебя сердце как на крючки застегнуто.

— Попробую. Уже в Москве.

— Знаю. Завтра уезжаешь. А я остаюсь.

— Тебе сам бывший бог велел. Выборжцы без тебя, как без матери.

— Хорошо, что ты зашел проститься. Сколько мы пережили вместе, Мартыньш!

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Почти на две недели раньше Мартына Лациса переехал в Москву Ян Судрабинь. Переехал вместе с полковником Гоппером.

После того как в Петрограде провалилось вооруженное выступление в защиту Учредительного собрания, Гопперу с сотней его латышских молодчиков нечего было там делать. Всяких контрреволюционных групп в Питере хватало, но Гоппер не сумел найти богатого хозяина, который мог содержать такое количество людей. В городе и без них околачивались тысячи и тысячи офицеров, готовых, как говорится, предложить свою шпагу любой контрреволюционной организации.

Главный очаг контрреволюции создавался на Дону. Бывший при царе начальником штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев, наказной атаман войска Донского генерал Каледин, генералы Корнилов, Деникин призывали офицеров на юг, чтобы создать там Добровольческую армию. И они пробивались туда. Отправилась немалая часть приспешников Гоппера. Ян Судрабинь, конечно, не покинул своего покровителя и друга.

В Москву первым перекочевал полковник Бриедис. Он условился с Гоппером, что даст ему знать, как обстоят там дела. Через некоторое время от него пришло письмо: настоятельно приглашал не только Гоппера, но и всех, кто с ним остался. Подробностей — никаких, да это и понятно — конспирация, однако раз получено такое приглашение, значит, без дела в Москве не останутся.

Москва Яну Судрабиню не понравилась. Кривые улицы, запутанные переулки, бесчисленные тупики. Разве сравнить с Петроградом, с его проспектами, дворцами, памятниками...

Бриедис предоставил им комнату в Замоскворечье, где деревянные домишки лепились один к другому и грязные сугробы снега чуть не закрывали окна первых этажей. Он предложил им деньги, но на прямой вопрос Гоппера, кто их субсидирует, ответа не дал. Отделался неопределенной фразой:

— Обо всем поговорим позже. Сегодня отдыхайте.— Глянув на часы, заметил, что у него срочные дела, завтра днем заглянет к ним, щелкнул каблуками, приложил пальцы к козырьку фуражки со снятой кокардой и распрощался.

На другой день, лишь переступив порог комнаты Бриедис обратился к Гонперу:

— Я — за тобой!

Тот невольно выпрямился, словно стал по команде «смирно». Но сразу вспомнил о Судрабине:

— А штабс-капитан?

Бриедис посмотрел на Судрабиня, будто только что заметил его.

— Штабс-капитан будет связан с людьми,— он на секунду остановился, подыскивая слова,— другого ранга. Соответствующего...

Гонпер вернулся возбужденный. Естественно, в такой степени, в какой мог быть возбужден человек его характера. Сняв шинель, оглянулся по сторонам, хотя отлично знал, что в комнате никого, кроме Судрабиня, нет, и, подойдя к нему вплотную, прошептал:

— Наконец встретил вождя! Удивительный человек! Этот и соберет, и объединит, и поведет!

— Кто он? — не вытерпел Судрабинь.

— Извините, штабс-капитан, имя открыть не могу.

— Не можете? Мне не можете?

Гонпер понимал, что его слова не только удивили, но и уязвили Судрабиня. Он обеими руками стиснул его предплечья.

— У меня лично уже давно нет от вас тайн. Но эта тайна не моя.— Опустил руки, сел на стул и выработанным за многие годы жестом пригласил Судрабиня тоже сесть.— Мы связываем себя с сообществом, где конспирация поставлена во главу угла. Имя вождя, членов главного штаба известны очень узкому кругу людей. Мне

сразу оказано доверие, которым я очень польщен, введен в главный штаб и получил должность дежурного генерала.— Пальцем поманил Судрабиня, чтобы он придвинулся ближе, и, наклонившись к его уху, продолжал: — Но в основное я вас посвящу: «Союз защиты родины и свободы». Ядро союза — офицеры. Задача — свержение Совдепов, создание твердой власти, восстановление дисциплинированной армии без всяких выборов и комитетов, решительное продолжение вместе с союзниками войны с Германией до полной победы. Союз объединяет всех, кто хочет уничтожить большевизм,— от монархистов до меньшевиков. Субсидирует Антанта. Союз получает не подачки, а крупные суммы.

Гоппер поднял голову, чтобы увидеть, какое впечатление производят на Судрабиня его слова.

— Прекрасно! То, к чему мы с вами стремились. Ну, а я? Где мое место? Что мне делать?

— Будете командиром батальона. Мы с Бриедисом дали вам самые лучшие рекомендации.

Судрабинь вскочил на ноги.

— Готов на все!

Гоппер тоже встал и пожал ему руку.

— Одно огорчает меня, жить мы должны отдельно. Вы поселитесь там, где прикажет вам полковой командир. Фамилию перемените. Станете Серебровым. Вас могут знать лишь командиры рот. Командир полка из всего батальона будет известен только вам.

II

В ночь на двенадцатое апреля двадцать пять особняков в разных районах Москвы окружили красноармейцы, латышские красные стрелки.

Особняки самочинно захватили вооруженные анархисты, причем все в стратегически важных пунктах.

В окнах стояли пулеметы, а на Малой Дмитровке, у Дома анархии, бывшего купеческого клуба, установили горное орудие.

Советская власть не препятствовала деятельности так называемых идейных анархистов, их представители даже входили во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Но в особняках засели главным образом уголовники. Своими грабежами они терроризировали Москву. ВЧК решила ликвидировать бандитские гнезда. В новой столице должен быть порядок.

Окруженным анархистам предложили сдаться, но в ответ из всех двадцати пяти особняков открыли огонь.

В Доме анархии прекратили сопротивление, когда красные артиллеристы сбили горное орудие и разворотили подъезд дома. Лишь тогда из окон замахали простынями, закричали:

— Сдаемся!

Анархисты выползали из дома, одетые словно для маскарада: во фраках и брюках галифе, в барских шубах и кубанках, в кучерских шляпах, в лакированных туфлях и матросских бушлатах; немало женщин — в мехах, вечерних платьях, а кто и в шинели, наброшенной на ночную рубашку.

Со стороны Страстной площади подъезжали грузовые автомобили. Задержанных сажали и отправляли под конвоем красноармейцев.

Командовал всем Дзержинский. Увидев Мартына, он подошел к нему.

— Поедем на Пресню,— предложил он,— там, по-моему, еще не закончили.

Когда сели в автомобиль, Дзержинский заговорил о том, что сейчас особенно донимало его:

— Идейные и уголовники, как они оказались в одном вертепе? Вы знаете, что писала анархистская газетенка? Совершенно открыто утверждает: за ними идет целая

армия преступности! У них, оказывается, единая цель — разрушение современного общества. И хотя анархисты, мол, выше этого общества, а преступники ниже, анархисты протягивают им руку. У них, видите ли, общий враг. Поэтому — вонзай финку, стреляй, грабь. Они приветствуют и поощряют всякое разрушение.

Дзержинский всегда переполнен эмоциями. Он ни о чем не может говорить безразлично, даже спокойно не смог бы говорить, не умей владеть собой так, что никогда не повышал голоса ни на сотрудника, ни на матерого врага. Зато в идейном споре никому не давал спуску. И гнев, и сарказм, и ирония бушевали вовсю.

— Союз анархистов и грабителей возмутителен,— заметил Лацис.

— Не только возмутителен — преступен! Стирается грань между тем, кто считает себя последователем Бакунина, и обычным бандитом, и что еще опаснее — контрреволюционером! Все же мы выпустим идейных. Предупредим и выпустим.

Когда подъехали к особняку на Пресне, в окнах, как и на Малой Дмитровке, уже белели простыни. Но только автомобиль остановился, из окна на третьем этаже вдруг раздались выстрелы. Целились в них. Мартын услышал свист пуль, вобрал голову в плечи. Пыльные дымки взлетали с земли.

Дзержинский невозмутимо вышел из автомобиля и пошел вперед. Мартын ускорил шаг, обогнал его, чтобы прикрыть собой. Но мгновенно услышал:

— Прекратите глупости! — Дзержинский поравнялся с ним.— Никогда впредь...

— Феликс Эдмундович...

— Это оскорбительно!

Мартын понял: дальнейшие уговоры ни к чему. Он поднял руку и крикнул:

— Сейчас же прекратить! Или снова ударим из пушки.

Угроза подействовала: винтовки смолкли.

Дзержинский ринулся было в особняк, но Мартын загородил ему дорогу.

— Вы не имеете права!

— Как это не имею права? Я руковожу всей операцией!

— Вот-вот, всей! А не взятием каждого особняка в отдельности! Тут есть свой командир, есть ваши чекисты...

Убедившись, что сопротивление анархистов прекратилось, Дзержинский спросил Лациса:

— Кто же тогда будет действовать, если я стану отсиживаться в кабинете? — и, не дожидаясь ответа, снова спросил: — Знаете, сколько у нас в ЧК работников? Вместе с курьерами и шоферами всего сорок человек.— Сделал паузу, чтобы Лацис полностью осознал эту цифру. Тогда сказал главное: — Идите к нам на помощь! — После этого чуть заметно улыбнулся.— Идите, и я обещаю не ездить сам на операции.

Не предложение Дзержинского поразило Лациса. Поразило другое: он знал, что аппарат ВЧК невелик, но не представлял, до какой крайности мал. Переспросил:

— Сорок человек?

— С курьерами и шоферами!

— Как же вы справляетесь?

— Вот и приходится самому ездить.— Без перехода добавил: — Я поговорю о вас со Свердловым.

— Но вы же знаете, в наркомате у меня очень важный участок: Советская власть на местах!

— В ЧК вы будете и укреплять и охранять ее.

Этот разговор не был случайным. Дзержинский мог не увидеться с Лацисом на рассвете у Дома анархии, но в его календаре как раз двенадцатого апреля было записано: «Договориться с т. Лацисом о встрече».

А в конце апреля Феликс Эдмундович обратился в Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Он просил дать «необходимое пополнение из своих рядов в лице наиболее идейных ответственных товарищей для тяжкой, но необходимой работы защиты нового строя, нашей рабочей революции».

Когда Дзержинский писал о наиболее «идейных ответственных товарищах», он прежде всего имел в виду Мартына Лациса. Его высокая идейность особенно привлекала. Для Феликса Эдмундовича при оценке любого товарища по партии это была главная мерка. Она включала и преданность, и беззаветность, и готовность на жертвы, и умение бороться с полной отдачей сил.

Вручая письмо Свердлову, он сказал, что Лацис необходим для очень важного дела: он будет членом коллегии ВЧК и заведовать отделом по борьбе с контрреволюцией.

У Якова Михайловича было слово, которым он определял большевика с самыми высокими достоинствами,— человечище!

— Этому человечищу действительно место у вас! — согласился с Дзержинским.

А так как он был не только председателем ВЦИК, но и секретарем ЦК партии, то вопрос о переводе Мартына Лациса поставил на заседании Центрального Комитета. Через некоторое время пригласил Лациса. Разговор был коротким:

— Придется тебе, Дядя, перебраться в ЧК.

— Готов. А кто на мое место?

— Подберем. Мы утвердим, а ты введешь в курс дела. Местные Советы нельзя оставлять без руководства. Так что, пока придет новый товарищ, тебе придется везти два воза.

— Понимаю.

Свердлов вручил ему выписку из протокола заседания ЦК РКП(б).

Мартын прочитал:

— «Об усилении ВЧК новыми товарищами.

Тов. Дзержинский — выясняет острый недостаток в надежных товарищах в Чрезвычайной комиссии, собственную усталость и проч. Решено усилить Комиссию новыми товарищами. Перевести т. Лациса из Комиссариата по внутренним делам в Чрезвычайную комиссию».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Ян Судрабинь отличался деятельной натурой, и длительное безделье тяготило его. В Петрограде главным была подготовка к вооруженному выступлению в день открытия Учредительного собрания и к боевым действиям против большевиков до полного их подавления. Большой сапог должен был оставить глубокий след.

После пятого января, когда из этого ничего не вышло, его сковала апатия. Ничего утешительного не виделось впереди, хотелось плюнуть на все, добраться до Латвии, а там — на свой хутор...

Порой он рисовался ему как самое дивное место на земле. Надежно врос в землю дом среди берез. Только березы. Как высоченный частокол вокруг. Даже в зимний полумрак, когда развидняется в девять, а в декабре чуть ли не в десять часов, их хутор кажется светлым среди стволов с черными пометинами. А эти пометины, вглядись в них, чего только не увидишь: и совиную голову с круглыми черными глазами, и лодочку под парусом, и ткацкий челнок, и гребень петушиный, и шлем воина, и птицу, распростершую крылья... А у крыльца — дуб. Один-единственный в усадьбе. Но какой дуб! Такого не только у самых зажиточных крестьян, но и у самого барона нет. Он специально приезжал посмотреть. Не дере-

во — целое государство. А рядом с толстенным серобурым стволом стояла совершенно белая береза и вся, всеми своими ветвями, всеми самыми малыми веточками, обнимала его. Осенью эта береза последней теряла листья, а дуб держал свои всю зиму. Они дребезжали на ветру, словно вырезанные из ржавой жести. Осенью хутор стоял среди золота, а ближний лес, как золотой туман. И такая беспредельность...

Ах боже мой, нет на свете ничего лучше родного хутора! И все там — от огромной свиньи, облепленной поросятами, до куриного перышка на насесте — твое собственное, все несет тебе доход. Яблоко, что зреет на солнце,— денежки, струи молока из коровьего вымени — денежки, зерно, льющееся из молотилки,— денежки...

Это дед и отец сами надрывались, почти как батраки, он надрываться не станет, он хозяин! Не пожалеет денег на лучший заграничный трактор, по-научному велит откармливать свиней и коров. Крепко можно разбогатеть на бекопе для экспорта... И все же в глазах того же барона Граббе, его наследников он останется мужиком. Простым мужиком. Вот если вернется в Латвию победителем... Вернется вместе с Гоппером, который станет прославленным вождем. Сам прославится, сам выйдет в герои... Герой — вывеска не хуже баронского герба. Его тогда в мужики не запишешь. Пусть богатеет на бекопе, от этого лавры еще ярче.

Вот почему, когда Гоппер принес весть о «Союзе защиты родины и свободы», о назначении Судрабиня командиром батальона, Ян с нетерпением ждал, когда начнет действовать.

На другое утро полковник отправился, как он выразился, на службу, а Судрабиню велел ждать: за ним придут.

Не прошло и часа, как с наружной стороны кто-то вставил в дверь ключ и открыл ее. Совсем молоденький

офицерик. Плотно прикрыв за собой дверь, он вытянулся, приложил пальцы к козырьку фуражки.

— Господин штабс-капитан, прибыл по поручению полкового командира! —сделал несколько шагов вперед, представился: — Юнкер Иванов.— Говорил негромко, шагал мягко, а, казалось, на плацу демонстрирует строевую подготовку, так получалось лихо.

Судрабинь подал ему руку.

— У вас, нужно полагать, багаж скромный?

— Все мои сокровища,— кивнул Судрабинь на небольшой чемодан и подхватил его.

— Пожалуйте ключ от комнаты,— юнкер протянул руку,— вам он больше не понадобится.

Не понравилась Судрабиню его самоуверенность, даже беспардонность.

На улице он спросил:

— По какому адресу мы направляемся?

Иванов провел рукой по усикам, как бы удерживая усмешку.

— Там нет адреса! — Выдержал паузу и добавил: — Мы собираемся на бульварах. Не толпами, как вы понимаете. Чаще всего командир стоит, а мимо него дефилируют. Многие не знают его в лицо. Кого нужно, он останавливает сам или условным знаком поручает мне. Сейчас мы направляемся на Тверской бульвар.

Они продолжали путь молча. Вышли на Красную площадь. Даже неубранная, захламленная, она никого не оставляла безразличным. Каждый раз, пересекая ее, Судрабинь начинал ступать медленней, озирался вокруг.

— Вот уже не понимаю, отчего цари назвали ее Красной? Предвидели приход большевиков? — буркнул он. Иванов оживился:

— Поскольку вы латыш, вам простительно. Красный в русском языке не только цвет, это и синоним красивого, прекрасного. Есть выражение: красная девица.

Это никак не свидетельствует, что она большевичка.

Не на себя рассердился Судрабинь, хотя сам дал повод потешиться над собой, не такая у него натура, чтобы сердиться на себя, поэтому еле удержался, чтобы не ответить юнкеру резкостью.

Перед тем как свернуть с Тверской улицы на Тверской бульвар, Иванов промолвил:

— Разрешите ваш чемодан и расстегните шинель!

С языка снова чуть не слетело: «Зачем?» Но сдержал себя. Ответит: «Так нужно!», и с глупым видом придется повиноваться.

— Командир сам подойдет к вам. Ничего оригинального — попросит прикурить.

У памятника Пушкину Иванов шепнул:

— Отстаньте от меня на пять шагов.

Судрабинь шел, то поглядывая — соблюдает ли дистанцию, то бросая взоры по сторонам, пытаясь заранее угадать полкового командира. И не угадал, когда увидел, что навстречу с папиросой в руке направлялся стройный, как юноша, человек с пожилым лицом.

— Разрешите? — поднес папиросу ко рту. Пока Судрабинь вынимал зажигалку, не торопясь высекал огонь, тот быстро промолвил:

— Познакомились. Жить в Иверской больнице. Доставит Иванов. В палате три командира рот. Иванов четвертый. На днях приведет вас на заседание штаба полка.— Прикурив, строго заметил: — Еще не поздно от всего отказаться!

— С вами до победы!

— С богом! — попрощался полковой командир.

Иванов поджидал Судрабиня на улице и, когда тот поравнялся с ним, протянул ему чемодан.

— Плохо выучены, юнкер,— поспешил отыграться

Судрабинь. — Вы младше по чину, по возрасту, потрудитесь донести до места!

Иванов покраснел, гордо вскипул голову и до самой Иверской больницы — ни слова.

В дальнем углу больничного двора стоял флигелек из вылинялого кирпича.

— Здесь,— сказал Иванов. — В вашем подчинении будут трое командиров рот.

— И вы! — Судрабинь ткнул в него пальцем. — Вы тоже!

— Я адъютант полкового...

— Кто бы ни жил в палате, в первую очередь подчиняется мне!

Иванов открыл было рот, но Судрабинь опередил его:

— Обсуждению не подлежит! Ничто не должно отвлекать нас от нашего долга! — Это он сказал хорошо: поставил мальчишку на место и подчеркнул, что сварам не место в их среде. Для убедительности добавил: — Тот, кто идет на смерть ради родины и свободы, должен быть чист душой и помыслами! — с каждой новой фразой Судрабинь как бы обретал самого себя. Строгим начальником и самоотверженным борцом — таким он переступит порог флигеля.

Командиры рот оказались братьями. Старший — Александр — коренастый увалень, младший — Андрей — плечист, узок в талии, высок ростом, средний — Алексей — походил и на того и на другого. Клички они себе придумали «речные»: Александр — Волгин, Алексей — Днепров, Андрей — Окин. Чины имели соответственно: поручик, подпоручик, прапорщик. Они сидели за столом и играли в карты.

— Господа,— обратился к ним Иванов,— прошу встать, ваш командир батальона!

Они вскочили, вытянулись.

Усевшись за стол, как водится, прежде всего начали

устанавливать, где воевали. Оказалось, братья служили не только на одном с Судрабинем Северном фронте, но и в одной, 12-й, армии, куда входили и полки латышских стрелков.

— Необходимо выпить: за знакомство, за фронтовое братство! — воскликнул поручик Волгин. Достал чемодан, вынул из него две бутылки водки.

Судрабинь никогда не отказывался поддержать компанию, однако сейчас, не задумываясь, сказал «нет».

— Не с рюмок начинать нам, господа! — Снял со стола бутылки, поставил на пол. Нужно сразу установить дистанцию между ним и ротными. Нужно подчеркнуть жертвенную их миссию. — Потолкуем сначала о том, что собрало нас вместе.

Вечером бутылки водки уже законно появились на столе. Налили, конечно, стопку и Иванову, но он отказался.

— Что так? — удивился Судрабинь.

Иванов до того покраснел, что стало заметно при тусклом освещении керосиновой лампы.

— Свидание! — объяснил прапорщик Окин. — Когда отправляется на свидание, даже понюхать боится.

Иванов промолчал, надеясь, очевидно, что молчание закроет эту тему. Но Судрабинь насмешливо спросил:

— Романчик?

— Личное дело! Прошу не вмешиваться! — Юнкер побагровел, казалось, притронься пальцем к щеке — и брызнет кровь.

— Личное,— согласился Судрабинь и повысил голос: — Но вмешиваться буду! Во все! Такие обстоятельства, господин юнкер! При любых иных — не посмел бы, но мы на конспиративном положении. Оступится один — в яму упадут десятки. Так что дело не в любопытстве. Прошу на-

вать: фамилию девушки, имя, занятие, кто родители, адрес, давно ли тянется роман и в каких вы отношениях?

Иванов молчал.

— Потрудитесь ответить, юнкер!

Иванов с достоинством повторил:

— Прошу не вмешиваться! Сам за себя отвечаю! И дабы прекратить этот пошлый допрос, ухожу! — повернулся к двери.

— Отставить! — скомандовал Судрабинь. Иванов остановился лишь для того, чтобы ответить:

— Приказаний, не имеющих отношения к службе, не выполняю!

Иванов вернулся в палату довольно скоро, около десяти вечера. После скандала прошло не больше двух часов. «Батальон» распил две бутылки, и на столе рядом с пустыми стояла третья — початая. Пьяные голоса наполняли комнату.

Первым приметил юнкера поручик Волгин. Он накрыл своей рукой руку Судрабиня.

— Штабс-капитан, не трогайте его, он славный мальчик!

Волгин принадлежал к той категории людей, которые, пьянея, добреют. Судрабинь становился злее. Он вырвал руку из-под ладони поручика, отбросил стул. В порошок стер бы сейчас этого молокососа, но короткая мысль: осторожность! — остановила его. Она как бы определила сегодняшнее положение. Прежде всего будь осторожен! Храбрость, выучка, сметка — на втором плане. Он сел, ладонями пригладил волосы, зачесанные на пробор.

— Подойдите сюда, юнкер!

Как сегодня утром в комнате в Замоскворечье, Иванов четко «отпечатал» несколько шагов. Вытянул руки по швам.

— Завтра извольте познакомить меня с вашей дамой!

II

Дзержинский позвонил Лацису и попросил зайти к нему. В голосе Феликса Эдмундовича Мартын услышал радостные нотки. Если негодование, раздражение, горечь Дзержинский умел прятать в себе, то радостью он всегда делился.

Зайдя в кабинет председателя ВЧК, Мартын убедился, что не ошибся: веселые глаза встретили его.

— Посмотрите,— Феликс Эдмундович протянул ему конверт. И, не дожидаясь, пока Лацис вынет из него письмо, довольно промолвил: — Пишут! Пишут!

Мартын понял, о чем идет речь: о письмах рабочих, в которых они сообщали о вражеских происках. Феликс Эдмундович считал это главным завоеванием ВЧК. Лацису рассказывали, когда пришло первое письмо,— это было еще до перехода его в комиссию,— Дзержинский собрал всех оперативных работников и сам, волнуясь и радуясь, прочитал его вслух.

С тех пор такие письма приходят ежедневно, и каждое из них ему дорого так же, как самое первое.

— Читайте, читайте! — торопил он Мартына.

Лацис возглавлял самый важный отдел ВЧК — по борьбе с контрреволюцией, поэтому письмо имело к нему непосредственное отношение.

— «Товарищам чекистам от сознательного рабочего завода «Каучук» товарища Луки Калистратовича Нифонова,— прочитал он. — Прошу обратить ваше большевистское внимание на происходящее в Молочном переулке в доме номер два, квартира семь. Там недавно открылась частная приходящая лечебница. На первый взгляд вроде бы лечебница лечебницей, а как присмотрелся — вижу: ходят туда одни господа «ваше благородие».

Мартын прервал чтение, посмотрел на Дзержинского.

— Точно сказано: господа «ваше благородие»!

— «Вот и обращаю я ваш чекистский глаз,— продолжал читать он,— на происходящую в Молочном переулке картину, откуда доносится контрреволюционный дух. А вы проверьте, чем там занимаются их благородия, потому что на больных они не схожи. К сему Нифонов Лука Калистратович, проживающий по той же улице, что и лечебница, только в доме № 1, напротив, и мне все видно».

— Займемся,— утвердительно кивнул головой Мартын. — Думаю, глаз рабочего не ошибся. Латыши говорят: «От людских глаз и на дне морском не скроешься».

С письмом в руке он вышел в коридор и сразу столкнулся с Яковом Петерсом.

— Я за тобой. Звонил старина Петерсон, сейчас примчится с каким-то очень важным сообщением.

Кабинет заместителя председателя ВЧК Якова Петерса помещался на том же этаже, что и кабинет Дзержинского. Комната была просторной, стояли в ней канцелярский стол, пять простых стульев, в углу узкая железная кровать и сейф.

Хотя оба они были латышами, слышали друг о друге давно, но познакомились лишь в семнадцатом после февраля.

Яков Петерс раньше Мартына попал в тюрьму и, выйдя на волю, должен был уехать из Латвии. Центральный Комитет предложил ему эмигрировать в Лондон и войти в состав заграничного бюро Социал-демократии Латышского края.

Когда после Февральской революции он вернулся в Петроград, ЦК направил его пропагандистом на фронт, в латышские стрелковые полки. В том, что большинство стрелков стало на сторону большевиков, была и его заслуга. Он был общительный, веселого нрава, жизнелюб, а выступая на митингах, которые в ту пору вспыхивали один за другим, споря с эсерами, меньшевиками, национали-

стами, умел их доводы превратить в труху — в смелкне, как говорили стрелки на родном языке.

Через полтора месяца после взятия большевиками власти Яков Петерс вошел в первый состав Чрезвычайной комиссии и стал первым заместителем Дзержинского.

У Якова высокий лоб, круглое лицо и широковатый нос. Что-то от мудреца, что-то от простого крестьянина. Одет был сейчас в белую косоворотку, подпоясанную пояском.

Только Петерс и Лацис сели у стола, как стремительно вошел Карл Петерсон — правительственный комиссар Латышской советской стрелковой дивизии, член Президиума ВЦИК. Ему уже исполнилось сорок, и он был старше многих своих товарищей. К тому же его глодал туберкулез горла. Но он и не думал сдаваться, напротив, как мог подчеркивал свою молодцеватость: всегда лихо закручивал усы, коротко стригся под бобрик, выправка, по солдатскому определению,— словно аршин проглотил.

Он поспешно пожал руки обоим чекистам и, хотя Петерс предложил ему стул, не сел, взялся руками за спинку, словно взошел на трибуну.

— Я спешил к вам. Дело срочное и не терпит отлагательства! Враг не дремлет, нельзя дремать и нам с вами! В Москве готовится восстание. В нем примут участие тысячи и тысячи офицеров. Город собираются залить кровью — всех большевиков расстрелять, а чекистов, латышских красных стрелков повесить на фонарных столбах!

— Откуда это, Карл? — спросил Яков Петерс.

— Сегодня в Кремль к одному из командиров 9-го полка пришла сестра милосердия из Иверской больницы. Дочь рабочего-большевика, погибшего во время октябрьских боев. Хорошая знакомая нашего командира, которой, по его словам, можно полностью доверять. — На слове

«доверять» сделал ударение. — Она красивая девушка, и в нее влюбился юнкер. Фамилия или кличка — Иванов. С группой офицеров, которые все до единого здоровы, как быки, он нелегально живет в Иверской больнице. А девушка, преданная революционному нашему делу, помнит, не забывает, кто лишил жизни ее родного отца. Может, этот самый юнкер и пустил пулю в родителя... Вот она и решила: пусть покрутится вокруг нее юнкер, зато она узнает, какую преследует преступную цель, скрываясь в больнице. Вчера узнала. — Решив, что его речь достигла кульминации, Петерсон резко повернул к себе сидение стула и сел на него верхом. — Вчера,— он понизил голос,— юнкер говорит ей: «Умоляю вас покинуть Москву, чтобы сохранить свою драгоценную жизнь. Я дам адрес верных людей, там поживете с месяц и вернетесь». Что такое случится, не говорит. А ей это — самое главное, для того время на него тратила. Пустила в ход всякие дамские штучки — ревную, мол, и прочее. Он и выложил: крупная офицерская организация. Конспирация самая тонкая. Выступят в ближайшее время. О дне не знает, приказ поступит из штаба. Серьезного сопротивления не видят — у красных настоящей армии нет, но все же борьба будет, и поэтому он заботится о жизни любимой девушки.

Вчера вечером юнкер это ей рассказал, а сегодня утром она примчалась к нашему командиру.

Закончив рассказ, Карл Петерсон закашлял — тяжко, надсадно, казалось, кашель разорвет ему горло. Удивительно: кашель почти никогда не прерывал его речь, будто выдрессировал его Петерсон — не мешай, пока говорю!

— Думаю, все это очень серьезно,— озабоченно сказал Яков Петерс.

— Я тоже,— подтвердил Мартын. — Будь это заговор кучки людей, юнкер не тревожился бы за жизнь любимой, значит, кто-то объединил те тысячи офицеров, кото-

рые осели в Москве. Как называется организация, кто ее возглавляет? — спросил он.

— Девушка пыталась выяснить, но юнкер не сказал. Умолял и о предстоящем восстании никому не проговориться. За любой проступок у них одно наказание — смерть!

— Серьезно, серьезно! — снова повторил Яков Петерс. — Нужно доложить Дзержинскому.

— И начать действовать сегодня же! — добавил Лацис.

— Могли бы, всю Россию утопили бы в крови! — воскликнул Дзержинский, выслушав Петерсона. — Своими ли руками, руками немцев, французов, англичан с американцами, лишь бы побольше крови. — Глянул на Лациса, на Петерса. — Юнкера — под неусыпный контроль! И лечебницу, о которой сообщил рабочий. Ниточки доведут до клубка. Вместе, вдвоем разматывайте!

Решено было отправиться в Иверскую больницу к восьми часам вечера.

Лацис собрался поручить наблюдение за Ивановым отцу и сыну Покотиловым. Переходя из Наркомвнудела в ВЧК, он и их взял с собой. Но, когда задумался, кого послать к рабочему завода «Каучук» Нифонову, проверить, что это за лечебница, созрела мысль, которая проклевывалась не с сегодняшнего дня: нужно отлучить Ивана Ивановича-младшего от отца. Для работы, только для работы отлучить. Парень уже может действовать самостоятельно. И чем раньше почувствует полную ответственность, тем быстрей и полней будут развиваться его способности.

Мартын очень уважал Ивана Ивановича-старшего. Это был настоящий большевик пролетарской Выборгской

стороны, а в его сыне Лациса привлекала пе только верность долгу, но и немногословность, врожденное чувство такта, начитанность, которой могла похвалиться не каждый рабочий. И вообще, парень был ему симпатичен. Разве всегда можно точно определить, почему тебе симпатичен человек?

Сейчас трудно установить, какое из двух дел окажется более важным, более сложным. Сначала следует заняться Ивановым, но и заявление Нифонова могло вывести на подобную же кровавую организацию. Возможно, это неспроста: тут — лечебница, там — больница, которую посещают офицеры...

Поэтому Мартын решил: Ивана Ивановича-старшего, как товарища более опытного, которому вначале, во всяком случае, придется действовать одному, нацелить на лечебницу, а младшего взять с собой в больницу, вместе посмотреть Иванова, с которым сестра милосердия специально должна была выйти во двор.

III

Юнкеру Иванову в голову не приходило, что каждый его шаг известен ЧК. В Москве не счесть таких молодых людей, как он, пройдись по Тверской — каждый третий или четвертый. Поэтому, все время помня о конспирации — она стала жесткой необходимостью и захватывающей игрой,— совмещал с ней беспечность, а точнее, уверенность, что с ним ничего страшного не случится.

Сейчас он впервые вел Судрабиня, известного ему под кличкой Серебров, на заседание штаба полка. Опи шли порознь. Не только потому, что так безопасней,— разрослась ссора, начавшаяся в день их знакомства.

Слова Иванова, что его дама не желает знакомиться со штабс-капитаном, Судрабинь воспринял как оскорбление.

— Что значит не желает? Заставить, приказать!

— Она не из тех, кому приказывают.

Да, Иванов хотел выполнить волю штабс-капитана. (Черт с ним! Лишь бы отвязался.) Несмело спросил девушку: не может ли он представить ей своего друга? Она удивилась: зачем? Он сбивчиво начал объяснять.

— Не желаю!

Настаивать не имело смысла.

— Где уж таким слюнтяям приказывать,— презрительно бросил штабс-капитан.

Тут юнкер взъерепенился:

— Мужик! Хам! Я — князь! Князь Мешков!

— Плевал я на таких князей!

Так развивались их отношения. Но дело, которое прикрыло обоих одной крышей и поселило в одной комнате, не считалось с личными амбициями. Дело есть дело! Однако идти рядом с юнкером Судрабинь не хотел. Следовал за ним на расстоянии примерно шестидесяти — семидесяти шагов. Поэтому Покотилов-младший, шедший за юнкером по другой стороне улицы, не мог обратить внимание на Судрабиня. К тому же тот облачился в старый пиджак, поношенную панаму, нацепил очки, в руке держал палку. Так вот и получилось, что Иван Иванович следовал лишь за Ивановым, но и Судрабинь не видел, что его провожатый на прицеле.

Идя за Ивановым, Судрабинь запоминал каждую улицу, каждый поворот, отстукал в памяти и название переулка: Мало-Левшинский. Четырехэтажный доходный дом. Иванов направился к нему. Судрабинь минут через семь перешел улицу, словно слепой щупая мостовую палкой. Кто подумает, что слепой — заговорщик?

Поднялся на второй этаж. Иванов нетерпеливо поджидал его. Ухватился за звонок. Длинный, короткий, будто по азбуке Морзе: тире, точка. Дверь мгновенно открылась. В коридоре ждала женщина. Иванов, вслед за ним

Судрабинь поклонились, не останавливаясь прошли в гостиную, где за круглым столом сидело одиннадцать человек.

Судрабинь знал только одного Сидорова. Тот вышел ему навстречу. Пожал руку.

— Господа,— обратился ко всем,— командир второго батальона штабс-капитан Серебров!

На столе стояли две бутылки водки и бутылка вина, закуска — тонко нарезанные ломтики сала, селедка, квашеная капуста, соленые огурцы. Закуска явно не аристократическая, но по нынешним временам не такая уж скудная. Сидоров наполнил всем рюмки, поднял свою:

— За наше святое дело!

На середину стола Сидоров положил план Москвы. Все приподнялись.

— Вот наш район. — Красным карандашом быстро очертил его. — В означенный день собираемся здесь,— кружком обвел прямоугольник здания. — Получаем оружие. Захватываем пункты, где расположены большевистские власти. Никаких разбирательств, судов — расправа на месте. Овладев районом, движемся к центру, к Кремлю. Сегодня я могу сказать: в нашем московском братстве пять тысяч. И тысяч тридцать присоединятся к нам после первых выстрелов. Что могут противопоставить большевики?..

Иван Иванович-младший должен обязательно увидеть собравшихся здесь людей, посчитать их число и попытаться уяснить, что это за сборище. Такой наказ товарища Дяди.

Лацис не сомневался: в ближайшие дни Иванов отправится на встречу со своими сообщниками — и поручил Покотилову следить за домом. К счастью, в нем оказался один парадный вход. Это облегчило его задачу.

Совещались заговорщики не столь долго. Через час и три минуты (Иван Иванович засек по часам) вышли двое. Он издали вглядывался в лица. Товарищ Дядя наказал: постарайся определить возраст. С какой целью? Если пожилые, значит, в чине полковника, генерала, тогда, возможно, это главный центр, а юнкер там — связной. Помоложе люди — скорей всего какая-то ячейка рангом пониже.

Потому и всматривался так тщательно Иван Иванович. Собственно, прикипеть взглядом надолго нельзя — заметят. Глянь, будто ненароком, и сфотографируй взглядом, чтобы карточка в памяти отпечаталась.

Те, что вышли первыми,— оба вроде бы ровесники, года двадцать четыре — двадцать пять. Еще через несколько минут — трое, самый старший — лет под тридцать. Так с интервалами выходили, оглядывались, быстро шмыгали в разные стороны. Старше тридцати, пожалуй, никого. Значит, нет генералов. Не главный это центр. Всего сборище покинули одиннадцать человек.

Судрабиня Сидоров задержал. Новый командир батальона должен получить подробные инструкции. В одной из бутылок еще оставалась водка, и ей негоже было пропадать, выпили, разрешили себе просто поболтать, вот и засиделся Судрабинь, а Иван Иванович, решив, что, кроме хозяина, все разошлись, отправился с докладом к товарищу Дяде.

Задача у Ивана Ивановича-старшего оказалась совсем простой: пришел к Нифонову Луке Калистратовичу: здрасте, я к вам по поручению товарища Дзержинского!

Очень обрадовался Лука Калистратович: вот он какой Дзержинский — полное доверие и скорый ответ!

Покотилов спросил: в какую пору ходят господа «ваше благородие». Оказывается, на вывеске написано —

прием до семи вечера, но они, случается, и позже шастают. Чтобы кто в шинели, френче, гимнастерке — ни один. А все равно, иной даже хромает нарочито, а выправку не скроешь.

— Приглядись,— показал Нифонов в окно,— как марширует! Туда, туда, никаких сомнений!

Иван Иванович-старший нос вдавил в стекло. Верно, ошибки быть не может.

— Еще появятся. Они об эту пору больше всего «лечатся».

— А сам не пробовал туда, вроде как хворый?

— Как же не попробовать? Раз вывеска на улице, всяк может. Все там в ажуре: сестра записывает, деньги приходует, доктор в белом халате. Я на живот пожаловался... — Нифонов оборвал себя, ткнул пальцем в окно. — Еще знакомец. Я их уже наперечет знаю.

Переулок узкий, не только фигура, лицо приметно. И Покотилов-старший тоже мог сказать: знакомец. Известно ему это лицо. А вот, где видел, не припомнит, но то, что видел,— точно.

Просидел Иван Иванович у Нифонова часа два. Не оставалось сомнений, в письме все как есть описано по справедливости. Но главная теперь докука: где встречал человека, известного ему в лицо?

— Случайного совпадения не может быть? — спросил Лацис Ивана Ивановича-старшего.

— Нет. Где-то встречал. И не так, чтобы на улице. Еще помнится: в военной одежде.

Оба Ивана Ивановича сидели в кабинете у Лациса. В открытое окно из ночного мрака тянула ветку старая угрюмая черемуха. Ничего на ней, кроме листьев, подсвеченных электрическим светом, а такой зычный запах весны. Когда она пришла, весна? А ведь пришла, вот и

окно он открыл. Первая весна революции... И небо стало черное, и близкая звезда, похожая на блестящий глиняный черепочек, горит ярче.

Но нельзя отвлекаться, нужно выяснить, кто этот тип.

— Описать вы его можете? Нарисовать так называемый словесный портрет?

— Словесный портрет? — переспросил Покотилов-старший. Он впервые слышал это выражение.

— Ну да, какой рост, нос, волосы... Вы рассказываете, а передо мной будто вырисовывается портрет. Что вам больше всего запомнилось? Что первое бросается в глаза? Что первое?

— Как пить дать, подбородок! Вроде из железа выкованный. И вперед загибается. Если бы нос подлинней, так, кажется, до него достал бы. Такой подбородок в редкость. Второе, этот самый нос: ровный-ровный, а на конце будто ровик разделяет на две части. А роста приличного, повыше меня, хотя пониже вас.

— Видел я его воднораз с тобой! — От радости, что вспомнил, Иван Иванович-младший хлопнул себя ладонью по колену. — И скажу где. Помнишь, были в Военконтроле *... С ним дела не имели, но видели в комнате начальника отдела. И не иначе как вашей национальности, товарищ Дядя, латыш!

— Ну и голова! Ну и глаз! — восхищенно воскликнул отец. — Верно ведь. А почему я не мог вспомнить? С одной стороны, Военконтроль, а с другой — та лечебница... Никак не производилось совмещение.

Мартын медленно расчесал гребнем бороду.

— Очень это серьезно. Давайте подумаем: возможно, в лечебнице и есть главный их центр или штаб. Центр или штаб!

---

* Военконтроль — в 1918 г. военная контрразведка.

Юнкер Иванов каждый день точно к девяти часам утра приходил в Мало-Левшинский переулок. Не трудно догадаться — к начальнику за распоряжениями. Сегодня юнкер выскочил из парадного и чуть ли не бегом... Трижды садился в трамвай (Иван Иванович втискивался вслед за ним), один раз взял извозчика (Иван Иванович — другого. Приказывал: не упускай из виду!). Юнкер побывал по десяти адресам. Никаких сомнений: у тех, кто присутствовал на предыдущих сборищах. Одиннадцатым был он сам. Сейчас, должно быть, собирал их на внеочередное, срочное заседание. Возможно, поступил приказ о начале восстания?

На соседней улице, всего через один квартал, располагалась пожарная часть, это Покотилов-младший установил заранее, установил, что там есть телефон. Бросился к нему. Позвонил Лацису. Сообщил, что происходит.

— Вам решать. А по моему соображению: брать и немедля.

— Думаю, что именно так и поступим.

Ошибся Иван Иванович-младший, не о начале восстания шла речь на заседании штаба полка. Совсем иная поставлена задача: эвакуироваться из Москвы в Казань. От каждого полка в Казань выезжают командир и один офицер-квартирьер. Офицер-квартирьер отправляется сегодня же; вслед за ним полковой командир, знакомится на месте с обстановкой, возвращается в Москву и руководит отправкой людей.

Сидели в той же гостиной. На этот раз на стол не выставили ни напитков, ни закуски: некогда!

Сидоров объяснил, по каким причинам решено отменить восстание в Москве:

— Захватим мы город. Миллион людей. Миллион ртов. Чем накормим? Накормить нужно лучше, чем большеви-

ки, а откуда взять? Об этом сразу не подумали, но, слава богу, наш вождь семи пядей во лбу. Второе и главное — новый стратегический маневр. В самое ближайшее время, по нашим сведениям, Москву возьмут германцы. У красных нет сил оказать им сопротивление. Немцы легко достигнут Волги. И на всей захваченной территории уничтожат большевизм. А это полностью в наших интересах, в интересах патриотов России. На той стороне Волги большевиков раздавим мы. А потом, при самой активной поддержке французов, англичан и американцев, изгоним и германцев с нашей земли. По плану, согласованному с союзниками, вся эта сложнейшая задача, включая разгром немцев, должна быть выполнена до зимы. Приказ главного штаба: квартирьерам выехать немедленно. Поезд отправляется,— Сидоров посмотрел на часы,— через два часа семнадцать минут. Господин штабс-капитан,— обратился он к Судрабиню,— вот вам билет.

— Мне? — Судрабинь, приучивший себя ко всяким неожиданностям, к этой — совершенно не был готов.

— Да, главный штаб именно вам доверяет эту миссию!

Сидоров подчеркнул: квартирьер — он же и разведчик. Свою деятельность начинает с той минуты, когда садится в вагон. Выясняет, какая форма группового передвижения наиболее приемлема: группа рабочих, артистов, грузчиков, мешочников? Где контролируют документы, какие документы наиболее подходящие для беспрепятственного проезда? Ознакомившись на месте, вырабатывает технику прибытия групп: куда обращаться, где ночевать, в какой церкви встретиться, в какой газете и когда появится зашифрованное объявление о месте пребывания штаба, расположения явок.

Самому квартирьеру одеться как можно проще, даже неряшливо. Никаких политических разговоров, не забывать о строжайшей конспирации.

— Все ли вы запомнили, господин штабс-капитан?
— Так точно!
— Тогда — в путь! Да благословит вас господь!

Иван Иванович-младший заметил спину высокого человека, вышедшего из дома № 3. Но так как заседание заговорщиков, несомненно, еще продолжалось, решил, что к ним он отношения не имеет. Да и покинуть пост не мог. Если Лацис с Петерсом решат арестовать это сборище, ему необходимо оставаться на месте. Кто же, как не он, должен провести в квартиру прибывших чекистов.

Вскоре к дому подъехал грузовой автомобиль. Из него выскочил Яков Петерс, за ним посыпались красноармейцы — не меньше взвода.

— Оцепить дом! Трое со мной и вы, Покотилов! — приказал Петерс.

Мартын Лацис тем временем находился в комнатушке Нифонова. Вместе с ним был Иван Иванович-старший и три сотрудника ВЧК.

Уже около двух часов вели наблюдение за «лечебницей», и как будто специально, потому что сюда пришел один из самых главных чекистов, никто из господ «ваше благородие» не появлялся.

В комнате застыло сосредоточенное молчание. Мартын думал об Пинке, бывшем офицере штаба бригады латышских стрелков, которого Покотилов-старший засек здесь прошлый раз.

Вдруг Иван Иванович-старший вскочил:

— Идет!

Лацис бросился к двери.

— Не тот, не Пинка,— пояснил Покотилов. — Но из этих господ.

— Будем брать! — сказал Лацис. — Нужно выяснить, что таится в «лечебнице». Возьмем вместе с «доктором». Подождем, пусть этот господин войдет в помещение.

Троих чекистов Лацис направил на улицу и сам вместе с Покотиловым последовал за ними. И вовремя. Офицер как раз вышел из «лечебницы». Поворачивал голову направо, налево, чуял опасность. Лацис понял: кем-то или чем-то, каким-нибудь сигналом предупрежден.

— Скорее,— шепнул Покотилову,— чтобы «доктор» не скрылся!

Сам Лацис крупным шагом пошел через улицу навстречу офицеру. Его борода, степенный вид не встревожили того. А чекистов, спешивших справа и слева, приметил, быстро — руку в карман, не иначе чтобы выхватить оружие. Но Лацис уже направил на него пистолет.

— Без эмоций! — И сам подумал: «Как можно в такой момент без эмоций?»

Сотрудники ЧК разоружили офицера. Тем временем из-за угла выехал грузовой автомобиль. Его усадили в кузов.

Вернулся Иван Иванович-старший.

— Ни души! На дверях вывеска: «Закрыто». Перевернутая вверх ногами. Или крепко торопились, или нарочно — как сигнал.

— Прозевали,— огорчился Лацис. — Ничего не поделаешь, придется обойтись этим уловом.

Не проехали и квартала, как Покотилов-старший забарабанил по крыше кабины, крикнул Лацису:

— Пинка!

Оба выскочили из машины.

— Оружие! — приказал Лацис.

На лицо Пинки легло наигранное недоумение.

— О-ру-жие! — по складам повторил Мартын.

Мартын давно привык к бессонным ночам. Каждый раз казалось — не было еще таких неугомонных суток. Мозг, сердце, нервы — на пределе. Но потом выяснялось — есть еще силы, есть! Вот уже сколько суток — трое, четверо? — не выходят Дзержинский, Петерс и Лацис из здания ВЧК. То, что открывалось им, оказалось значительно серьезней, чем они предполагали. «Союз защиты родины и свободы». Борис Савинков. Самая крупная, самая сплоченная из всех контрреволюционных организаций. Теснейшие связи с дипломатами Антанты...

Немало узнали из документов, захваченных Яковом Петерсом на квартире у Сидорова. Еще не все удалось расшифровать. Известны пароли, адреса явок, однако неизвестен город. А задержанные упорствуют, врут, запутывают. Допросы, очные ставки, снова допросы...

Наконец достоверные показания дал юнкер Иванов. Против него наибольшее количество улик. Он первый сообщил об эвакуации в Казань. Значит, вот он, тот город!

Да, Казань! — начали подтверждать другие. Туда перебирается московская организация «Союза защиты родины и свободы».

Офицер, арестованный одновременно с Пинкой, показал, что тот руководил московской организацией и связан с главным штабом, а значит, и с самим Савинковым.

IV

Когда Пинка тоже подтвердил все, Дзержинский, Петерс и Лацис решили: нужно нанести удар по савинковцам в Казани. Сразу, пока они не укрепились. И ехать туда самому Лацису под видом офицера — представителя центрального штаба Савинкова. Цель поездки — будто бы инспекционная — смотр казанской организации. С собой Мартын взял Покотилова-младшего.

Однако Мартыну было неизвестно, что в Казани уже находился Ян Судрабинь. И если в 1906 году он помог

Лацису спасти жизнь, то теперь, в восемнадцатом, поступил бы совсем по-иному.

Поезд в Казань пришел ночью. А утром Мартын отправился в Новую Слободу — в деревню на противоположной стороне Волги. Там конспиративная квартира некоего Алексея Ивановича. Должно быть, один из руководителей местного «Союза». Мартын разузнал в Москве: туда ходит пароход с шести утра до восьми вечера с интервалами в час пятнадцать минут. В таком деле нет мелочей, чем лучше ориентируешься, тем легче выйти из самого сложного положения. Опыт подпольщика подсказывал ему: ни малейшей попытки подделаться под «идеального» офицера. Никакого наигрыша! Все естественно. Это относится и к нему, и особенно к младшему Покотилову. И в то же время каждый шаг должен быть выверен. Оступишься — поплатишься головой.

Итак, главная задача на завтра — убедить руководителя местного «Союза» собрать свою организацию. Это противоречит законам конспирации, но на помощь может прийти хитроумная выдумка самих савинковцев. У него на руках часть визитной карточки, отобранной у Сидорова, другая часть — здесь, в Казани. Не может быть сомнений — владелец московской половины наделен весомыми полномочиями.

И все же, размышлял Лацис, требование собрать всю организацию вызовет подозрение. Пожалуй, лучше предложить устроить заседание городского штаба вместе с командирами полков и батальонов. Это сердцевина организации. Да, такой вариант наиболее убедительный: всего лишь расширенное заседание штаба. А удастся арестовать, уцелеют только командиры рот и взводов. Тоже паразиты, но куда менее опасные.

Мартын отправил Покотилова в местную ЧК информировать председателя об их прибытии и предупредить, что для операции, о которой его поставят в известность,

завтра могут потребоваться группа чекистов и взвод красноармейцев. Сам же Мартын зашагал к берегу Волги.

Над рекой пылало не по-весеннему горячее солнце. Оно лишь начало шагать по небу, а от жажды уже выпило всю его раннюю синь, и небо висело блеклое, в белесых подтеках. Зато Волга разворачивалась бесконечным синим ковром с темными узорами подводных течений.

Чтобы не привлекать к себе внимания дремучей бородой, Мартын еще в Москве подстриг ее, оставив клинышек.

Пароходик ковылял по реке ровно тридцать минут. Когда пришвартовался у противоположного берега и Мартын бросил взгляд на толпу людей, ожидавших переправы в Казань, он сразу увидел Яна Судрабиня. У него не было никакого желания встречаться с ним. Во время последней встречи в Петрограде тот просил помочь устроиться на службу, но так больше и не появлялся. Правда, Лацис вскоре переехал в Москву, возможно, Ян и приходил к нему, но уже не застал. И все же ни к чему здесь с ним встречаться.

Мартын стороной обошел Судрабиня.

...А если бы Мартын Лацис приехал предыдущим рейсом, он застал бы его как раз у Алексея Ивановича, к которому сейчас направлялся.

V

В глубине сада стоял деревянный домик. У самого входа в него — на цепи огромный пес, он начал бесноваться, как только Мартын открыл калитку. На крыльцо вышел высокий мужчина с бакенбардами.

— Мне стало известно, что Алексей Иванович продает дачу.— Это были слова пароля.

— Насчет Алексея Ивановича не по моей части. Прошу вас следовать за мной. — У двери мужчина одной ру-

кой ухватил цепь и с силой оттянул лютого пса, другой гостеприимно указал дорогу.

В прихожей Мартына встретила миловидная женщина лет тридцати, в капоте с широкими рукавами, из которых выглядывали полные руки с очень белой кожей. Она вопросительно посмотрела на Мартына и чуть улыбнулась.

— Мне стало известно, что Алексей Иванович продает дачу,— повторил Мартын пароль.

Эти слова, казалось, настолько удивили ее, что она недоуменно покачала головой.

— Но Алексей Иванович здесь никогда не жил...

Однако это был отзыв, на который он ответил совсем нелогичной фразой:

— Вы правы, меня предупредила Мария Ивановна! — Мария Ивановна была кличка Савинкова.

Женщина протянула руку для поцелуя.

— Александра Алексеевна!

Хотя Мартын заранее решил: никакого наигрыша, быть самим собой, тут он сообразил: офицер не может не быть галантным. И хотя на секунду растерялся, склонил голову и, взяв ее руку, неловко притронулся к ней губами. Подумал: «Первый раз в жизни и кому — контрреволюционерке».

— Подполковник Мартынов.

— Давно не целовали дамам ручки?

— Увы, Александра Алексеевна, давно! И вообще не мастак по этой части.

Из приемной Александра Алексеевна ввела Мартына в гостиную, предложила сесть, но он, извинившись, сказал, что у него, к сожалению, мало времени и он хотел бы встретиться с Алексеем Ивановичем.

— У вас есть возможность подтвердить, что вы непосредственно от Марии Ивановны? — деловым тоном спросила она.

— Есть, но только в том случае, если вы подтвердите, что вам знакома Мария Ивановна.

— С готовностью! Но, как говорится, карты на стол! — она строго посмотрела на него.

Мартын достал бумажник и вынул треугольник.

Александра Алексеевна удовлетворенно кивнула головой и вышла в соседнюю комнату. Вернулась оттуда с другой частью визитной карточки. Приложила ее к треугольнику, все зубцы абсолютно совпали.

— Алексей Иванович! — позвала она.

В гостиную вошел тот самый пожилой мужчина, который встретил Мартына во дворе.

Они представились друг другу, пожали руки, уселись.

Мартын кратко изложил цель своего прибытия: завтра нужно собрать заседание штаба с участием командиров полков и батальонов. Вопреки его ожиданиям, Алексей Иванович согласился беспрекословно. Скорее всего на него подействовал удачно найденный Мартыном тон разговора. Нельзя сказать, что он прямо приказывал, но в то же время в голосе звучала такая непререкаемость, что слова воспринимались как приказ.

Алексей Иванович предложил завтра в восемь вечера собраться у него на даче.

— Ни в коем случае! — возразил Лацис.— Только в городе. Там легко затеряться в уличной толпе, а здесь все на виду.

Возражал он по двум причинам: Алексею Ивановичу следует убедиться, что посланец из Москвы лучше разбирается в конспирации, а кроме того, в самой Казани проще будет взять и препроводить в ЧК более двух десятков человек.

Алексей Иванович пальцами обеих рук взялся за бакенбарды, словно растягивая их, потом кивнул. Подполковник прав: в Казани действительно безопасней.

— Место собрания мне предварительно покажете. В двенадцать сможете?

— Вполне!

— Но не вы. Нас вместе на улицах не должны видеть. Разумнее всего — пусть за мной зайдет хозяин квартиры. И предупредите его, да и всех остальных: чекисты угадывают нас по выправке, по походке — пусть сутулятся, прихрамывают, опираются на палку. Это строжайший наказ Савинкова. Гляньте на меня — я был кадетом, юнкером, столько лет офицер, но стараюсь ходить как старосветский помещик. А мой адъютант... Кстати, я приехал вместе с адъютантом. Он будет со мной на заседании.

Возвращаясь на пароходике, Мартын придирчиво анализировал результат своего визита. Главное ему как будто удалось: договорился о заседании и не вызвал подозрений. Но тут явно повезло. Мог вызвать, несмотря на то что знал пароль, несмотря на то что точно сошлись части визитной карточки. Какой же офицер, будь он даже солдафон из солдафонов, не умеет поцеловать даме ручку? А заговори она с ним по-французски? Выходит, все должен уметь чекист — и ручку поцеловать, и фразу слепить иностранную, и знать литературу, тем более самых модных поэтов. А большинство чекистов — недавние рабочие, значит, нужно учиться, всему учиться... И ему самому прежде всего!

Медленно двигался пароходишко. Нелегко преодолеть стремительный бег широченной Волги к далекому Каспию. Но Мартын никуда не торопился. Все совершится завтра. Завтра они вместе с Иваном Ивановичем-младшим должны арестовать всех участников заседания савинковцев.

VI

Собрались в небольшом банкетном зале ресторана при гостинице, где остановились Мартын и Иван Иванович. За длинным столом — двадцать три заговорщика и два

чекиста. Отмечали именины Алексея Ивановича. Самое примечательное, что именины не были придуманы для маскировки, действительно, такое совпадение — день его ангела.

Ресторан, как и гостиница, принадлежал крупнейшему фабриканту города Крестовникову. Сам Крестовников бежал, а сын его, капитан, муж Александры Алексеевны, жил то в Казани, то в Новой Слободке, то пробирался в захваченную белыми Самару. Он вернулся из Самары, когда Алексей Иванович и Александра Алексеевна прикидывали — у кого из членов организации завтра собраться.

Капитан Крестовников всегда быстро принимал решения:

— У меня в ресторане! — воскликнул он.

— А не опасно? — Алексей Иванович ухватился за бакенбарды.

— Какой черт! Наоборот! Кому придет в голову, что мы заседаем в самом центре города? А командует теперь рестораном мой бывший официант, всеми потрохами преданный отцу и мне. Он устроит нас в банкетном зале, обособленном от других помещений, с отдельным входом. Сам дьявол к нам не проберется!..

Во главе стола — Алексей Иванович, справа от него — Мартын, слева — Александра Алексеевна и капитан Крестовников. Иван Иванович сел за противоположным концом стола, так им с Лацисом будет легче взять всех на прицел. Ровно через сорок минут после начала заседания, когда заговорщики успеют рассказать главное, они будут арестованы.

Мартын не мог сказать, что полностью спокоен. В годы подполья он сжился с опасностью. Часто говорят: привык. Он убежден, что привыкнуть нельзя, а главное — это пошло бы во вред: чтобы справиться с опасностью, надо ее ощущать, тогда острее работает мозг, точнее реак-

ция. Вот трусить нельзя, трусость засасывает, как тина. Конечно, младшему Покотилову сложнее, его нервы не так закалены. Но перед тем как спуститься из номера в ресторан, Мартын не говорил ему никаких ободрительных слов. Парень крепкий, из тех, кто взнуздает медведя и на спину вскочит. Но волнения не избежать. Можно похлопать по плечу, можно улыбнуться: все, мол, в ажуре! Однако ни фразы, ни жесты, ни улыбки волнения не укротят. Два десятка офицеров, для которых убийство — профессия, у каждого пистолет, и каждый мастерски владеет им, все прошли войну, многие награждены крестами за храбрость и, без сомнения, умеют постоять за себя, а у них двоих, взявшихся за такую операцию, что у них за плечами?..

Чем же может помочь Мартын Ивану Ивановичу? Собственным примером. Только собственным примером! В нем вспыхивали искры беспокойства, но он быстро гасил их. Он уверен в успехе: оружию савинковцев противопоставит более сильное — внезапность!

Не знал, не догадывался Лацис, что его самого подстерегала внезапность: Ян Судрабинь тоже был приглашен на расширенное заседание штаба...

Заседание открыл Алексей Иванович. Он был в хорошо сшитом штатском костюме, в твердом воротничке, при галстуке и изнывал от духоты. Руки его все время находились в движении — то платком вытирал лоб, то проводил пальцами по бакенбардам, словно выжимал из них капли пота.

Он сообщил, что к ним прибыл представитель главного штаба, цель которого ознакомиться с состоянием дел в казанской организации и передать важные директивы.

Следом встал капитан Крестовников.

— Господа,— обратился ко всем,— прежде чем начать деловой разговор, прошу наполнить бокалы. Жестокие и мрачные наши дни сегодня осветил ангел-хранитель дорогого и глубокоуважаемого Алексея Ивановича. К сожалению, у нас нет возможности даже кратко отметить все его заслуги и достоинства. Их, к счастью для нас, много. Выпьем за именинника и за нашу победу!

Когда все подняли рюмки, Мартына обожгла мысль: он же никогда не пил водки. За всю жизнь не сделал ни глотка. Тем более не следовало сейчас. И Покотилов смотрит на него вопрошающе... Сколько существенных мелочей, которые никак не предусмотришь. Он не выпьет — Иван Иванович не дотронется. Это может показаться подозрительным. И в то же время... А вдруг опьянеет... Он даже не знает, как на него подействует водка. И времени на размышление нет, уже все поднесли рюмки к устам. Мартын только пригубил, поставил рюмку на стол, протянул руку Алексею Ивановичу.

— От всей души! Извините, что не выпил, но по просьбе вождя мы, члены главного штаба, дали зарок: до победы — ни капли.

А Иван Иванович выпил. Он увидел, как вместе со всеми Дядя поднес рюмку ко рту. Значит, ему тоже надлежит. А сейчас понял: дал промашку. Казалось бы, мелочь, а выбила из колеи.

Мартын заметил на его лице растерянность и поспешил на выручку:

— Как видите, мой адъютант зарок не давал. И вместе со всеми воздал должное уважаемому Алексею Ивановичу.

Алексей Иванович склонил голову. Всего лишь на две-три секунды дольше, чем при обычном поклоне, но этим сумел передать проникновенную свою благодарность.

— Спасибо, боевые друзья! Для меня это самые памятные именины в жизни...

Свое сообщение Алексей Иванович начал с описания положения в городе.

В связи с неожиданным для красных восстанием чехословаков Казань из глубокого тылового города превратилась во фронтовой. Сюда, надеясь на полное спокойствие, большевики перевезли крупные запасы золота, возможно, даже весь золотой фонд России; а теперь здесь расположен штаб вновь образованного фронта. Находится он в здании гостиницы Щетинкина. Командует фронтом человек авантюристического склада, некто полковник Муравьев. Примкнул к большевикам после переворота, но в партию их не вступил, записался в левые эсеры. В его штабе есть наши люди. В Совдепе, наряду с большевиками, сильно влияние эсеров и меньшевиков.

Офицеров здесь несколько тысяч. Точного учета нет, но должно быть тысяч пять. Наиболее активная их часть входит в «Союз» и до пятисот — в организацию генерала Попова, сугубо монархического толка. С поповцами поддерживается контакт. А ударит долгожданный час — выступят одновременно.

«Попутно бы и этих накрыть»,— подумал Мартын.

— Сил у красных,— продолжал Алексей Иванович,— мало, все в стадии формирования. Командных кадров, по сути, нет. Части малодисциплинированные. В Казани и окрестностях свирепствует Волжский разбойник — Трофимовский. В его распоряжении три парохода. Там устраиваются кутежи. Когда хочет — воюет на стороне красных, и воюет отчаянно, когда надоест — гуляет. Никому фактически не подчиняется. Учиняет поборы, реквизиции. Население возмущено.

Доложил Алексей Иванович и о силах «Союза», о количестве полков, батальонов, рот, пулеметных команд. У них свои люди не только в штабе Муравьева, но и в штабах отдельных частей, формирующихся армий; свои люди есть в Совдепе. Одним словом, казанская органи-

вация — сила, на которую вождь может полностью опереться.

Со все нарастающей ненавистью слушал его Иван Иванович. Вот гады! Не напрасно называют — гидра контрреволюции. Чем сильнее зрела в нем ненависть, чем становился он злее, тем быстрее гасло волнение. Гасло, но полностью не утихало. Он поглядывал на Дядю и удивлялся — до чего вольно, спокойно тот держится. Сидит так, словно вокруг товарищи, а не белые гады. Острый коготок тревоги нет-нет да и царапнет сердце Ивана Ивановича, а до Дяди вроде и не дотрагивается.

Вот закончил этот самый Алексей Иванович, потянул себя за бакенбарды, будто пробовал оторвать, объявил:

— А теперь наш уважаемый представитель из центра!

Иван Иванович весь напрягся. Он внятно слышал каждое слово, произнесенное товарищем Дядей, но все они жили словно бы отдельно друг от друга, не связанные цепью смысла. Он ждал решающего момента. Вскочить и выхватить пистолет в то самое мгновение, когда выхватит его начальник. Ни секундой раньше, ни секундой позже. Объять взором всех, кто напротив. Не пропустить ни одного самого незаметного движения. Точность. Быстрота. Решительность. А в случае чего — огонь. Целиться в руку, в плечо... Покотилов — хороший стрелок. Еще когда красногвардейцем обучался военному делу, товарищ Дядя приходил на стрельбы и убедился. Но тогда Иван Иванович вел огонь по мишеням...

Перед Лацисом на столе лежали карманные часы. Он вынул и положил их, начав выступление. Говорил и будто невзначай касался взглядом циферблата. Покотилов ждал условную фразу: «Карфаген должен быть разрушен!» Вскочить, когда раздастся: «разрушен». Ударит сороковая минута. И казанские чекисты в эту минуту через кухню ворвутся сюда.

Когда товарищ Дядя произнес «Карфаген», у Ивана Ивановича пронеслась мысль: «Прежде всего взять на мушку капитана Крестовникова».

У всех, в том числе и у Александры Алексеевны, чекисты отобрали оружие и через кухню вывели во двор. Кровь почти не пролилась. Лацис сказал: «Карфаген должен быть разрушен» — и, выхватив пистолет, крикнул: «Руки вверх!»

Капитан Крестовников попытался опустить правую руку в карман. В тот же миг выстрелил Иван Иванович. Целился в плечо, а попал в мочку уха. Капитан вскрикнул, и рука взлетела к ранке.

Когда в зал ворвались сотрудники казанской ЧК и красноармейцы, все савинковцы стояли с поднятыми руками.

А ведь Ян Судрабинь шел, шел на это заседание. Чуть больше квартала отделяло его от гостиницы.

В это время из-за угла, прямо по тротуару, выехала и повернула ему навстречу группа всадников. Впереди на вороном жеребце с белым плюмажем на голове гарцевал детина в кубанке с красным верхом, в белой косоворотке, подпоясанной красным кушаком с кистями, и в красных галифе. Через левое его плечо переброшен ремень, на котором висел маузер, через правое — шашка. Его сопровождали пять кавалеристов.

Подобных лошадей, как этот вороной жеребец, Ян Судрабинь встречал только в цирке. Жеребец так подымал и выпрямлял передние ноги, так приплясывал на задних, словно выступал на арене. Казалось, ему именно и положен тротуар, не сбивать же точеные копыта о булыжную мостовую.

Ян Судрабинь остановился и залюбовался великолепным конем. Да и всадник сидел в седле отменно: одной рукой натягивал короткий повод, чтобы прекрасная лошадиная голова держалась еще горделивей, другой — упирался в бок. Взор Судрабиня настолько поглотила эта картина, что он не обратил внимания, как, завидев кавалькаду, бросились на другую сторону улицы пешеходы. Он один остался на тротуаре. Всадник не мог его не заметить, а подъехав ближе, увидел и восхищение, откровенно застывшее на лице. Спросил, довольно ухмыляясь:

— Красота?

— Как из сказки!

— А кто краше? — левой рукой, что держал на боку, подкрутил левый ус.

— Один другому под стать. Но конь все же на первом месте.

— Как ты можешь коня ставить впереди человека?

— Сам спросил о красоте, ее вперед и ставлю.

— Кто я есть, ведаешь?

— Нет.

Всадник вдруг поднял лошадь на дыбы, но Судрабинь и шагу не ступил в сторону. Тогда он опустил лошадь, похлопал ее ладонью по шее, затем протянул руку.

— Трофимовский!

Конечно, Судрабинь слышал эту фамилию. С первого дня приезда в Казань услышал о Волжском разбойнике, потому и не мог представить его верхом, волжский,— значит, на пароходе. Ему и пароход показывали, пришвартованный к берегу. Вернее, три парохода. Ян тоже протянул руку.

— Судрабинь!

— Из каких же ты будешь?

— Латыш!

— Слышал: латыши — народ-кремень. Сейчас сам вижу — смелый ты мо́лодец! А у меня, в революционном

полку товарища Трофимовского, пролетарии всех стран соединяются. Хотя никакой ты не пролетарий — офицерская шкура!

— Оскорблять не позволю! — воскликнул вспыльчивый Судрабинь.— Шкуру оставь при себе. Да, бывший офицер! Но из крестьян. В революцию девятьсот пятого помещиков жег. Служил в полку латышских стрелков.

— Вот как! — Трофимовский наклонился и хлопнул Судрабиня по плечу.— Я давно такого ищу. Революционному полку нужен революционный офицер. Начальником штаба ставлю.— Чуть повернув голову, приказал: — Митька, освободи коня!

Самый молодой из сопровождавших, тоже в кубанке, в красных галифе, но в гимнастерке, послушно спрыгнул с лошади и подвел ее к Судрабиню.

— Садись! — непререкаемым тоном бросил Трофимовский.

— Как это — садись? — возмутился Судрабинь.— Я что, раб? И не подумаю!

— Молодец! Молодец! Теперь еще пуще люб! Не раб ты мне, а гость. Любезный гость! Не откажи. Редко кого прошу.

Митька, державший коня, шепнул:

— Садись добром, силой посадит!

Судрабинь понял: не то что глазом моргнет, бровью поведет Трофимовский — и пятеро его приспешников... Нет выхода. А возможно, и не нужно его искать? Возможно, сама судьба хочет, чтобы он вскочил в седло. Судрабинь решительно взял из рук Митьки повод и вдел ногу в стремя.

Трофимовский тронул жеребца. Судрабинь поехал рядом.

— Так и будешь рядом. И никакой над тобой власти, окромя моей.

Четыре дня пробыли Мартын Лацис и Покотилов-младший в Казани. Срок небольшой, а успели немало, если же без излишней скромности, можно даже сказать — много. Ехали, не надеялись, что столько успеют. Ведь не только разорили гнездо савинковцев, взяли еще генерала Попова с помощниками, обезглавили офицеров-монархистов.

А для них самих эти четыре дня... Беспокойство. Волнения. Переживания. Размышления. Риск. Решительность. Успех...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

В Москве, на вокзале, спускаясь со ступенек вагона на перрон, Мартын увидел Антонию. Она стояла в десяти шагах от него. Не больше. Широкополая шляпа, приколотая большими булавками к волосам, затеняла верхнюю часть лица, и из-под нее сверкали фиалковые глаза. Правда, краски на ее лице не горели, как в юности. В одежде совсем ничего яркого: блузка со стоячим воротничком — белая, длинная юбка — черная.

Они не виделись два с половиной года. Антония не знает даже, что он в Москве. Кого-то встречает. Поворачивает голову направо, налево...

Как поступить? Подойти, поздороваться? Тактичней, пожалуй, незаметно пройти мимо. Но Мартын вдруг шагнул в сторону, остановился и снова стал смотреть на девушку.

Вот уж такого никогда с ним не случалось. С чего бы это? Ну конечно, давняя знакомая... Собственно, слово «знакомая» не подходит, товарищ по партии. Знает ее много лет — еще до Октябрьской революции, еще до Февральской, до ссылки, до того, как скрылся из Латвии...

С какого же года? С девятьсот десятого? Вот-вот, с тысяча девятьсот десятого...

Он тогда был скороходом, как, шутя, называли товарищи. Пропагандист подпольного ЦК Социал-демократии Латышского края пешком шагал из волости в волость, из уезда в уезд. На явку в маленьком местечке пришел в домотканой одежде, с собой — инструмент столяра. В сумке под рубанком, стамеской, долотом — нелегальные брошюры. Его встретила девушка. Настолько юная... Будто вчера еще бегала подростком, а сегодня — первый день в девичестве. Тоненькая, но крепенькая, румянец во всю щеку, темные волосы заплетены в две косы, и глаза словно фиалки.

Она проводила Мартына в сенной сарай на самой окраине местечка. Там его ждал руководитель подпольного кружка кузнец Фрицис. Девушка, которая назвала себя Антонией, осталась с ними, и он невольно обрадовался, что она не ушла.

— Завтра воскресенье,— начал Мартын,— в вашей церкви будет богослужение.

— Нас это не касается. Мы в церковь если и ходим, так только для виду,— поспешил заверить пропагандиста Фрицис.

— А завтра всех членов кружка собери для дела. Верующие со своими песнопениями, органом и проповедью будут внизу, а мы — на хорах. Там я вам кое-что расскажу, а когда богослужение закончится, мы выйдем со всеми прихожанами и запоем.

— Запоем? — не сдержала удивления Антония.

— Мотив псалма «Пробудись, о Иерусалим!» знаете?

— А как же!

— На этот мотив, а слова — наши:

Проснись, тяжелый гнев народа!
Уже горит заря свободы,
Довольно пота пролито!

Мартын вынул из своей объемистой сумки тексты песен на церковные мотивы. Одновременно передал Фрицису подпольную литературу.

— Пусть члены кружка выучат слова. А завтра затянем во весь голос. Пастору покажется, что это псалом, а люди узнают, что революционеры действуют и призывают к борьбе.

— Ох, как хорошо! — обрадовалась Антония.— У меня сильный голос, я запою — далеко услышат!

— Это завтра,— продолжал Мартын.— А сегодня... У вас сегодня есть танцы?

Кузнец удивленно переспросил:

— Танцы?

— А как же! — отозвалась Антония.— Но мы туда не ходим.

— Греха в танцах нет. Где проводят? В волостном доме?

Фрицис подтвердил.

— Идите туда. А я там выступлю.

— Прямо на танцах? — восторженно воскликнула Антония, восхищенно глядя на пропагандиста.

— Одного парня поставьте во дворе, чтобы предупредил, коль появится стражник, а остальные пусть останутся со мной.

Вечером Мартын вошел в зал волостного дома. Под звуки скрипки, гармоники и барабана кружились пары. И первой среди танцующих Мартын увидел Антонию.

«Какая красивая»,— подумал невольно.

С трудом протолкался на середину зала. Поднял руку, громко крикнул:

— Товарищи! Внимание!

Три музыканта разом оборвали мелодию. Перестали кружиться и парни с девушками.

— Поплясали, теперь послушайте немного. Веселье — штука хорошая, тем более после тяжелой трудовой не-

дели. Но нужно и о главном подумать. Недолго подышали мы воздухом свободы, царские каратели схватили нас за горло, а богатеи еще больше пригнули к самой земле. Никто нас не подымет, если не выпрямимся сами.

Мартына слушали внимательно. Были тут и хозяйские сынки, но их ошеломил неизвестный оратор.

— Танцуйте, развлекайтесь, это не чуждо природе человека. Мы, социалисты, боремся за лучшее, за веселое, за радостное будущее. Но само оно к нам не придет, хотя бы мы лбы разбили, молясь. Его нужно завоевать! За-во-евать!

Когда Мартын кончил, сын лавочника крикнул:

— Держи его!

Обычно Лацис не обращал внимания на подобные возгласы и уходил. Но на этот раз, возможно, повлияло присутствие Антонии, подошел к крикуну — высоченный, плечистый, пронзил взглядом.

— Попробуй! Нас не задержишь, не остановишь! — и спокойно вышел.

Второй раз они встретились в Риге на совещании. Антония была в городском платье и выглядела еще красивей и старше, будто целый год прошел после первой встречи. Должно быть, это городское платье подчеркивало ее тоненькую талию и высокую грудь.

Антония, увидев Мартына, бросилась к нему — его одного знала из рижских товарищей.

Несколько часов просидели рядом. Минут на двадцать покинул ее Мартын, когда выступал. Вернулся, Антония порывисто пожала ему руку.

— Как хорошо вы говорили!

Вскоре Мартын уехал из Латвии. В девятьсот пятнадцатом году, когда германцы подступили к Риге, в Москву эвакуировались самые крупные заводы, переехало много латышей. Неожиданно в университете Шанявского Мартына разыскала сестра Антонии. Он не переписывался с

Антонией и, кажется, забыл о ней. Но она каким-то образом узнала, что Мартын в Москве, и попросила сестру передать ему, что приезжает и просит встретить ее.

— Обязательно! — заверил он.

В первое мгновение Мартын не узнал Антонию — из вагона вышла настоящая городская барышня. Они долго трясли друг другу руки, потом Антония сказала, что со своей бородищей он похож на Перкуна *. У нее оказался огромный чемодан, увесистый, как сундук.

Сестра Антонии встретила их возгласом:

— О, и жених, и приданое!

Эта шутка смутила Мартына. Антония, как ни одна другая женщина, волновала его.

Но вскоре его арестовали и сослали в Сибирь. А затем такие события... Эти два с половиной года — как два с половиной века...

И вот Антония стоит перед ним. Молодая, красивая.

Сзади к Мартыну подошел Иван Иванович-младший. Он решил, что товарищ Дядя заметил какую-то контрреволюционерку. Коротко шепнул:

— Что мне делать?

Мартына удивил этот вопрос.

— Что делать? Идти домой.

Тем временем на перроне становилось все меньше людей. Из вагонов выходили последние пассажиры. Антония повернулась, пошла в противоположную от Мартына сторону.

Теперь, действительно, нечего ему здесь торчать. А ноги словно вросли в перрон. Антония остановилась у паровоза и повернула назад.

Сам не зная зачем, Мартын направился ей навстречу.

* Перкун — бог-громовержец в древней латышской мифологии.

Она увидела его, когда между ними было шага полтора.

— Мартын? Здравствуйте, Мартын! — протянула руку.

— Вы кого-то встречали и не встретили?

— Да, свою знакомую, но она почему-то не приехала. Я очень рада, что встретила вас.

— Спасибо. Я тоже очень рад.

— Правда?

— Вы это знаете, Антония.

— Что же я могу знать? Где вы сейчас живете?

— В Москве. С марта.

— Но разве вы сделали хотя бы один шаг, чтобы разыскать меня?

— У меня не было времени сделать полшага.

— А найдись время?

— Не могло найтись. И все же вы знаете, что я сказал правду.

— Да,— призналась она. И, словно оправдываясь, добавила: — Вы совсем не такой, как другие.

С вокзала Мартын собирался идти прямо в ВЧК. Да и что ему делать в это время дома? Дома он не жил, только приходил спать. Пришел, разделся, лег. Встал, оделся, ушел. Вот и все. Он называл это «мертвый антракт».

Однако Антония повернула в противоположную от Лубянки сторону, и Мартын, тот самый Мартын Лацис, который утверждал, что год складывается не из месяцев, даже не из дней, а из минут — так он их берег,— повернул вслед за ней, да еще спросил: нельзя ли проводить ее домой?

— Я сама хотела вас попросить, да постеснялась.

— Мы же старые друзья!

— Где же работает мой старый друг?

— В Чрезвычайной комиссии...

— Я так и подумала.

— А вы?

— В Комиссариате продовольствия. Декрет ВЦИК и Совнаркома от девятого мая знаете?

Мартын знал этот декрет о борьбе с продовольственным кризисом. Он был как крик души народа: голодают Москва, Петроград, целые губернии, а в тех губерниях, где выращивают хлеб, большие занасы. Не обмолочены даже урожаи шестнадцатого и семнадцатого годов...

— Так мы с вами почти рядом, Антония! Борьба со спекуляцией, особенно хлебом, тоже наше дело.— Он обрадовался, это как-то оправдывало его, что вот так, ни с того ни с сего, среди бела дня, он идет лишь с одной целью — проводить девушку домой. Нет, Антония не какая-нибудь хорошенькая барышня, она боец на фронте, на таком же важном, как военный, на продовольственном фронте!

Мартын договорился с Антонией, что завтра позвонит ей, а в самые ближайшие дни они встретятся, отправятся куда-нибудь погулять, они оба так мало бывают на свежем воздухе. И вообще, надо же вырывать для себя лично хотя бы кусочек дня.

Только Мартын простился с Антонией и крупными шагами поспешил на Лубянку, как сомнения, а потом откровенные угрызения совести одолели его.

Дзержинскому известно, что он сегодня приедет. Мог узнать, когда приходит поезд. Вполне возможно, ждет его. А он... Да и как он вырвет время для встреч с Антонией? Был ли у него день, когда хотя бы полчаса просидел без дела? Свидания, прогулки... Может быть, еще цветы? Не хватает только цветов,— Мартын уже явно издевался над собой.

Прежде чем направиться к Дзержинскому, Лацис зашел в комнату сотрудников его отдела. Застал там обоих Покотиловых. Иван Иванович-младший, насупившись, стоял у стола, а старший нервно ходил и что-то сердито выговаривал сыну. Увидев Лациса, остановился.

— Что придумал? Нет, вы только послушайте, товарищ Дядя, что придумал! Рассудите по справедливости, потому как в моем сердце сплошное клокотание.

Впервые, сколько Мартын знал Покотиловых, услышал, что старший возмущался младшим.

— Про то, что я отец, не напоминаю, отцы всякие случаются. Но мы же первые приверженцы и борцы за Советскую власть, оба приписали себя к большевистской партии еще при царско-жандармском режиме, красногвардейские ружья взяли в одночасье, в ЧК мы вроде на равных, и доверия мне вроде не меньше. Или, может, меньше, товарищ Дядя?

— Ни в коем случае, товарищ Покотилов!

— Тогда на каком таком, обидном для моей пролетарской гордости, основании он закрывается от меня тайной?

— О чем речь? — удивился Мартын.

— Спросил я, как оно положено не то что меж сродственников, а и промеж просто знакомцев: хорошо ли, мол, съездил? «Хорошо»,— отвечает. Задаю ему следующий вопрос: расскажи мне в подробностях, как да что? И представьте себе, какой ответ слышу от родного сына, от большевика, с которым рядком стоим в одной партийной шеренге, от такого же, как я, чекиста? Нет у него, слышу я, прав без особого разрешения что-нибудь рассказывать. Секретная тайна!

За все время витиеватой речи отца Иван Иванович-младший не приподнял головы. Он чувствовал себя смущенным, ведь обидел самого близкого человека. И в то же время ни от одного своего слова, сказанного несколько минут назад, не мог отказаться. Так он понимал свою работу, свои обязанности.

«Какой неожиданный конфликт,— думал в это время Мартын.— Хотя неминуемо он должен был возникнуть. Необязательно между Покотиловыми, но все же лучше,

что именно между ними. Нужно обсудить этот конфликт с сотрудниками отдела, а если согласится Дзержинский, то и всей ВЧК. Это та сторона работы, которая важна для каждого чекиста. Но не сталкивать же на собрании сына с отцом. Ни в коем случае! Фамилии даже не упоминать. Нельзя обижать их!»

Мартын оперся руками на спинку стула и приблизил лицо к старшему Покотилову.

— Понять вашу обиду понимаю, а вот сторону беру — сына. Сразу становлюсь на его сторону.

— Не может быть! — обескураженный Покотилов-старший отмахнулся рукой.

— Больше того, доволен я, что он сам пришел к очень важному выводу. Разве вопрос в том, что вас он не хочет посвятить в оперативный секрет? В этом, товарищ Покотилов? — обратился к младшему.

Тот посмотрел в глаза отцу.

— Ни тебя, ни мать родную, будь она жива, ни верного товарища, никого!

Не удержался Мартын, положил руку ему на плечо.

— Неужто не согласны? — повернулся к старшему Покотилову.

Тот промолчал.

Мартын спросил младшего:

— Вы с докладами когда-нибудь выступали?

— Нет.

— Нужно выступить: о хранении тайны. Учтите: доклад — не две-три фразы. Обдумайте. Для верности можно написать конспект: пункт первый, пункт второй, третий и так далее. Сначала общее вступление — о значении секретности в работе чекистов, затем примеры, как может быть разглашена тайна, к каким это может привести последствиям; и выводы — тщательно хранить тайну, ибо она не только наша, чекистская,— государственная! А вас,— обратился к отцу,— как опытного орато-

ра, прошу помочь. Не просто помочь, доклад должен быть ваш общий, а выступит пусть с ним сын, чтобы набрался опыта. Чекист все обязан уметь!

II

Поздно вечером Мартын спустился с Лубянки, вдоль Китайгородской стены, в Охотный ряд. Он мог поехать домой на автомобиле, но решил пройтись пешком. Слишком редко теперь тешил себя любимой ходьбой, поэтому, как только появлялась возможность, он крупным шагом устремлялся по московским улицам.

Над городом висело высокое небо, словно пшеном посыпанное мелкими звездами. Часы показывали начало одиннадцатого — тут уже ночь, а в Латвии в эту пору совсем светло — отблески белых ночей до двенадцати держат потемки за высоким порогом дня. На Рижском взморье солнце сейчас лишь начинает погружаться в море. Как огромная красная медуза висит оно на тонкой проволоке горизонта. А вокруг бесшабашное буйство закатных красок: алые, розовые, багряные, коралловые, оранжевые, желтые, синие, фиолетовые... Смелая кисть солнечных лучей без удержу гуляет по небу, красит, перекрашивает облака, наслаивает один слой на другой... Горит горизонт, полыхает вода — розовый дым застилает всю западную стену неба.

Быстро дошагал Мартын до Тверской. Тут бы ему повернуть направо и пойти по главному столичному проспекту до самой Страстной площади, а ноги понесли прямо, мимо Манежа, в Александровский сад, что тянулся вдоль Кремлевской стены. По широкой аллее, не спеша, шествовали парочки. Лишь Мартын шел один, да к тому же так быстро, словно спешил куда-то. Вот такая быстрая ходьба и приносила ему истинное удовольствие.

Сколько событий вместил в себя нынешний день: возвращение поездом в Москву; неожиданная встреча на перроне, еще более неожиданный шквал чувств; потом ЧК, сколько там дел...

Когда Мартын остался вдвоем с Дзержинским, Феликс Эдмундович подошел к карте, висевшей на стене. Лацис последовал за ним.

— Знаю наизусть,— сказал Дзержинский,— и все же смотрю ежедневно. Она — как сигнал бедствия.

Мартын поглядел на большую карту бывшей Российской империи. Подумал: «Точно сказано: «как сигнал бедствия».

Лишь сравнительно небольшой участок карты заштрихован красным карандашом. На севере он начинался ниже Кольского полуострова, ниже Архангельска; на западе за красной чертой оставались Белоруссия, вся Прибалтика; на юго-западе — Украина; к югу территория совсем сужалась и граница доходила только до Дона и Кубани, а ниже лежали земли Закавказья — Грузии, Армении, Азербайджана; направо простиралась огромная Закаспийская область; на востоке красная штриховка подступала к Казани, а дальше — «Временное сибирское правительство», «Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительного собрания», «Совет Союза казачьих войск»; от Волги до Владивостока прямоугольниками обозначены эшелоны пятидесятитысячного корпуса чехословаков, командный состав которого был куплен французами и поднял солдат на мятеж против Советской власти. Крохотные кораблики начертаны в прибрежных водах Тихого океана и Северного моря, на самом деле — это боевые крейсеры англичан, французов, американцев, японцев. Интервенты высадили войска, давали деньги, оружие, снаряжение Деникину, Колчаку, другим генералам, атаманам, правителям. А германцы одной рукой подкармливали своих марионеток, другой — обира-

ли оккупированные края. И все союзы, центры, «правительства», все иностранные их покровители засылали в красную Россию агентов, создавали контрреволюционные гнезда, устраивали бунты, восстания, саботажи. Везде, куда доставали их руки, убивали, вешали. Дзержинский показал Мартыну приказ командира одной из частей донского атамана генерала Краснова, вывешенный в Юзовке: «Настоящим объявляю полученные мною телеграммы: 1. Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать... 2. Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня...»

В красных же городах, где пулей не достать и веревку не намылить, население старались задушить голодом, спекуляцией.

— Надежда на нас, чекистов! — Феликс Эдмундович приложил ладонь к красному пятну на карте, словно пытаясь прикрыть, защитить его.— Чрезвычайные комиссии должны быть всюду, в каждой губернии. Настало время созвать Всероссийскую конференцию ЧК. Вам предстоит принять деятельное участие в ее подготовке.

Мартын кивнул в знак согласия.

Феликс Эдмундович вернулся к столу, достал из ящика исписанный лист бумаги.

— Я набросал объявление о созыве конференции. Суть его в необходимости создания на всем пространстве Советской России сильных, специально приспособленных органов, которые повсеместно, в тесном контакте смогли бы вести самую беспощадную борьбу со всеми врагами Советской власти.

«На всем пространстве Советской России!» — мысленно повторил Мартын.

— Конференцию думаю созвать десятого июня, чтобы в губернских и областных Совдепах, где нет Чрезвычайных комиссий, начали их формировать...

Сейчас Мартын шагал и думал, что все вопросы, которые должна обсудить конференция, важные, основополагающие, но самое главное — люди! Люди, которые работают и будут работать в Чека. Не по душе ему, что в комиссии входят левые эсеры. Они щедры на сверхреволюционные фразы, а демагогия — главное их оружие. После IV съезда Советов, ратифицировавшего Брестский мир, левые эсеры в знак протеста ушли из Совета Народных Комиссаров, но остались во ВЦИКе и остались в ЧК. При первой же возможности надо добиться, чтобы их убрали из ВЧК. Революцию могут охранять только верные люди. Так думал Мартын, потому что всегда привык думать о деле.

Рядом бежала невидимая отсюда река. Усталый ветерок нес в Александровский сад неполные пригоршни прохлады и, как мог, остужал воздух, землю, кирпичи Кремлевской стены от дневного зноя. К прохладе тянулись и парочки.

Мартын вспомнил: когда-то на этой аллее звенели офицерские шпоры, благоухали духи дам... Мастеровой не шел сюда со своей ухажеркой. Теперь тут полно рабочих парней, красноармейцев с девушками, которых раньше презрительно называли кухарками. Только и тогда и теперь он, Мартын, гулял один.

Остановился, запрокинул голову к небу. Над ним особенно ярко сияла Кривая повозка, как латыши называли Большую Медведицу.

III

У Мартына давняя привычка, еще с детских лет, когда стал пастушком: утром проснулся, тут же вскакивай с постели. Ни на мгновение не разрешай себе понежиться.

Сегодня его пробудило имя, которое вынырнуло из сна: Топя...

— Тоня,— пробормотал он и улыбнулся.

Должно быть, лишь после этого окончательно осознал, что произнес имя Антонии. Опустил веки, повернулся на правый бок, подложил ладонь под голову. Самая любимая поза.

Но Мартын уже отдал себе приказ: большое сильное тело одним рывком взлетело с кровати.

По дороге в ВЧК он вдруг подумал о розах для Тони. Что за дикость? Тоня же партийка. Обидится. Словно какой-нибудь барышне-мещаночке. Правда, он слышал и читал, будто цветы любят все девушки и женщины. Без исключения. Да и Дзержинский рассказывал, как когда-то в горах, где он один раз в жизни целую неделю отдыхал с женой, рвал для нее розы. Но одно дело рвать в горах, другое — идти специально в магазин... А как нести по улицам?

На следующий день в шесть часов пополудни, когда Антония заканчивала работу, Мартын позвонил в гараж.

— Говорит Лацис,— сказал в трубку,— подайте, пожалуйста, мотор! — Мотором многие называли автомобиль.

Мартын спустился, сел в автомобиль, но стоило шоферу задать самый обычный вопрос: куда ехать? — почему-то смутился.

— Понимаете... Мне нужно... Но я не знаю... Никогда не приходилось... А вот сейчас... Вообще-то на первый взгляд безделица... Хотя может показаться...

Шофер не вытерпел:

— Что-то не пойму, товарищ Лацис, о чем вы?

— Мне нужен цветочный магазин. Понимаете, цветочный!

— Чего-чего, а этого добра... Если бы хлебный, а цветочный... На Тверской, к примеру...

— Тогда на Тверскую.

Продавщица сразу признала в нем солидного клиента.

— Самый шикарный сейчас — букет из роз. Сегодня получены,— защебетала она.— Если девушке, рекомендую белые.

— Давайте белые,— поспешил согласиться Мартын.— И заверните. Так, чтобы не видно было.

Мартын сел в автомобиль, назвал шоферу адрес Антонии. Букет прямо-таки жег ему руки. Он не мог себе представить, как появится с ним перед Антонией, как будет вручать его, что станет говорить.

Дверь открыла соседка, сказала, что Антония еще не пришла с работы. Мартын преодолел смущение и попросил разрешения зайти, чтобы оставить вот это (так и сказал: «вот это»).

Соседка затараторила:

— Конечно! Конечно! Заходите! Заходите! Может, подождете? Она скоро придет.

Ждать Мартын не стал, написал записку:

«Антония! На дворе весна. Мне так хочется, чтобы и в Вашей комнате была весна. Поэтому и оставляю вам эти розы. С товарищеским приветом, Лацис».

Закрыл Мартын за собой дверь, начал спускаться по лестнице и почувствовал, как сразу ему стало тоскливо. До чего обидно, что не застал Антонию.

Выйдя на улицу, сказал шоферу:

— Я пойду пешком.

На другой день с самого утра раздался телефонный звонок.

— Кабинет товарища Лациса? — спросил женский голос.

Мартын с первого звука узнал Антонию.

— Слушаю вас,— сухо ответил он.

Откуда эта сухость? Ведь он рад, что она позвонила.

— Здравствуйте, Мартын! Я так благодарна вам, что

вы принесли в мою комнату весну! Я еще никогда в жизни не получала цветы... Вы, наверное, сейчас заняты? Не так ли?

— Как обычно.

— Я отнимаю у вас время... Извините. Еще раз большое спасибо!

Сейчас она повесит трубку. Сейчас, сию минуту. Повесит, и Мартын потеряет всякую возможность... Она постесняется снова позвонить...

— Эти дни я все время помнил о вас... Поэтому и цветы... эти розы...

— Правда?

— Да, да! Я скорее скажу меньше, чем больше. Вы же знаете меня... Вы разрешите мне еще раз зайти к вам?

— Почему «раз»?

— Это так, к слову. Не возражаете, если приду...— он собирался сказать «сегодня» (зачем откладывать?), но сказал: — Завтра. Между половиной седьмого и семью. Если не случится что-нибудь неожиданное.

— Да, да, понимаю... Но вдруг действительно что-нибудь случится, позвоните мне.

— Обещаю. Хотя надеюсь, что все обойдется и завтра я вас увижу.

Теперь когда все было сказано и договорено, Мартын повеселел. Вот как замечательно, что он не отмолчался!

IV

Мартын раскрыл папку, которая лежала перед ним. Самая простая картонная папка с черными тесемками, единственное ее достоинство — объемиста, много входит бумаг. Бумаг, действительно, в ней полно. «Дело эсеров (правых и центра) и меньшевиков». Не первый день хранится эта папка у Лациса, не первый день складывает он в

нее бумаги, а каждая из них — свидетельство контрреволюционной деятельности этих партий.

Сверху лежали последние донесения. Первое из Петрограда. На Николаевской улице прошло нелегальное заседание военной комиссии эсеровского Центрального комитета во главе с Леппером. Все десять участников арестованы. На допросах установлено: комиссия собирала сведения о численности, расположении, моральном уровне частей Красной Армии; под руководством комиссии шла вербовка добровольцев и отправка их в районы мятежей для участия в военных действиях против Советской власти; она же издавала антисоветские листовки, изготовляла поддельные документы, пользовалась похищенными печатями и бланками учреждений и частей Красной Армии.

Следующее донесение из Москвы. В клубе Александровской железной дороги состоялось так называемое «беспартийное собрание». Насколько оно «беспартийное», свидетельствовал его состав: из пятидесяти девяти участников — сорок четыре меньшевика и эсера, в том числе секретарь Московского комитета меньшевиков Кучин. Организаторы сборища, наименовавшие его «Чрезвычайным собранием представителей фабрик и заводов Москвы», выступали с антисоветскими речами, требовали созыва Учредительного собрания и призывали к забастовкам.

Перед этим подобное же собрание прошло в Петрограде. На нем была принята антисоветская декларация.

Мартын снова перечитывал один за другим пронумерованные документы. Вот постановления VIII совета партии правых эсеров, который проходил с 7 по 14 мая 1918 года. Совет провозгласил главной задачей партии подготовку вооруженного восстания против Советской власти. И тут же: считать приемлемым в стратегических целях «приглашение в Россию войск Антанты».

Справа от папки лежал лист бумаги. Мартын кратко конспектировал факты о действиях эсеров и меньшевиков в Сибири и на Дальнем Востоке. Там, во главе с правым эсером Дербером, они сформировали «Временное Сибирское правительство», «Западносибирский комиссариат», «министерский аппарат», объявляли их единственной властью в автономной Сибири. Вступали в контакты с адмиралом Колчаком, управляющим Китайско-Восточной железной дороги генералом Хорватом, атаманом Забайкальского казачьего войска есаулом Семеновым. А по приказу того же Семенова изуродованных убитых рабочих депутатов в запломбированном вагоне издевательски отправили в адрес Читинского Совета.

В папке лежало много документов, связанных с чехословацким мятежом. Он усилил антисоветскую деятельность и меньшевиков и эсеров. В Самаре создана уже не краевая, а «всероссийская власть» — Комитет членов учредительного собрания (Комуч), где верховодят эсеры. Сформирована «народная» армия. При Комуче обосновались американская, английская, французская, японская миссии.

Завтра обо всем этом от имени ВЧК Мартын доложит на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Давно уже партии эсеров и меньшевиков ведут откровенную борьбу с Советской властью, и в то же время их представители до сих пор входят в Советы. Даже в центральный орган Советов — ВЦИК.

Нет ничего удивительного, что Лацис, возглавлявший отдел борьбы с контрреволюцией, обратил на это внимание. Оказалось, что и Дзержинского тревожила несуразность такого положения. Обсудили вместе со Свердловым и решили вынести этот вопрос на заседание ВЦИК. Доклад поручили Лацису.

Вот и склонился Мартын над папкой с черными тесемками, готовя доклад на завтра.

Заседание начиналось в двенадцать, Мартын заблаговременно вышел из здания ВЧК на Лубянке. Ему хотелось встретиться и хотя бы коротко пообщаться со старыми друзьями — с Подвойским, с Григорием Ивановичем Петровским, Уншлихтом. Каждый теперь так занят, что о хождении в гости не могло быть и речи, вот и виделись на заседаниях да совещаниях.

Доклад получился обстоятельным. Недаром Мартын так тщательно готовился, недаром изо дня в день заполнялась документами вместительная папка. Каждый факт был настолько неопровержим, что велеречивые эсеры, вкупе с меньшевиками, ничего не могли возразить. Да и что опровергать? Почти в каждой контрреволюционной организации, раскрытой ЧК, участвуют меньшевики и социалисты-революционеры. А там, где с помощью иностранных оккупантов расплодились всякие «правительства»?.. Разве господин Роговский, председатель Комуча, разве он не член партии эсеров? А премьер-министр «Сибирского правительства» Дербер? Или не в одной упряжке эти партии с Колчаком?

Нечего опровергать! Даже левые эсеры голосовали вместе с большевиками.

ВЦИК постановил:

«Исключить из своего состава представителей партий социалистов-революционеров (правых и центра) и меньшевиков, а также предложить всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов удалить представителей этих фракций из своей среды».

До чего же отлично все сложилось: никаких дел не пришлось комкать — после заседания Мартын успел еще прийти поработать в ВЧК и к шести часам освободился.

Антония уже ждала его. Она была одета в полосатую шелковую блузку и юбку из синего бостона. Должно быть, лучший ее паряд.

— Какая вы красивая! — невольно воскликнул Мартын.

Антония не впервые слышала эту фразу. Но от Мартына, застенчивого и сдержанного Мартына, она была особенно желанной. К тому же он вынул из-за спины букет красных роз. Правда, не протянул ей, а положил на стол.

— Как вы добры, Мартын! — обрадовалась Антония.

— Там мотор, — Мартын кивнул в сторону окна.

— В Сокольники? Не так ли? Сейчас только поставлю цветы. У меня еще те не увяли.— Она показала на тумбочку у кровати, где стояли в вазе белые розы.

В Сокольниках простирался настоящий заповедник прохлады. С первых дней весны Москву, да и не только Москву, почти всю Россию затопила жара. Солнце жгло с таким азартом, что за ночь не успевали остыть раскаленные кирпичные стены домов, железные кровли, даже булыжники мостовой. Москва-река превратилась чуть ли не в ручей, а беспощадные лучи старались выпить ее до последней капли. Антония воскликнула:

— Как легко здесь дышать! Я будто окунулась в море.

Просека врезалась в глубь леса.

— Мы не заблудимся?

— Я здесь почти каждый кустик знаю.

— Значит, вы часто бываете здесь? Не так ли?

— Что вы, такая прогулка впервые. Такая! — повторил он.— Много раз бывал здесь на подпольных собраниях.

Мартын остановился перед кустами сирени, стоявшими плотно, как стена.

— Здесь было последнее собрание.

Он раздвинул ветви, пропустил Антонию и за ней пролез сам. Лужайка надежно пряталась за живой изгородью. Дойдя до середины лужайки, они остановились друг против друга. Широкополая шляпа, приколотая

длинной булавкой к волосам, заслоняла почти все лицо Антонии. Она откинула голову, лицо ее открылось, и Мартын увидел яркие губы. Еле заметное трепетное движение жило в них. Как загипнотизированный, он не мог оторвать взгляда от этих губ и, сам того не замечая, стал медленно склоняться к ним...

Мартын сам не ожидал от себя такого. Он резко поднял голову и неожиданно для самого себя спросил:

— Хотели бы вы жить в таком лесу?

— Как в лесу?

— В доме, окруженном лесом. Мы с товарищами снимаем дачу. И для вас может быть отдельная комната. Здесь, в Сокольниках.

— Я, право, не знаю...

— Да чего же здесь знать... Лучшего не придумаешь. Для вашего здоровья особенно. И мы сможем видеться каждый день или почти каждый.

Лицо Тони стало серьезным. Мартын ждал ответа, но она молчала...

Встречаясь, старые товарищи по тюрьмам, ссылкам, эмиграции, по Октябрю редко говорили о личном. Конечно, не без того, чтобы кто-то воскликнул: «А помнишь?!» Глубоко личным стало все, чем жила республика. Поэтому Подвойский так удивился, когда Мартын, позвонив ему, сказал:

— Гулак, ты нужен мне по личному делу!

Гулак — одна из подпольных кличек Подвойского. Мартын не сразу узнал ее происхождение. Оказалось, что это фамилия украинского композитора Гулак-Артемовского. А Подвойский обладал прекрасным голосом, в студенческие годы не только отлично пел, но и руководил, как в ту пору говорили, малороссийским хором. Хор был очень популярен, нередко давал концерты под безобид-

ной вывеской: «В пользу устройства санатория в Крыму для недостаточных студентов», но сбор шел товарищам, которые попадали в тюрьму. Так вот и родилась у Николая Ильича Подвойского необычная кличка.

Услышав просьбу Мартына, Подвойский невольно переспросил:

— Как это по личному? Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что говорю: дело касается лично меня.

— Тебя одного?

— Ну, может быть, еще одного человека...

— Несомненно, женского пола? — с усмешкой подчеркнул Подвойский, хорошо зная, что Мартын не привязан ни к одной женщине.

Тот промолчал.

— Я обещал Нине быть дома не позже половины двенадцатого ночи. Приходи!

Мартын, конечно, знал Нину — жену Николая. Ее многие знали: член партии с девятьсот второго года, одна из руководителей Северного союза РСДРП, она испытала все, что уготовано революционеру,— и тюрьму, и побег, и эмиграцию, но это не помешало ей быть очень хорошей матерью, верной подругой мужа. И сейчас Николай влюблен в нее. Влюблен, будто они недавно повстречались. И не скрывает этого от товарищей. Мартын редко видел их вместе, но, кажется, не было у него с Николаем беседы, чтобы тот не нашел повода вспомнить о жене.

Мартын познакомился с ней в самое горячее время подготовки к Октябрьскому восстанию — она работала в Военно-революционном комитете, вела многие протоколы заседаний. Держалась очень скромно, всегда была спокойна, всегда пунктуальна, нарочито одевалась так, чтобы выглядеть менее женственно, но была настолько женственна от природы, что строгая, порой даже мешковатая одежда делала ее еще милей.

Без двадцати двенадцать Мартын постучал в дверь

квартиры Подвойских. Он не сомневался, что у них квартира, ну хотя бы две комнаты на такую большую семью. Дверь открыл Николай.

— Какая-то стожильная женщина! — выкрикнул прямо с порога.— Звонит мне: «Ты поезжай домой, я еще задержусь». Предлагаю зайти за ней. «Нет, нет, поезжай сам, ты же гостя ждешь».

Мартын шагнул в комнату, освещенную керосиновой лампой, висевшей под потолком над большим обеденным столом. Широкий абажур отбрасывал на скатерть светло-медовый круг. Дальше, за пределы стола, свет пробивался с большим трудом. Мартын без расспросов понял: вся их квартира — одна эта комната. В ней стояли еще письменный стол, кровати, этажерка с книгами, комод и рукомойник. Вот и вся мебель. Более чем скромная обстановка не удивила Мартына, у него самого не богаче, несправедливо только, что он один занимает комнату, а тут — и взрослые и детвора.

Ростом Подвойский лишь немного уступал Мартыну, но в плечах был значительно у́же, весь куда тоньше, стройнее.

— Садись к столу, я сейчас самовар поставлю.

Мартын запротестовал: он лишь час тому как поужинал — целая таранка, кусок хлеба и большая кружка кипятку. Николай развел руками:

— Сам знаешь наши пайки, и у меня то же самое.

— Вот если бы сибирские пельмени,— мечтательно промолвил Мартын.

— «Не искушай меня без нужды,— тихо, чтобы не разбудить детей, пропел Николай.— Хотя могу тебя заверить: пельмени — это лишь бледное подобие вареников. Ты пробовал хотя бы раз в жизни вареники?

— Как говорят латыши: глаз не видел, нос не нюхнул, язык не лизнул.

Подвойский вскинул руки.

— Боже ты мой! Украинские вареники... Да создал ли человек за всю свою историю что-нибудь лучшее?! Вареники с творогом, вареники с картошкой, с капустой, вареники с мясом, а с вишнями... Это — вершина, апогей! Хотя бы ночью приснились... И все же прополощем кишки горячей водицей.— Николай направился в угол комнаты, где стоял самовар, но Мартын остановил его:

— Не трать времени. Нам же не только потолковать нужно, но и поспать хотя бы немного.

Подвойский вернулся, сел, подпер ладонью щеку, приготовился слушать.

Мартын откинулся на спинку стула, потом положил локти на стол, снова откинулся. С чего начать? У Гулака даже в мыслях нет, что он пришел к нему, чтобы в это трудное для Советской России время толковать о девушке. А Мартын именно для этого пришел.

«Но о чем конкретно я хочу с ним говорить?» — задал себе вопрос. До этого он не спрашивал себя так четко и прямо, как-то расплывчато думал: посоветуюсь с Гулаком... И вот сейчас Гулак сидел перед ним и ждал, а Мартын не знал, с чего начать. Речь должна идти об Антонии. Она решилась переехать на дачу в Сокольники. Каждый день им, конечно, не удавалось встречаться, слишком Мартын был занят, но как только выпадал свободный вечер, они отправлялись гулять. Он больше не робел, не терялся, как в ту первую прогулку, им было о чем говорить.

— Скажи, пожалуйста, как ты женился? — совсем уж неожиданно для Подвойского спросил Мартын.— Ну, как возникла любовь? Как ты решился? Ведь подполье... каждый на острие ножа...

Подвойский удивился:

— Позволь, ты же сказал, что пришел поговорить о твоем личном...

— Совершенно верно!

— Но это же — мое.

— Как тебе объяснить? Чтобы решить свое личное... Да, чтобы решить... Я хотел бы, чтоб ты рассказал...

Николай Ильич задумался, встал, подошел к письменному столу, вынул листок бумаги.

— В день рождения Нины я ей написал... Понимаешь, есть такое, что устно не выразишь, и я ей написал, написанное ведь можно хранить всю жизнь, написал, чтобы она всегда помнила, всегда была уверена. Сам понимаешь, это предназначено лишь ей одной, но тебе как другу я прочту. Тут вся наша история — от первого до сегодняшнего дня... И до нашего самого последнего.— Подвойский посмотрел на лист, молча пробежал по нему глазами и дрогнувшим вдруг голосом начал: «Лучше, милей, чище, сильней, святей я не знал жены, матери, друга, товарища. Ты всегда передо мной стоишь такой, какой стояла тогда, когда развевалось красное знамя на массовке Первого мая тысяча девятьсот пятого года в лесу около Ярославля. Всегда помню, как приходила ко мне в больницу в Ярославле, как шла с револьвером к «корзинковцам», как говорила мне о молодых «корзинкинских» рабочих революционерах, как везла меня в Кострому, как вырывалась с работы, чтобы сводить меня на прогулку. Перед тобой я постоянно стою так, будто смотрю высоко-высоко на греющее солнце».

Подвойский читал почти шепотом, чувствовалось, как старался приглушить свою взволнованность и не мог. Эта взволнованность передавалась Мартыну: несколько фраз, всего несколько, а наполняла их такая любовь...

— Расскажи еще хоть немного,— попросил он.

— Я тебе сказал: тут вся наша история. Впервые я увидел ее в березовой чаще. Нина была в красной блузке, словно олицетворяла Первое мая. Она вынула спрятанный на груди кусок красной материи, встряхнула его, кто-то протянул березовую палку, она прикрепила к ней

материю и подняла высоко над головой знамя. Всю маевку Нина держала его в руках и под ним выступали ораторы... За лесом рыскали жандармы. Нина стояла спокойно, мужественно. Я все больше любовался и гордился ею. Тогда, наверно, и зародились во мне любовь к ней и гордость за нее. Сколько за собой я знаю промахов, ошибок, за ней — не знаю. Убей меня — не знаю! Никогда ни малейшей рисовки и всегда на высоте. Ну, вот возьми — мягкий характер, олицетворение доброты, но в решительный момент... В девятьсот пятом она входила в состав боевой дружины на Корзинкинской мануфактурной фабрике в Ярославле. Девятого декабря с красной повязкой на рукаве шла с товарищами во главе семитысячной колонны демонстрантов; на них набросились казаки, врезались в толпу, начали избивать нагайками. Дружинники сомкнулись вокруг красного знамени, и Нина первая опустилась на колено и открыла огонь из револьвера. Кто-то убил есаула, а она тяжело ранила казака. И те отступили. Повернули своих коней и наутек.— Подвойский сделал короткую паузу и горячо спросил: — А кто меня выходил после того, как всего изрешетили, искололи? Представляешь, из тюрьмы выпустили как безнадежного и неспособного к дальнейшей политической деятельности. Разрешили выехать за границу для лечения. Значит, жандармы не сомневались, что подохну. А Нину в это время сослали на пять лет на Крайний Север. И что же, она совершила побег и вместе со мной, под видом медицинской сестры, отправилась в Берлин, а оттуда в Швейцарию. Если я по сей день топчу мать сыру землю...

У дверей раздались шаги, и Подвойский оборвал свой рассказ.

— Нина,— прошептал.— Страсть как не любит, чтобы я при ком-нибудь восхвалял ее. Как будто я восхваляю — отдаю должное...

Вошла хрупкая, светловолосая женщина с такими

синими глазами, что и в полутемной комнате Мартын сразу увидел их сияние. Он встал, подошел к ней. Лицо у нее было очень усталым, да и немудрено, она вывезла по заданию Петроградского Совета целый эшелон голодающих детей в восточные, более обеспеченные продовольствием губернии. А вскоре восстание белочехов, жену красного наркома арестовали, отправили в Уфу, об этом узнал Свердлов и поручил уфимским подпольщикам освободить ее. Нину перебросили через линию фронта, а через несколько дней она уже работала в политсекретариате Высшей военной инспекции.

Все, что услышал о ней Мартын, по-новому осветило и то, что знал прежде. Он как бы снова услышал слова Николая: «Перед тобой я постоянно стою так, будто смотрю высоко-высоко на греющее солнце». Он протянул Нине широченную свою ладонь, посмотрел в ее синие-пресиние глаза и неожиданно для самого себя нагнулся и поцеловал ее руку.

Об Антонии Мартын ничего не сказал. И все же он получил совет!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Если бы кто-нибудь часом раньше сказал Мартыну, что это может произойти, он просто не поверил бы.

На третий день работы V Всероссийского съезда Советов арестованы Дзержинский и он, Мартын Лацис. И кем арестованы? Людьми из отряда ВЧК. Дзержинский уже содержался под охраной в штабе отряда в Трехсвятительском переулке, а Лациса доставили туда прямо из здания Всероссийской чрезвычайной комиссии. Больше того, подвыпившие эсерствующие матросы-черноморцы угрожают Мартыну расстрелом. Даже ему, знавшему, что руковод-

ство левых эсеров плетет интриги против большевиков, не могло прийти в голову, что оно решится на открытый мятеж.

Но левые эсеры осуществляли свой план.

Еще двадцать четвертого июня Мария Спиридонова — лидер партии — созвала строго секретное заседание Центрального комитета. Странным выглядело это заседание. Легальная партия. Сразу после Октября сотрудничает с большевиками. Та же Спиридонова — член Президиума ВЦИК, возглавляет крестьянскую секцию. Александрович — заместитель председателя ВЧК, Колегаев — нарком земледелия, да в каждом советском органе были представители левых эсеров. (Правда, после подписания Брестского мира вышли из правительства.) Никаких причин не было, чтобы Центральный комитет вдруг собрался тайком, словно при царском режиме, соблюдая все правила конспирации.

Частный одноэтажный домик в Замоскворечье одного из членов партии. Его самого попросили удалиться, он знать не знает, кто разместился в его столовой за длинным столом.

Во главе стола — Спиридонова, или, как многие называли ее, «богородица Мария». У нее и в самом деле лик, будто со старой иконы: лицо продолговатое, нос прямой, тонкий, волосы посредине разделены пробором и плотно окутывают голову, и особая сила в продолговатых серых глазах, полных фанатического блеска. Спиридонова — председатель и главный оратор. Она говорит приглушенным голосом, но от этого он действует еще более гипнотически. Все члены ЦК слушают ее далеко не первый раз, но, как всегда, подпадают под его воздействие.

— Мы сотрудничаем с большевиками, но это «сотрудничество» кота и пса! — Нервный, пренебрежительный жест руки, который отвергает, отбрасывает, и многие, как всегда, мысленно отмечают прелесть длинной, тон-

кой кисти с длинными, тонкими пальцами без единого украшения — ни колец, ни перстней, ни браслета. Черное платье с высоким воротником до самого горла — действительно пресвятая или по крайней мере монашенка.

— Мы расходимся по всем коренным вопросам! Они твердят: их революция — социалистическая, мы это решительно отвергаем. Они зубами ухватились за марксову диктатуру пролетариата, мы — отвергаем ее! Они — на коленях перед германским кайзером, упиваются так называемой передышкой, мы — отвергаем «передышку», мы — за революционную войну! Любые дискуссии с большевиками бесплодны, пора брать власть! — Она обеими руками крест-накрест обхватила плечи, словно прижимая к себе эту власть. — Есть два пути. Первый — тернист. Каждый шаг — по острым шипам. Рвем на мелкие куски Брестский мир и подымаем революционную войну против Германии! Что для этого? Начинаем с приговора к смерти немецкого посла Мирбаха! — Рука вперед, будто в ней пистолет. — В случае противодействия большевиков прибегаем к вооруженной обороне занятых позиций!

Умелый оратор Мария Спиридонова. Не говорит: «поднять восстание», «учинить мятеж», маскирует иными словами — «вооруженная оборона». Но чтобы оборонять занятые позиции, нужно их занять. Что ж, силы собираются уже не первый день. Большевики и представить не могут, что им свернут голову чекисты, их самая верная опора!

Попов — командир отряда ВЧК — опытный социал-революционер. Он отчислил из отряда большевиков и тех, кто им сочувствует, отправил на Восточный фронт, на их место приехали и продолжают приезжать моряки-черноморцы, а большинство черноморцев — на стороне эсеров. Вызваны боевики из разных городов. Главнокомандующий Восточным фронтом Муравьев — уже договорено — двинет войска на Москву!

Спиридонова делает паузу, обводит глазами коллег. Взгляд ее настолько пронзителен, что каждому кажется: он физически ощущает его.

— Но есть второй путь,— продолжает Спиридонова.— На V Всероссийском съезде мы получим большинство. Должны получить: Россия — страна крестьянская, а мы — партия крестьян! Не нужно быть провидцем, чтобы предугадать, кому отдадут крестьяне свои голоса. Таким образом, съезд сметет Ленина и даст нам полномочия для сформирования правительства. Ну, а коль власть перейдет к нам...

Вот о чем шел разговор на секретном заседании двадцать четвертого июня. А четвертого июля в Большом театре собрался Всероссийский съезд Советов. Он сразу принес левым эсерам горькое разочарование: большинство получили большевики. Лишь кулаки да подкулачники голосовали за так называемую крестьянскую партию. Эсеровские делегаты изо всех сил пытались помешать говорить Ленину, улюлюкали, тыкали пальцами в сторону ложи, где сидел германский посол Мирбах...

Через день, в три часа пополудни, когда окна здания германского посольства в Денежном переулке пылали от солнечных лучей, двое левых эсеров, сотрудников ВЧК (точнее, уже отстраненных от работы, но формально еще не снятых), Блюмкин и Андреев, прошли туда по подложному документу и убили Мирбаха. Эти выстрелы из пистолета, взрыв бомбы, осколки которой впились в тело немецкого дипломата, послужили сигналом к левоэсеровскому восстанию.

Террористы спрятались в Трехсвятительском переулке. Дзержинский, посетив посольство, немедленно поехал вслед за ними. Прежде всего — схватить преступников, показать всем, что правительство большевиков ничего общего не имеет с убийцами. Но члены ЦК эсеров, а среди них заместитель председателя ВЧК Александро-

вич, арестовали Дзержинского. Теперь и Лациса привели сюда.

Штаб отряда занимал особняк, принадлежавший раньше известному купцу Савве Морозову. Двор заполнен вооруженной толпой. Кто в солдатских гимнастерках, кто в матросских форменках. Все под хмелем. Обступили Лациса, орут: к стенке, мол, без всяких разговоров и следствий!

Весь двор на макушке холма, люди со злобными лицами вокруг Мартына освещены ярким солнцем. Сегодня шестое июля — зенит лета. У латышей вечером народный праздник Лиго. В Латвии на каждом хуторе варят пиво, всем мужчинам, названным Янами, надевают венки из дубовых веток. Лацису тоже надевали. Когда наступала ночь, прыгали через костры, пели песни. Гуляли до самого утра...

Не только до завтрашнего утра, до сегодняшнего вечера, кажется, не дожить Мартыну,— вон как разбушевалась подвыпившая матросня.

Внешне он спокоен. Сурово спокоен. В глазах ни растерянности, ни паники. Правда, это стоит усилий. Он чувствует что-то схожее с тем, что испытал в юности.

Тогда, глядя на высоко вздернутый рыжий клок бороды Антона Салума, понял, с какой гордостью можно умирать. Но его сейчас могут просто пристрелить. Поставят к стенке, разрядят маузер...

Конвоиры неохотно отбивались:

— Нельзя, браточки! Важная большевистская птица.

Они ввели Мартына в здание. И тут мятежники заполнили коридоры. Появился член ЦК левых эсеров Карелин. Он хорошо знал Мартына и остановил распоясавшихся матросов. Но чтобы слышали все в коридоре, громко спросил его:

— Вы понимаете, что произошло?

— Мыши взбесились,— насмешливо сказал Мартын.

Карелин имел очень удобную привычку: когда не находил ответа, делал вид, будто не слышит.

— Сегодня на съезде будет провозглашено наше правительство во главе с Марией Спиридоновой!

— Комичное зрелище: взбесившиеся мыши попытаются выдать себя за львов!

— Большевики уже политические трупы! — И чтобы за ним осталось последнее слово, Карелин ткнул пальцем в дверь: — Сюда его! В эту комнату!

Лацис увидел Дзержинского, как только открылась дверь. Феликс Эдмундович сидел на диване, левой рукой оперся на подлокотник, правой — стиснул в кулаке бородку. Когда Мартын переступил порог, лицо Дзержинского оживилось, он вскочил и даже улыбнулся.

— Лацис! Так сильно соскучились?

Никак не ожидал Мартын в этот момент услышать веселый голос. Но таков уж Дзержинский! Старые товарищи рассказывали, что Феликс Эдмундович даже в тюрьме, в кандалах не забывал о шутке. Казалось бы, сейчас вырваться стону, а он вдруг бросал остроту, и хоть на минуту-другую оживлялись лица узников.

Как ни оглушен был Мартын тем, что случилось, он тоже улыбнулся:

— Да вот, пришел посмотреть, каким магнитом вас сюда притянуло.

Они подали друг другу руки. Рука Дзержинского утонула в крестьянской ладони Лациса. И все же Мартын почувствовал крепкое, душевное пожатие. Пожатие друга. Были ли они друзьями? Конечно! И в то же время Дзержинский для него не только друг, но и наставник. Хотя кому-кому, а ему никак не подходило это слово. Меньше всего любил он наставлять, поучать. Наоборот, Мартын, бывало, слышал, как Феликс Эдмундович заканчивал обсуждение какого-нибудь вопроса словами: «Делайте по-своему! — Правда, добавлял: — Но вы ответст-

венны за результат». А потом больше всех радовался успеху и первый поздравлял: «Вы были правы, я ошибался».

— Каким магнитом? — переспросил Феликс Эдмундович. Улыбка исчезла с его лица. — Вот этим,— показал на часового. — Эсеры своими бреднями забивают головы таким крестьянам с ружьями, спаивают их, они и выполняют волю предателей. Я уже разговаривал с матросами — некоторые чувствуют свою неправоту, а нашу правду.

Тут распахнулась дверь, и ворвался командир отряда ВЧК левый эсер Попов.

— Предатели те, кто заключили мир с немецким кайзером!

Попов подбоченился и с видом победителя смотрел на своего недавнего начальника.

— Дайте ваш револьвер! — потребовал Дзержинский и протянул руку.

Вооруженный Попов попятился, повернулся и быстро вышел. Мартын понял: его вытолкнула сила гнева Дзержинского.

Они молча постояли. Должно быть, Феликс Эдмундович успокаивал себя. Потом он провел ладонью по лбу, словно пытаясь разгладить морщины, врезавшиеся еще с юности.

— Сядем,— опустился на диван. Вслед за ним сел Мартын.

— Расскажите, как все получилось?

Дзержинский сам хотел узнать, почему Лацис очутился тут, но счел бестактным отвечать вопросом на вопрос.

— Сегодня после трех мне позвонил Ленин. Я сразу почувствовал: очень встревожен. Сказал, что какие-то два негодяя убили Мирбаха. Он еще не знал, кто эти негодяи, что ими руководило. Он не знал, по какой позор для меня: ведь я — председатель ВЧК! О таком

событии мне самому положено информировать Председателя Совнаркома, а получилось...

Мартын почувствовал — в мучительную горечь Дзержинский окунал каждое слово.

— Немедленно в Денежный переулок. В германском посольстве меня встретил лейтенант Мюллер. «Что вы скажете, господин Дзержинский?» — укоризненно спросил и показал удостоверение на бланке ВЧК, подписанное моей фамилией и заверенное печатью. Конечно, подпись поддельная, но печать настоящая. Удостоверение уполномочивало Блюмкина и Андреева вступить в переговоры с графом Мирбахом по вопросу, в котором тот лично заинтересован. Мирбах, по словам Мюллера, вначале не хотел их принимать, но самозванцы настаивали, и он вышел к ним. После нескольких слов о том, что некий австрийский офицер Роберт Мирбах, который будто является племянником посла, обвиняется в шпионаже, Блюмкин и Андреев открыли стрельбу, потом бросили бомбу и убили Мирбаха. — По укоренившейся тюремной привычке Феликс Эдмундович сидел согнувшись, зажав коленями обе ладони. Но тут он выпрямился. — Вы представляете, какие могут быть последствия?

Мартын утвердительно кивнул.

— Последствия могут быть самые трагические: война с Германией! Все, чего Ленин добился ценой неимоверных усилий, ценой тягчайших жертв... Никогда себе этого не прощу! Всю жизнь будет на мне черное пятно!

— Это на мне черное пятно,— медленно, а потому особенно веско промолвил Мартын. — Блюмкин — сотрудник моего отдела. Мо-е-го!

Дзержинский запальчиво перебил:

— В ответе за всех — я! За вас, за ваших сотрудников, за все, что происходит в ЧК!

— Но кто мог предвидеть, что левые эсеры...

— Я обязан был предвидеть. И главное — мог.

Разговор велся шепотом, но выразительно звучали тончайшие интонации.

— Как вы могли предвидеть? — возразил Мартын. — До последнего времени они делили с нами власть и, выйдя из Совнаркома...

— Вот-вот, когда вышли из Совнаркома, их за версту нельзя было подпускать к ЧК. Главное, я это понимал.

— Честно говоря, и я об этом думал.

— Обязан был настаивать! Обязан был добиваться! А мы оставили все, как было: левый эсер Александрович — мой заместитель, у него — печать. Вот она и красуется на поддельном документе. Отряд ВЧК, боевая наша сила, тоже под командованием левого эсера. А когда я приезжаю сюда, чтобы арестовать преступников, меня арестовывают самого. Хоть бы убили! — с нескрываемой болью прорвалось у Дзержинского. — А то арестовали. Позор! — он стукнул кулаком по колену.

Мартын никогда не видел его столь огорченным и полным негодования на самого себя.

— Мне здесь уже торжествующе кричали: «У вас был Октябрь, а у нас теперь — Июль!» Что это значит? Намерены захватить власть! А я в это время... — При всей выдержке Феликс Эдмундович не в состоянии был усидеть на месте, вскочил с дивана. — Беспечны мы и мягкотелы!

Мартын чувствовал: его сейчас ничем не успокоить. Да и сам он в таком же состоянии.

— А что у вас? Как вы очутились здесь? — счел наконец возможным спросить Дзержинский.

Все, что Мартын пережил, еще не улеглось, еще бурлило в нем.

— Обо всем узнал Петерс. От Свердлова на съезде. Большевики, члены коллегии ВЧК, немедленно — на Лубянку. Нам стало известно, что вы в отряде Попова, Петерс стал дозваниваться туда. Сначала пытались нас об-

мануть: Дзержинский, дескать, на заседании. Наконец Александрович признался: арестован по приказу их ЦК! В это время позвонил Ленин. Да, позвонил Владимир Ильич. Предложил Петерсу и всем остальным отправиться на съезд, изолировать фракцию левых эсеров, а мне на время вашего отсутствия возглавить ЧК и немедленно задержать всех левых эсеров, которые работают в нашем аппарате. Я приказал прежде всего снять охрану здания ВЧК, которую поставил Попов, заменить преданными нам самокатчиками. А сам решил арестовать сотрудников-эсеров. Обезоружил одного, и тут ворвались матросы-черноморцы, присланные Поповым. Прямо ко мне. Их начальник: «Где здесь Лацис?» Что делать? Сказать: не знаю? Попробовать скрыться? Но рядом со мной — только что разоруженный эсер. Ответил: «Я — Лацис». «Следуйте за нами!» — матрос взял меня под руку. Первая мысль: «Нужно сообщить Ленину!»

«Возьму фуражку»,— сказал матросу, выдернул руку и скорее — в свой кабинет. Вызвал по прямому телефону Ленина. Успел сказать: «Меня арестовали эсеры! Куда поведут — не знаю». Вбежали матросы, и один из них выхватил у меня трубку.

Феликс Эдмундович настолько умел владеть лицом, что в любых ситуациях оно могло оставаться бесстрастным. Но сейчас, наедине с Лацисом, когда не было нужды прятать переживания, глаза его, губы, ноздри трепетно отзывались на слова Мартына.

— Ах, как важна в таких случаях каждая секунда! Успей вы...

— Расторопней обязан был действовать. Рас-то-ропней! Надеялся, что в запасе не менее получаса, а не оказалось и десяти минут.

— А что вы видели на улицах? Что там делается?

— На улицах как обычно. Город еще ничего не знает. Только у Покровских казарм левоэсеровские матросы вы-

ламывали из мостовых булыжники, строили баррикады и рыли окопы. Здесь во дворе видел пушку, броневик, пулеметы.

— Как мы беспечны! Ведь собирали они силы буквально на наших глазах. — Феликс Эдмундович сверкнул глазами. — Ничего, враги нас учат на свою беду! А что сейчас мы можем им противопоставить? — Посмотрел на Мартына и сам ответил: — Первый образцовый советский полк, Девятый латышский, который охраняет Кремль. — Он загнул два пальца и снова вопросительно посмотрел на Лациса.

— Первый и Второй латышские полки,— добавил тот, а Дзержинский загнул еще два пальца. — Дивизион легких орудий. В городе, как вы знаете, немало частей, но одни только сформированы, другие формируются. За кем они пойдут? Однако есть еще московский пролетариат, он, несомненно, с нами.

— Несомненно,— подтвердил Дзержинский. — А на ваших земляков, на латышей, полностью можно положиться? Ведь эсеры обязательно развернут среди них агитацию...

Не знал Феликс Эдмундович, что в это самое время в кабинете Ленина сидели руководители латышских большевиков — нарком юстиции РСФСР Петр Стучка, член ЦК Карл Юлий Данишевский, член Президиума ВЦИК правительственный комиссар Латышской советской стрелковой дивизии Карл Петерсон — и Владимир Ильич задал им этот же вопрос. Все трое заверили его: латышские красные стрелки непоколебимо будут сражаться за власть Советов!

Вот и Мартын ответил Дзержинскому:

— Латыши не подведут!

В комнату, распахнув во всю ширь дверь, ворвался Попов. Он хлебнул хмельного и сейчас тщился показать, что ничуть не боится Дзержинского.

— Все полки столицы за нас! — выкрикнул с порога. — Две тысячи казаков прибыли из Воронежа! Главнокомандующий Муравьев повернул на Москву Восточный фронт. — Попов шагнул в комнату, и голос его с каждой фразой гремел все громче. — Мария Спиридонова отправилась на съезд. Огласит декларацию о взятии власти левыми эсерами!

И вдруг раздался орудийный выстрел.

Дзержинский бросился к окну.

— Неужели по Кремлю?

Он не сомневался, что эта авантюра потерпит крах, но мучило неведение о том, какие меры принимает Ленин. Конечно же, он сейчас пустил в ход всю свою неукротимую энергию. Но все же что делается конкретно?.. Кто возглавит красные части? Какое соотношение сил? Удалось ли уже арестовать фракцию левых эсеров на съезде? Ленин велел без эксцессов, чтобы никто не пострадал. Владимир Ильич и тут остался верен себе.

За окном внезапно потемнело и пошел дождь. Столько времени надсадно жгло солнце и не упала ни одна капля, а в этот трагический вечер ливень так обрушился, будто небо решило загасить огонь страстей, который загорелся на земле. Сначала ливень барабанил по твердой, спекшейся земле, потом потекли ручьи, разлились лужи, струи падали в них, вздымая бесчисленные пузыри. И хотя они не походили на грибы, Мартыну почему-то вспомнились толстенькие приземистые боровики, которые они с Тоней нашли на поляне в Сокольниках. Он никогда не видел столько боровиков на одной поляне. Тоня так обрадовалась, она срезáла ножом полненькие ножки грибов и все восклицала:

— Это нам свадебный подарок!

Да, они напали на грибную поляну на второй день после свадьбы. Собственно, никакой свадьбы не было. О церковной и говорить нечего! Регистрироваться? Зачем

регистрироваться, разве какая-то запись сделает их брак крепче или они сильнее полюбят друг друга?.. В гости к себе тоже никого не позвали, хотели быть только вдвоем. И все же Тоня придумала торжество. Настоящее! Достала где-то две свечи и, когда в комнате на даче стемнело, зажгла их, поставила на стол.

Сколько раз Мартыну приходилось работать при свече, никогда не замечал в ней ничего особенного. Горит, светит, вот и хорошо. Но в тот вечер огненные лепестки пламени источали что-то таинственное, будто крохотные лунные блики падали на стены и озаряли скромно накрытый стол.

Сначала Мартын не принял всерьез чудачество Тони, но она была так серьезна, даже взволнованна... Стала перед столом, протянула ему руку.

— Подумаем о нас,— промолвила Тоня. — О нашей будущей жизни!

Молчаливые минуты, озаренные трепетным светом свечей, вошли в него навсегда. Он почувствовал особую значимость того, что произошло...

«Тоня волнуется, не знает, что со мной»,— подумал он сейчас. И все в нем сжалось от боли за нее...

Дзержинский и Лацис, не скрывая, поверяли друг другу то, что больше всего угнетало каждого. А потом погрузились в свои мысли. Но молчание не разъединяло их. Когда Мартын спросил у Феликса Эдмундовича, о чем он сейчас размышляет, оказалось, что и его думы — с женой и с сыном Ясиком.

— Я ж его еще не видел. Если не считать одного раза, когда ему не было еще и года. В девятьсот двенадцатом. В том же году меня арестовали и — до самой Февральской. А Зося эмигрировала в Швейцарию.

Мартын знал: Зося родила Ясика в Варшавской тюрьме, носившей название «Сербия», выйдя на свободу, уехала за границу.

— Растет самый дорогой для меня человечек,— продолжал Дзержинский. — А я еще не слышал даже его голоса. Много раз всматривался в фотографии... Вы знаете, он похож на меня! Это такое счастье — различать свои черты в ребенке... — Феликс Эдмундович расстегнул пуговицу кармана гимнастерки, достал фотографию.

Как он ждал первую фотографию Ясика! Еще тогда, в далеком теперь тринадцатом году в X павильоне Варшавской цитадели. И когда она наконец пришла...

«Его последняя карточка, его улыбка — счастье для меня, она озаряет мне всю камеру, и я улыбаюсь ему, и ласкаю его, и обнимаю дорогое дитя...» — написал он Зосе.

А немного позже:

«Любовь к Ясику переполняет мою душу, будто в нем сосредоточилась вся моя жизнь. Он моя тоска, моя мысль и надежда, и когда я вижу его глазами души, мне кажется, что я вслушиваюсь в шум моря, полей и лесов, в музыку собственной души, всматриваюсь в искрящееся звездное небо, шепчущее что-то сладкое и таинственное, и я вижу будущее и чувствую в себе чаяния миллионов».

Он протянул фотографию Мартыну и спохватился. Комнату уже наполнила ночь.

— Вы же ничего не увидите. Ну тогда завтра.

«А завтра все заслонит работа,— подумал Мартын. И оборвалась мысль. — А будет ли это завтра?.. Будет ли?..»

Распахнулась дверь, в комнату вошли два матроса.

— Лацис,— сказал один из них,— следуйте за мной!

Мартын почувствовал, как сердце его замерло. Он встал, повернулся к Дзержинскому и ни слова не смог вымолвить. Открыл рот — ни звука. Ему показалось, это длилось долго, постыдно долго, хотя на самом деле не больше двух-трех секунд.

— Ну вот, — наконец хрипло вымолвил и протянул Феликсу Эдмундовичу руку.

— Почему его первым? Первому положено мне! — возмутился Дзержинский.

— Кого приказано, того и ведем.

Феликс Эдмундович крепко пожал руку Лациса.

— Прощайте!

Мартын рад был, что дыхание его вошло в ритм, а учащенный стук сердца никто, кроме него, услышать не мог.

Матросы повели Лациса по длинному коридору.

II

— Садитесь,— предложил Мартыну Карелин. Сам он сидел за столом. Керосиновая лампа тускло освещала большую комнату. — Подождите за дверью! — приказал матросам. — Товарищ Лацис... — обратился к Мартыну.

— Я вам не товарищ!

— Об этом как раз и пойдет разговор. Наш Центральный комитет сформировал правительство.

— С таким же успехом Мария Спиридонова могла бы объявить себя английской королевой, а вы — японским микадо.

— Я повторяю вам: левые социалисты-революционеры берут власть в свои руки.

— Руки для этого коротки!

— Я пригласил вас не для пререканий.

— Меня привели под конвоем.

— Ничего не поделаешь, такова логика борьбы. Большевики сразу не сдадутся, и нам придется одних изолировать, других...

— Других расстрелять! — закончил за него Мартын.

— Все может случиться. Разве не могли матросы устроить над вами самосуд, не появись я вовремя?

— Вы подпоили их, напичкали лживыми речами.

Карелин сделал вид, словно не услышал его слов.

— Я обращаюсь к вам «товарищ», так как латыши особенно заинтересованы, чтобы мы оставались товарищами: наша партия порвет Брестский договор и вернет вам Латвию! Вы лично вместо тюрьмы можете получить крупный государственный пост.

Мартын с такой силой сжал кулаки, что они побелели. Его первым порывом было схватить стул и грохнуть им по голове Карелина. Но он сдержал себя. Чем сложнее, чем взрывоопасней ситуация, тем разительней действует спокойствие.

— Господин Карелин, каким-нибудь словом, поступком я давал вам основание для такого предложения?

— Но вы же латыш!

— Я прежде всего большевик!

— И большевик любит свою родину.

— Моя родина — Советская власть!

— Но другие латыши-большевики приняли наше предложение.

И тут Лацис сорвался. Могло показаться странным — сумел сдержать себя, когда речь шла о нем, хотя ничто так не оскорбляло революционера, как предложение о предательстве, но огульная клевета на латышей-большевиков?..

— Кто? — яростно крикнул Мартын. Огромный кулак его обрушился на стол и послышался треск доски.

— Часовой! — воззвал о помощи Карелин.

Матрос вбежал в комнату.

— Увести!

— В расход? — услужливо спросил тот.

Карелин ответил не сразу. Скорей всего не мог прийти в себя от вспышки Лациса, а, может быть, испытывал его нервы, может быть, ждал просьбы о пощаде. Но Мартын молчал, потер лишь кулак правой руки.

— Пока подождем,— наконец сказал Карелин. — Отведите обратно.

— Вернулись?! — воскликнул Дзержинский и протянул Лацису обе руки. Он уже не надеялся увидеть его живым.

— Был удостоен аудиенции у господина Карелина. Он уверил себя, что как латыш я должен быть с ним заодно, ведь эсеры сулят преподнести нам Латвию. К тому же, так сказать, мне лично предложен крупный государственный пост в правительстве мадам Спиридоновой.

— Ах, пся крев! — выругался по-польски Дзержинский.

Хотя Мартын говорил сдержанно и даже иронично, Феликс Эдмундович не мог не почувствовать кипевшее в нем возмущение. И, понимая товарища, он, никогда не позволявший себе бранного слова, не сдержался.

— Это еще не все. Карелин подло соврал, будто другие большевики-латыши продались. Полный набор самых мерзких методов: фальшивка, подкуп, спаивание, обман, демагогия... Не говоря уже об убийстве.

— Понятно,— раздумчиво сказал Дзержинский,— значит, латыши у них на особом прицеле. Проблема родины...

— Согласен, очень серьезная проблема. Но в процессе дискуссии о Брестском мире мы все — от руководящих товарищей до рядовых красных стрелков — стали на сторону Ленина. Споры были рьяные, но коль решили...

Открылась дверь, и кого-то втолкнули в комнату. Попав со света в темень, человек остановился, не видя, куда ему двинуться.

Дзержинский узнал его: председатель Моссовета.

— Добрый вечер, товарищ Смидович!

— Феликс Эдмундович! — узнал его по голосу Смидович.

— И вместе с ним товарищ Лацис.

Мартын встал, протянул ему руку, усадил рядом.

— Что делается в Москве?

Смидович понимал, как терзала их неизвестность.

— Ленин не теряет ни одной минуты. Обратился во все районные комитеты РКП(б), во все районные Совдепы, ко всем штабам Красной Армии: мобилизовать все силы, поднять на ноги всех немедленно для поимки преступников. Задерживать все автомобили, кроме автомобилей наркомов и наших боевых отрядов, и держать до тройной проверки. Что еще? Дал телефонограмму Московскому Совету — передать во все комиссариаты города и пригорода в окружности на 50 верст: арестовать всех левых эсеров — членов ВЧК, в первую очередь Александровича и Закса. Общее командование нашими частями возложил на Николая Ильича Подвойского и Муралова. Непосредственное — на начальника Латдивизии. Все левоэсеровские делегаты на съезде задержаны.

— Сопротивлялись? — Мартын помнил о наказе Ленина постараться избежать эксцессов.

— Свердлов блестяще решил эту задачу. Объявил на съезде: «Фракции большевиков немедленно собраться на Малой Дмитровке в бывшем купеческом клубе». А эсеры остались. У всех дверей на страже — латышские стрелки. Большевики действительно собрались на Дмитровке. Всех распределили по районам Москвы. Поднять пролетариат. Рабочим отрядам — разоружить эсеров в своем районе, установить контакты с воинскими частями.

— Вы даже не представляете, до чего обрадовали меня,— повеселел Дзержинский. — Не сомневался, что Ленин действует, но теперь, когда узнал конкретно... А вы-то, как вы сюда угодили?

— Сплошной линии фронта нет. Ехал... А эсеры, они тоже задерживают автомобили. Так глупо попался: решил, что наш патруль, следовало рвануть изо всех автомобильных сил!

Ливень угомонился, но в ночной тиши слышалось, как моросил дождик. Время от времени доносилась ружейная перестрелка. Порой в нее врывались пулеметные очереди, порой смолкали и винтовки.

В это время из Кремля выезжал в автомобиле начальник Латдивизии бывший полковник Иоаким Вацетис.

В царской армии он, возможно, был единственный полковник Генерального штаба — сын батрака. Во время Октябрьской революции перешел на сторону большевиков, возглавил войска, разгромившие польский корпус Довбор-Мусницкого, а когда сформировали советскую Латышскую стрелковую дивизию, был назначен ее начальником.

Вацетис и сейчас внешне походил на батрака — сними с него военную форму, надень домотканую одежду — не отличишь: коренаст, на короткой крепкой шее — круглая лысая голова, широкоскулое лицо с узкими глазками, мудрыми и по-крестьянски хитрыми.

Первый раз он был у Владимира Ильича ровно в двенадцать часов ночи. Ленин спросил, когда войска смогут подавить мятеж?

Вацетис попросил дать ему два часа времени — он сам должен объехать город и убедиться, что воинские части успели занять намеченные им исходные позиции.

Дело в том, что сегодня латышский народный праздник Лиго, и всех латышских красных стрелков, свободных от охраны Кремля, съезда Советов, от несения караульной службы, отпустили в увольнение, а собрать их не так просто.

Вацетис знал: в полки направились Данишевский, Петерсон, второй комиссар дивизии Дозит, но удалось ли им вовремя вывести стрелков, было неизвестно.

По его плану наши войска стягивались к двум основным пунктам: на Страстную площадь и к храму Христа Спасителя. Резервная группа — на Арбат. В эти районы и поехал он.

Больше всего Вацетис тревожился за 2-й полк латышских стрелков. Он стоял в лагерях на Ходынском поле. Ему дольше всех шагать к центру Москвы. Успел ли?

Москва спала под плотным одеялом туч, убаюканная дождем. Но сон ее был беспокойный.

Вацетис ехал по улицам, где тишину нарушал лишь его автомобиль. Вдруг услышал мерный шаг сотен ног. Догнал колонну и сразу узнал стрелков 2-го полка — у них была своя традиция носить на ремне винтовки дулом вниз.

Ровно в два часа ночи Вацетис вошел в кабинет Ленина. Владимир Ильич вместе с Подвойским ждал его.

— Завтра, седьмого июля, к двенадцати дня мы выйдем победителями! — убежденно доложил Вацетис. — Наступление начнем на рассвете.

Ничего этого, конечно, не знали ни Дзержинский, ни Лацис, ни Смидович.

Ухо Мартына ловило чуть слышный шорох в подвале, перешептывание часовых у дверей, чей-то храп в соседней комнате, где заперты несколько большевиков — сотрудников ЧК, матросскую походку в коридоре, топот солдатских сапог во дворе, ржание лошади на улице. Кажется, даже плеск ночи, плывущей по лужам к рассвету, улавливало ухо, только долгожданного красноармейского «Ура!» идущих на штурм этой главной обители эсеров не доносилось.

На пороге утра Мартын задремал. Казалось, по-прежнему летели к нему все звуки, что жили вокруг, но, открыв глаза, он неожиданно увидел: немытое стекло поймало солнечный луч. Почти одновременно услышал гул боя.

Хотя Мартын был штатским человеком, но именно он стал одним из создателей Красной гвардии, именно он делал специальный доклад на заседании Петроградского комитета, в котором выдвинул схему ее организации; его избрали в Военно-революционный комитет. Должно быть, в талант революционера входило и понимание военного

дела. Во всяком случае, услышав этот гул, он уже не сомневался — большевики начали наступление. Не просто вступили в бой, а перешли в наступление.

Стрельба доносилась с разных сторон. Гаркнула пушка. Однако новых орудийных выстрелов не последовало. Все трое ждали их и не понимали, почему пушка замолкла.

Откуда им было знать, что Ленин наказал Вацетису обязательно использовать артиллерию, но умело и осмотрительно, избегая ненужных разрушений. А курсанты артиллерийского училища, недостаточно еще обучены, начали было обстрел со Страстной площади, вот и приказал Вацетис: отставить! Он поставил задачу командиру легкого артиллерийского дивизиона Латдивизии: двигаясь вместе с войсками, занять такую позицию, чтобы хоть одним орудием открыть огонь прямой наводкой по штабу мятежников. Потому-то пушки молчали, пока латыши-артиллеристы не подкатили орудие к церкви, что стояла всего лишь в трехстах шагах от бывшего особняка Саввы Морозова. На руках подняли орудие и установили на паперти. Лучшей позиции не сыскать: особняк возвышался на холме и отсюда был виден как на ладони.

Но до того как удалось занять такую выгодную позицию, рабочие отряды — а в них вошло более десяти тысяч человек — стали хозяевами районов Москвы; красноармейцы и латышские стрелки преодолели сопротивление эсеровского воинства, освободили почтамт, взяли Покровские казармы. На это ушло немало времени. Но с каждым часом бой все ближе подкатывался к Трехсвятительскому переулку.

В половине двенадцатого дня Дзержинский, Лацис и Смидович услышали орудийный выстрел, от которого вздрогнул пол под их ногами, свист снаряда, звон разбитых стекол и следом взрыв. После короткой паузы пушка повела беглый огонь. Весь дом сотрясался.

— Какие молодцы! — восхитился Дзержинский. Сейчас они снесут все здание.

— А вместе с ним и нас,— уточнил Смидович.

— Ну и пусть. Лишь бы подавили мятеж!

— Ну, нет, революции мы нужны живыми. — Мартын подошел к двери и рывком распахнул ее.

Четверо испуганных матросов лежали на полу в несуразных позах. Мартын бросил взгляд в окно. Пригибаясь, через двор мчались во всю прыть Карелин, Прошьян, Камков и вместе с ними Попов.

— Ай да вояки! Трусы! Трусы! — закричал им вдогонку Дзержинский.

— Полюбуйтесь,— пригласил матросов Мартын.

Те сконфуженно поднялись.

— Начальство драпает! — воскликнул один из них.

— Провалилась эсеровская авантюра! — отрывисто сказал Мартын. — Выполняйте приказание: оружие — нам и всем задержанным!

Паника, охватившая лидеров, передалась всем подчиненным. Выли снаряды, брызгами летели разбитые кирпичи. Дым и пыль обволакивали все вокруг. Сквозь этот смрад удирали оставленные верховодами черноморцы и солдаты.

Это было действительно жалкое зрелище: замахнулись на всю Россию, попытались вызвать войну, а бежали от первых выстрелов пушки.

Когда пушка замолкла, Дзержинский, Лацис и Смидович услышали красноармейское «Ура!». Оно нарастало и неуклонно приближалось.

Феликс Эдмундович и Мартын стояли у открытого окна в кабинете Дзержинского в ВЧК и любовались радугой.

Мартыну казалось, что и в груди его вспыхнуло такое же семицветье. Почти сутки прожил он в тени смерти,

поэтому сейчас с особой зоркостью всматривался в гигантскую расписную дугу. Одним концом она оперлась о Воробьевы горы, а другим — о Сокольнический лес. Но одновременно он примечал и лучистую дождинку на не успевшем еще высохнуть листе, и большую лужу, в которую упало выстиранное до снежной белизны облако, черного дрозда, опустившего в нее желтый клюв.

Только что из своего кабинета он говорил по телефону с Тоней... Если бы он не разобрал ее слов, а лишь слышал голос, все равно почувствовал бы всю силу ее любви. Мартын сказал:

— Я никогда так не хотел остаться в живых... Ради тебя. Ради нас...

Этим днем наслаждался и Дзержинский. Редкая душа могла так чувствовать природу. Это он с удивительной поэтичностью писал в тюремном дневнике: «Час тому назад бушевала гроза. Все содрогалось от грома, и наш жалкий павильон весь дрожал. Ярко блиставшие молнии прорывали мрак, их розовые отблески проникали в мою камеру; дождь лил как из ведра, а ветер качал дерево за окном, ударялся в стены, стучал и выл. Теперь тихо, равнодушно глядит затуманенная луна, не слышно ни шагов часового, ни жандарма, ни пения соседки, ни бряцания кандалов. Только дождевая капля время от времени падает на карниз моего окна и издали доносятся свистки паровоза».

Вот и сейчас капля падала на подоконник и щедро дышала летняя земля.

И Мартына, стоявшего рядом, чувствовал Феликс Эдмундович. Те почти двадцать часов, что они вместе провели в плену, еще больше сблизили их. Уважение, симпатию он давно питал к Лацису и доверие, полное доверие. Он мог сказать о нем, возможно, самые главные слова, которые говорят о другом человеке: «Я верю ему, как самому себе!» Что же прибавилось за эти часы? Что-то не-

уловимое, чему он не мог подобрать названия, и в то же время важное, очень важное.

И еще одно чувство, которое зародилось в морозовском особняке и не оставляло Дзержинского после освобождения, лишь на короткое время затмила его величавая арка, поднятая в небеса, но оно снова вспыхнуло: ответственность за все, что произошло!

Они оба ждали Петерса.

Когда за спиной раздались шаги, Мартын узнал походку Якова. У него была удивительно легкая поступь, будто он чуть-чуть касался носками пола.

Дзержинский повернулся навстречу ему.

— Я должен сейчас отправиться на съезд. Держать ответ перед делегатами!

— Я тоже обязан! — добавил Мартын. И сразу перешел в иное состояние. Совсем иное. Все дивное, только сейчас стоявшее перед ним, исчезло. Не потому, что он отвернулся от окна,— все утонуло в мыслях о предстоящем, в мыслях, вернувших в прошедшие сутки. Да, он тоже обязан держать ответ.

— Вы действуйте, как наметили,— продолжал Дзержинский, обращаясь к Петерсу. — Приложите все усилия, чтобы поймать Александро́вича. Он не должен уйти от возмездия. Очевидно, вам вообще поручат возглавить ЧК. Я подам в отставку.

Мартын невольно шагнул вперед:

— Вы не должны!

— ЧК без вас!.. — воскликнул Петерс.

— Это необходимо! Я главный свидетель по делу об убийстве Мирбаха. Заявлю об этом на съезде и обращусь в Совнарком. — И вдруг, как перед дальней дорогой, предложил: — Давайте сядем!

Все трое опустились на стулья.

И Лацис и Петерс хорошо знали характер Дзержинского: если он принял решение, уговоры напрасны.

— Мне неизвестно, куда меня направят, но на одном я буду настаивать как член ЦК: Чрезвычайная комиссия должна состоять исключительно из представителей нашей партии! Тогда не сможет повториться подобная авантюра. Ну а если удастся задержать Александровича... А мы должны приложить все усилия. Если задержим... Одна ему кара...

Феликс Эдмундович сделал паузу, долгую паузу. Он хорошо знал Вячеслава Александровича. Пусть они состояли в разных партиях, пусть далеко не всегда совпадали их взгляды, это не мешало Дзержинскому считать его преданным революции. Всего сутки тому назад он числился его заместителем, именовался товарищем председателя и на самом деле казался товарищем. Сейчас Дзержинский должен произнести беспощадные слова: одна ему кара! Он совершил политическое и уголовное преступление. Он превратил отряд ВЧК в контрреволюционную силу. А сердцу все же трудно вынести самый суровый приговор. Тем более что до этого ни одному политическому противнику не выносился такой. Вот почему лишь после длительной паузы Феликс Эдмундович сказал:

— Одна кара... смертная!

И опять наступило молчание. Потому что и Мартына обуревали схожие чувства. А Петерсу еще труднее: он больше всех общался с Александровичем. Ведь оба были заместителями Дзержинского... И в Александровиче, как им казалось, было немало добрых человеческих черт. Но и для Петерса и для Лациса долг всегда был прежде всего.

— Я — за! — Петерс приподнял руку.

— Иного решения быть не может! — заключил Мартын.

Дзержинский встал.

— Это главное, что я хотел вам сказать. А сейчас мы с вами, Лацис, отправимся на съезд.

В пышный, краснобархатный, сверкающий позолотой Большой театр они вошли, когда заседание уже началось. По пути от Лубянки перекинулись лишь несколькими словами, каждый обдумывал свое выступление. Порог партера переступили как можно тише, пригнувшись, шагнули в проход. Мартын сказал себе: «Ничуть не умалю свои ошибки».

И вдруг кто-то из делегатов увидел их, громко воскликнул:

— Дзержинский! Лацис!

— Дзержинский! Лацис! — повторили в разных концах зала.

Раздались аплодисменты. В партере, в ложах, в бельэтаже. И с каждой секундой аплодисменты взлетали все выше и выше — первый ярус, второй, третий.

Мартын растерялся. Глянул на Феликса Эдмундовича, у него такой же растерянный вид. Пришли на съезд каяться, а их встретили будто героев. И стоило Дзержинскому вымолвить слово «отставка», делегаты запротестовали. Однако Феликс Эдмундович настаивал:

— Товарищи, я еще раз повторяю: германский посол убит сотрудниками комиссии, которую я возглавляю! Моя отставка просто необходима!

Совнарком, учитывая обострившиеся до предела отношения с Германией, принял отставку Дзержинского (через полтора месяца — 22 августа он вновь был назначен председателем ВЧК). В сложной обстановке Лацис необходим был для работы в ЧК, и ему предложили оставаться на своем месте.

Коллегия ВЧК приговорила Александровича к расстрелу.

А вот лидер партии левых эсеров Мария Спиридонова была осуждена к совсем иной мере наказания. Так как она вела лишь политическую борьбу, не участвовала в провокациях, не использовала свое служебное положение,

ей вынесли не просто мягкий, но беспрецедентный приговор:

«Изолировать Спиридонову от политической и общественной деятельности на один год посредством заключения ее в санаторий, с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда».

Левоэсеровский мятеж слился с восстанием недобитых савинковцев на Волге. Им удалось захватить Ярославль. Там замучили одного из виднейших латышских революционеров — комиссара военного округа Семена Нахимсона. Подняли бунт в Рыбинске, но чекисты вовремя подавили его. Они раскрыли гнездо заговорщиков в Костроме и предупредили вражеское выступление. Шел бой с савинковцами в Муроме, а там расположен Высший Военный Совет Красной Армии. Пришла просьба прислать на помощь опытных сотрудников ЧК.

Мартын без удивления читал слово «опытных». Полгода минуло, как создана ВЧК. Сейчас ему не казался этот срок слишком коротким. Кое-чему чекисты научились. В такой учебе не обойтись без ошибок, вот и мятеж левых эсеров проворонили. Но опыт приходит...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

На восток. На восток. Поволжье. Урал. Сибирь.

Взоры всей России туда. Из Парижа, Лондона, Вашингтона, из Токио, Берлина тоже смотрят туда, и очень внимательно. Особенно пристально — из Вологды, ставшей резиденцией послов стран Антанты.

«На восток! — предложил Савинкову посол Франции Жозеф Нуланс. — Захватить города Поволжья!»

Захватили и сумели удержать шестнадцать дней лишь Ярославль. Восстанием там руководили начальник главного штаба «Союза защиты родины и свободы» полковник Перхуров и полковник Карл Гоппер.

Тело замученного Семена Нахимсона напоказ возили по всему Ярославлю. Больше двухсот арестованных советских работников бросили в железную баржу. Тринадцать дней баржу держали на солнцепеке, людям не давали ни капли воды. Вода была рядом — в Волге, но стоило комунибудь перегнуться через борт, как с берега открывали стрельбу. Падали убитые. К трупам прикасаться не разрешали, они лежали, разлагаясь на солнце.

В живых осталось сто девять человек.

Когда Перхуров и Гоппер поняли, что Ярославль не удержать, они бросили своих единомышленников и удрали. Двинулись дальше на восток. Туда, где взбунтовался корпус белочехов.

С разных концов страны ехали, шли, пробирались к ним белогвардейцы. Формировались офицерские батальоны, полки.

Возник Восточный фронт.

Против вышколенных белочехов, против частей, в которых кадровые русские офицеры в качестве рядовых,— только что созданные, не укомплектованные командирами подразделения Красной Армии.

Командовал фронтом бывший царский офицер, примкнувший к партии левых эсеров, Муравьев, человек, отличавшийся личной храбростью, но явно авантюрного склада. Дзержинский настаивал, чтобы его привлекли к ответу за злоупотребление властью, однако Троцкий не только поручился за него, но и добился назначения командующим Восточным фронтом.

После восстания левых эсеров в Москве Муравьев объявил по фронту, что немцы якобы начали наступление на Советскую Россию. Приказал войскам идти к Волге.

Ленин подписал декрет:

«Приказ Муравьева имеет своей предательской целью открыть Петроград и Москву и всю Советскую Россию для наступления чехословаков и белогвардейцев. Измена Муравьева своевременно раскрыта Революционным военным советом, и все войска, действующие против чехословаков, верны Советской власти».

В Симбирске на заседании губисполкома при попытке арестовать Муравьева началась перестрелка, и он был убит.

Владимир Ильич хорошо запомнил начальника Латышской стрелковой дивизии Иоакима Вацетиса, руководившего подавлением эсеровского мятежа. Ему понравились выдержка, осмотрительность, точность и, конечно, воинское мастерство, с которым была проведена операция. И Ленин рекомендовал его новым главнокомандующим Восточным фронтом.

Карл Юлий Данишевский был назначен членом Военного совета. Рядом с беспартийным командиром — известный революционер.

На восток Вацетис и Данишевский отбыли вместе.

И вот теперь на восток ехал Мартын Лацис.

Поезд шел на Казань. Там находился штаб Восточного фронта.

Мартын задумчиво стоял у открытого окна. С юности знал он, как огромна Россия. Побывав в ссылке в Сибири, пройдя и проехав тысячи и тысячи верст, он воочию убедился, до чего широки ее просторы.

Как не любить родные сосновые леса, поднявшие к небу зеленые облака крон, как не любить серебряные рощи берез, быстрые реки, целые архипелаги озер и янтарное море, прильнувшее к белой груди Латвии. Но весь край будто один сочный лист на могучем дереве России.

«...На могучем дереве России»,— думал Мартын, глядя, как не спеша раскрываются перед ним поля, вспененные волнами колосьев. И мысль потомственного хлебороба не могла не спросить тревожно: «А удастся ли собрать эти колосья?» Нет, не только в душе хлебороба, но и в сердце государственного деятеля вонзался такой вопрос. Республика сидела на голодном пайке. Хлеба полно — на Урале, в Сибири, но оттуда нужно выбить врага. А враг — он не только по ту сторону фронта.

Вчера Ленин сказал ему, что на Восточный фронт подались сейчас все контрреволюционеры. Тыл армии оказался ненадежным. Отсюда, из Москвы, очень трудно руководить борьбой. На фронте нужно организовать специальную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией. И поручается это Лацису.

Лацис спросил о полномочиях. Назначается председателем Чрезвычайной комиссии, получит мандат за подписью Председателя Совнаркома и будет подотчетен Совету Народных Комиссаров республики. Войдет также в Военный совет фронта.

Ленин предупредил, что командующий фронтом — человек новый, беспартийный. Нужно быть бдительным и в то же время активно помогать ему. Никакой бестактности!

Сейчас вместе с Покотиловыми и молодыми чекистами латышом Арвидом Граудыпем и украинцем Василем Пидковой Мартын ехал на Восточной фронт выполнять задание Ленина.

II

Поезд шел, с трудом прорываясь через крупные станции. Чуть ли не на каждой стоял по часу, по два, а то и по три. Несметное количество людей прилагали нечеловеческие усилия, чтобы сесть в него. Сбивали друг друга

с ног, лезли через головы, толпами наступали на комендантов, дежурных, начальников; мужчины ругались, женщины и дети плакали, безудержные потоки голосов разливались, как наводнение.

На одной такой станции, в водовороте человеческих тел и страстей, Мартын обратил внимание на молодую женщину, которая стояла одна, отчужденная от всего, что здесь происходило, и по скорбному лицу медленно катились слезы. Люди, должно быть, чувствовали это горе, эту отчужденность и обходили женщину, как река обтекает одинокую скалу.

Мартын вдруг подошел к ней и спросил:

— Что с вами?

Она медленно подняла на него глаза. Не сказала, а прошептала — то ли голос у нее сел, то ли силы истощились:

— Муж раненый... В Казани... В госпитале... Никак на поезд... Четвертые сутки...

У Мартына чуть не вырвалось: «Я вам помогу». Но вовремя остановил себя. Как можно? Чекистский вагон. Присутствие постороннего человека стеснит их, говорить придется с оглядкой. С ними документы, оружие... Куда проще и спокойнее пройти мимо. Но почему же он стоит, почему не проходит?.. Жалко? Всех не пожалеешь. Вон сколько здесь жаждущих уехать. И все же, вопреки логике, Мартын сказал:

— Идемте!

Женщина посмотрела на громадного бородача с добрым взглядом, ничего не спросила, не удивилась, словно все так и должно было произойти, словно она ждала его тут, и, не отрывая от Мартына взгляда, пошла за ним.

Мартын позвал проводника, попросил угостить «гражданку» чаем, хлебом и таранкой из их пайка.

— Если можно, я сначала посплю,— попросила женщина.

Она не просыпалась целый день. Мартын и его спутники несколько раз заглядывали в купе, ее дыхание было чуть слышно...

Арвид Граудынь даже в тревожные годы войны не расставался со скрипкой. По вечерам он любил играть. Но, пожалуй, не вспомнить, когда у него был свободный вечер. Тем с большим увлечением играл он сейчас.

Он не видел ни своего начальника, ни товарищей, не помнил, куда едет и едет ли вообще. Только скрипку свою слышал он, а скрипка слушала его.

Женщина застыла у порога купе. Сначала не поверилось. Увидела военного — того самого белокурого, что охранял вход в вагон. Тогда он был суров, все в нем было суровым, от звездочки на фуражке и сведенных у переносицы бровей до широко расставленных ног, вросших в землю. Как же трогательно теперь склонил он голову к плечу, а подбородком держит и одновременно нежит скрипку, как мягко лежит рука на грифе, а длинные пальцы приплясывают, колдуют, колдуют... Смычок скользит по струнам...

Женщина сначала не заметила, что в купе не один скрипач, настолько никто из сидевших там не обнаруживал себя. Бородатый командир прикрыл лицо ладонью. Ладонь, как и все в нем, громадна, из-под нее почти не видно лица. Но по тому, как застыла ладонь, замерла, видно: весь погрузился он в мелодию.

Когда скрипач опустил скрипку, все зашевелились, а у женщины вдруг вырвалось:

— Кто вы такие?

— Чекисты! — коротко ответил Арвид.

— Чекисты? — женщина переспросила так, как обычно переспрашивают, не веря собственным ушам.

— Они самые!

— А говорят...

— Что они с рогами и хвостами? — усмехнулся Мартын.

— Да вроде бы... Но не думайте, будто я темная баба. Я сельская учительница!

— Это еще печальней,— серьезно заметил Мартын.— Какой спрос с темной бабы, а вот с сельской учительницы...

— А ваш муж за какую власть воюет? — не выдержал, чтобы не вмешаться в разговор, Иван Иванович-старший.— Только по справедливости.

— За Советскую. Отвоевался уже,— женщина запрокинула голову, широко раскрыла глаза, очевидно надеясь задержать в них слезы, не дать пролиться, однако они все же покатились.— Отвоевался,— повторила.— Без ноги... Крестьянин он. Считал, что не ровня мне, а тут еще без ноги...

Теперь понял Мартын, почему горе залегло в каждой черточке ее лица. Он не мог не задуматься над этим случаем. То, что враг порочит их, вполне понятно, но раз сомневается такая вот сельская учительница, у которой муж пролил кровь за Советскую власть... Необходима гласность в их работе! В газетах рассказывать, на собраниях. Обязательно на собраниях — рабочим, крестьянам, красноармейцам. О том, какой вред успел нанести разоблаченный враг и какой бы еще нанес, если бы не разоблачили его чекисты. И еще о тех редких, очень редких случаях, когда сотрудник сорвался. Чтобы знали все: самая жестокая кара тому, кто грязнит имя чекиста.

Обо всем этом следует сообщать населению, пусть знают правду.

III

Тогда, весной, когда Мартын вместе с Иваном Ивановичем-младшим был в Казани, ему и в голову не приходило, что вскоре снова приедет сюда.

В сопровождении своего «отряда», как он шутя называл четырех помощников, Мартын вошел в здание бывшей гостиницы Щетинкина, где размещался штаб фронта. У входа стоял красноармеец, которому он предъявил пропуск в ВЧК. Тот прочитал его фамилию, довольно улыбнулся, лихо пристукнул каблуками, сказал по-латышски:

— Пожалуйста!

— Красный стрелок? — спросил Мартын.

— Пятого Земгальского полка. Главнокомандующий был нашим полковым командиром.

Мартын оставил своих товарищей в приемной, к Вацетису зашел один. Странно, однако, что они ни разу еще не встречались. В кабинете как раз находился Данишевский, он дружески поздоровался с Мартыном и представил его главнокомандующему фронтом.

Оба внимательно осмотрели друг друга. Казалось, кто-то специально подобрал их для контраста. Высоченный Лацис и чуть ли не по грудь ему Вацетис; у Лациса — буйная растительность на голове и лице, а у Вацетиса — ни единого волоска; у Лациса нет ни золотника жира, весь поджарый, а Вацетис — тучный, лицо полное, сам весь округлый; разве что плечи обоих — по самой большой мерке, а когда подали друг другу руки, почувствовали — не занимать силенки.

— Много привезли с собой бойцов? — Это первый вопрос, с которым главнокомандующий обратился к Мартыну. И потом все время, что они находились бок о бок, Вацетис ждал, беспокоился, надеялся на прибытие полков латышских стрелков и других частей.

— Всего четыре человека. Они и бойцы и начальники. Но в Москве меня заверили: подкрепление для фронта на подходе.

— Мы тоже получаем заверения,— вставил Данишевский.

Вацетис добавил:

— Москва отправляет, а кто-то в пути задерживает. Командир какого-нибудь отрядика сам себе нарком и главнокомандующий. Какое ему дело до фронта, главное — увеличить свои силы. А у нас здесь участок, где следовало бы стоять дивизии, в лучшем случае занимает рота. Воинская дисциплина — из рук вон.

Мартын понимал: свежему человеку Вацетис выливает свои горести и недовольство.

Вошел Петр Алексеевич Кобозев, председатель Реввоенсовета фронта. Ему исполнилось сорок лет, ровно половину своей жизни он состоял в партии и среди молодых, призванных революцией, считался стариком.

— Услышал о твоем приезде. Очень рад!

Многие революционеры знали друг друга по совместной работе, по тюрьмам, ссылкам. Февраль и Октябрь собрали их в Питере, потом в Москве, затем они снова разъехались в разные концы республики.

Петра Алексеевича сначала послали чрезвычайным комиссаром ВЦИК и Совнаркома по Западной Сибири и Средней Азии, потом его избрали председателем ЦИК Туркестана, но вот образовался новый фронт, и он возглавил Революционный военный совет.

Мартына Петр Алексеевич знал еще по Латвии. Он закончил Рижский политехнический институт, несколько лет руководил военной организацией латышских большевиков. В ту пору они и познакомились.

— Мне необходимы люди! — сразу обратился Мартын к Кобозеву.— Партийцы, проверенные делом! Я не-

медля должен развернуть фронтовую ЧК, а четыре человека, которые со мной приехали...

Кобозев тронул пальцем седеющую бородку.

— В Москве, Петрограде, других промышленных городах идет мобилизация коммунистов. Люди будут.

Кобозев предложил ему проехаться по городу: они с Данишевским покажут ему Казань.

Втроем сели в открытый автомобиль.

Город стоял у Волги, на холмах, и автомобиль то, пыхтя, взбирался по крутым улицам, то бесшумно спускался вниз. Над всеми зданиями возвышался кремль с золочеными макушками церквей, многоярусными башнями. Кобозев называл их: башни — Спасская, Сююмбеки, церковь — Благовещенская.

— Кроме чудес архитектуры в кремле еще и «чудеса» современного момента: в нем окопался сербский батальон. Слава богу, не выступает против Советской власти, но и на фронт отправляться не желает.

Свернули на окраины, где стояли корпуса заводов и фабрик.

— Мыловаренный — братьев Крестовниковых, текстильная — Алафузовых, пороховой, кожевенный, свечной,— перечислял Кобозев.— Не выкорчевано еще влияние меньшевиков. Глаз да глаз нужен за пороховым заводом — белогвардейцы могут взорвать.

Автомобиль побежал вдоль железной дороги, где выстпулись одноэтажные дома.

— Примечай,— обратил внимание Мартына Кобозев,— почти в каждой усадьбе два дома: один для дачников, второй для хозяев. А кто сейчас дачники? Бывшие офицеры. Более двух тысяч лишь зарегистрированных. Можешь представить, сколько незарегистрированных.

«Веселенькая экскурсия,— подумал Мартын.— Беглый осмотр, а сколько возникло проблем. И все нужно решать!

А как решать? Со мной лишь четыре человека... Казань должна быть оплотом красного фронта. Пока она как редиска: лишь снаружи красная, внутри — белая».

— Мне необходимо знать ваше откровенное мнение о командующем,— обратился Мартын к Кобозеву и Данишевскому.

— Тут первое слово Герману *. Сколько я знаю Вацетиса? Неделю.

Данишевский был на четыре года старше Лациса, но выглядел моложе не только седеющего Петра Алексеевича, но и того же Мартына. Дело не только в том, что он не носил усов и бороды, природа наделила его румянцем, который не смогли стереть ни тяготы подполья, ни бедствия тюрьмы и ссылки. Выше среднего роста, худощавый, он был таким стройным, что близкие друзья называли его Березкой.

— Один его чин — полковник генерального штаба,— начал Данишевский,— содержит в себе противоречия. Благодаря этому чину он может командовать фронтом, но этот же чин, естественно, вызывает у нас недоверие. Батрацкий сын, он с упорством латышского крестьянина пробивался в военную элиту, однако сразу добровольно перешел на нашу сторону. Во время подавления левоэсеровского мятежа Подвойский и Муралов вначале поручили ему лишь составить план подавления мятежа, а командовать войсками — командиру бригады, его подчиненному. Сказалось недоверие к полковнику генерального штаба. Понимаете, какая это была пощечина? И все же Вацетис честно выполнил поручение. К счастью, командир бригады, увидев, насколько сложна ситуация, попросил освободить его от этой обязанности. Подвойскому и Муралову оставалось одно — поручить командование Вацетису. И, как мы знаем, он настолько хорошо

* Герман — подпольная кличка Данишевского.

справился со своей задачей, что Ленин рекомендовал его главнокомандующим самым важным фронтом. Вот почему я — за доверие к нему.

Мартын сказал, что, пожалуй, отцу родному трудно дать более точную характеристику. Сообщил особую просьбу Ленина: никакой бестактности по отношению к Вацетису!

IV

Когда Кобозев и Данишевский знакомили Мартына с казанскими делами, как-то случилось, что забыли о Волжском разбойнике. Но он сам поспешил напомнить о себе: его молодчики учинили драку с красноармейцами из татарского полка, который именовался Мусульманским.

Трофимовскому приглянулась молоденькая татарочка, и он приказал силой доставить ее на флагманское судно, как именовал свой корабль. Брат девушки служил в Мусульманском полку и вместе с товарищами бросился выручать сестру. Разгорелась драка, которая не перешла в вооруженную схватку лишь благодаря вмешательству латышских стрелков.

Вечером собрался Реввоенсовет. Кобозев в этот день приехал из Свияжска, где находился единственный в округе мост через Волгу.

Мартын удивился, как это до сих пор не прибрали к рукам Волжского разбойника. Вацетис объяснил, что это не так просто. У него три парохода, две баржи, свои орудия, лошади; артиллерийский огонь он может вести и с кораблей и с суши. Чтобы с ним справиться, пришлось бы начать настоящее сражение. А это обошлось бы слишком дорого. К тому же есть надежда «вылечить» Трофимовского и его вольницу. Трофимовский из уральских казаков, храбрец, на войне с германцами получил два

Георгиевских креста, отличался бунтарским духом, чуть не угодил под военно-полевой суд. Потому и примкнул к красным со своим отрядом. Командовал смело, грамотно. Однако вскоре каждую победу начал отмечать пьяными оргиями.

— Лекарство тут одно — передовая! — заключил Вацетис.

Реввоенсовет решил направить в отряд Трофимовского комиссара. Но кого послать комиссаром? Члены Военного совета настаивали, чтобы это был чекист из группы Лациса. Мартын ничего не имел бы против, однако его группа очень уж малочисленна.

— Понимаю,— соглашался с ним Кобозев,— но там нужен не просто преданный большевик, не просто смелый человек, нужен как раз чекист, который сумеет разобраться в сложной обстановке, в случае острой необходимости принять самые решительные меры.

Фронту необходима была хорошо вооруженная, мобильная часть Трофимовского. И Мартын решил направить туда Покотилова-младшего. Настало уже время шагать ему без поводыря. «Пчела не дает меда, пока ползает по цветам»,— подумал Мартын латышской поговоркой.

Вацетис вызвал Трофимовского к себе.

Трофимовский решил взять с собой начальника штаба Судрабиня. Но тот убедил, что его присутствие принесет лишь вред: узнав в нем земляка, главнокомандующий предъявит ему куда большие требования, чем любому русскому.

В этом был свой резон, но главное — Судрабиню уже было известно, что председателем «чрезвычайки» фронта назначен Мартын Лацис, а ему до поры до времени не хотелось попадаться тому на глаза.

Порог кабинета главнокомандующего Трофимовский переступил не так, как любой другой командир — без

опаски или робости, переступил со всей широкой вольностью. Никакой остановки у стола порученца. Никаких жалких слов: «прибыл», «доложите»... Порученца будто не заметил, рукояткой плетки ткнул в дверь и застыл в дверном проеме: вот, полюбуйтесь на мой живой портрет, вроде бы как в настоящей раме.

Короткие, кривые ноги держали непропорционально длинное сильное туловище с длинными сильными руками. Крупный горбатый нос придавал значимость заурядному лицу. Одет ярко — преобладал красный цвет.

Почти полминуты простоял Трофимовский у порога. Те трое, находившиеся в кабинете, вполне могли рассмотреть его и понять — не чета он другим командирам. Как же поразил Трофимовского крупный бородатый человек, видать, начальник, но не самый главный — главный как хозяин сидел за столом, а этот с молодым парнем прилепился сбоку,— как же поразил он окликнув:

— Что вы застряли, Трофимовский, не смущайтесь, проходите!

Одной этой фразой сбил Мартын апломб с Волжского разбойника. Неожиданно для самого себя тот как на церемониальном марше, высоко подымая ноги, придерживая левой рукой шашку, шагнул прямо к столу. Стал, пристукнул каблуками, звякнул шпорами.

— Товарищ главнокомандующий фронтом! Командир революционного полка Трофимовский явился по вашему приказанию!

Пожал протянутую Вацетисом руку.

— Знакомьтесь,— сказал ему Вацетис,— председатель Чрезвычайной комиссии фронта товарищ Лацис.

Бородатый, поднявшись, оказался еще выше, чем предполагал Трофимовский.

— А это,— представил молодого парня,— товарищ Покотилов — ваш комиссар.

Последние слова произвели на Трофимовского такое впечатление, будто шрапнель просвистела над головой.

— Комиссар? Мой комиссар? — протестуя и возмущаясь, воскликнул он. — На кой мне комиссар? Я сам революционер! Я создал революционный полк! Под моей командой полк отважно сражался! Бил врага, добывал победы...

— Вот-вот,— остановил его Лацис,— сражался, бил, добывал — все в прошлом, а комиссар, надеемся, поможет вам из прошлого перебраться в сегодняшний день, снять с когда-то славного вашего имени грязную вывеску: Волжский разбойник! Надеемся, поможет!

Вацетис приподнялся, положил руки на лежащую перед ним карту.

— Подойдите сюда, Трофимовский.— Пальцем показал, чтобы тот обогнул стол.— Карту читаете?

— Неужто лапоть из прелого лыка?

— Смотрите сюда. Вот Казань. Вот Волга. На кораблях спуститесь вниз. Здесь,— ткнул острием карандаша,— где впадает Кама, бросите якоря, высадитесь и займете позиции. По всем правилам: роете окопы в полный рост, для пушек — огневые позиции. Наблюдательный пункт, командный. Сегодня вторник. Среда и четверг на подготовку. Привести в порядок оружие, суда. В пятницу на рассвете выйти.

— Без женщин и без водки! — грозно предупредил Мартын.

V

Люди на берегу махали руками, провожая корабли. Ветер тоже снялся с якоря, догнал флотилию и ответно замахал провожающим цветными флагами расцвечивания. На первом пароходе играл духовой оркестр. Играл любимую

песню Трофимовского о Стеньке Разине, который на расписных челнах выходил на простор волны. Разин — на челнах, а он, Трофимовский, на кораблях, да еще с пушками.

В кильватерную колонну вытянулись за флагманом пароходы и баржи. Никому другому — ему пришла мысль использовать суда. И теперь кое-что придумал, чтоб и командующего с главным чекистом ублажить и продолжить сладкую жизнь. Правда, подсказал начальник штаба. У него в голове сметки на десятерых.

Судрабинь уклонился от знакомства с комиссаром Покотиловым, пока корабли не покинули пристань. От Трофимовского он узнал, что комиссара им навязали Вацетис и Лацис. Но понимал, что беспартийный командующий здесь ни при чем, назначил Лацис. А так как не хотел встречаться с Лацисом, не следовало, пока не покинут Казань, и Покотилову знать о Судрабине.

Около часа беседовал Мартын с Иваном Ивановичем, отправляя его в этот вертеп. Вот как назвал он отряд, чтобы Покотилов помнил, был настороже. И в то же время не все там развращены, есть люди, на которых можно опереться. Найдет их комиссар, значит, сумеет чего-то добиться. В этом первая и самая главная задача.

Но вот Иван Иванович оказался на корабле. Чужие люди, враждебные взгляды. К тому же приметил слежку. Поди попробуй проверить, у кого тут какая совесть. Собрал митинг, представился, сказал речь. Ему показалось длинную — минут на пять — семь. Все, что следует, вложил в короткие фразы: про международную революцию, про текущий момент, о положении на фронте, о боевой задаче. Но чувства в слова не сумел вложить. Они дребезжали холодно, будто кровельное железо.

Обрадованный Трофимовский съязвил:

— Не из говорунов ты, как же угодил в комиссары?

Это и Мартын знал: младший Покотилов не из говорунов. Потому-то посоветовал ему приглашать к себе в каюту бойцов для знакомства. Узнавать: откуда родом, какого сословия, как попал в отряд, где участвовал в боях, и искать дорожку, чтобы поближе к сердцу.

Решил Иван Иванович начать знакомство с артиллеристов. Пушкари народ степенный, даже в вертепе должны быть почище других.

Пригласил начальника первого орудия. Дядька годов тридцати пяти с неожиданной фамилией Жаба. Ответил на вопросы, а потом без обиняков: «Хочешь по душам — ставь на стол. Всухую душа не раскрывается».

Вот тебе и степенный!

Заряжающий Брускин оказался лет на десять моложе. Но до того мрачный! Выдавил, что родом здешний, и замолк. Попробовал было Иван Иванович его разговорить, так у самого язык на привязи.

— Мы с тобой как двое глухих,— наконец сказал он.— В другой раз побеседуем.

И тут Брускина неожиданно прорвало:

— Когда в другой раз? Я пришел, чтобы за Советскую власть... а не чтоб Трофимовского в царьки возводить!

Побеседовал Покотилов еще с десятком бойцов. Один из них, уральский мастеровой Степан Кардашев, заявил, что хочет перейти в другую часть: тут не красному флагу над кораблем виться, а красному фонарю висеть, как в публичном доме!

— Оставайся, будем собирать еще таких, кто печется о революции.

Когда корабли отчалили от берега, тут-то и подошел к комиссару Судрабинь. Представился.

— Я — латыш. Вам о чем-то это говорит?

— Еще бы! Латыши, которых я знаю, непоколебимые!

— Очень точно! — прислушался к звукам оркестра,

который продолжал играть песню о Разине.— А вы перещеголяли Стеньку Разина. Он выкинул за борт одну княжну, а вам удалось несколько десятков. Правда, княжнами их не назовешь.

— Вы против?

— Я начальник штаба, военспец. Лучше других понимаю, к чему ведет распущенность. Но что мог сделать? За моими плечами не стоит партия большевиков, как за вашими. Возможно, вам и Трофимовского удастся взнуздать?

— Должен помочь ему. Чтобы отряд стал боеспособным.

— Это и моя цель. Тогда будем рука об руку. Кстати, вы товарища Лациса хорошо знаете?

— Знаю,— осторожно ответил Иван Иванович.

— Вместе с ним приехали из Москвы?

«Незачем тебе знать, что я чекист». Вслух ответил:

— Он сам по себе, я сам по себе. А вы знакомы с товарищем Лацисом?

— С одним знаком, но в Латвии Лацисов много. По-русски это медведь. Ваш похож на медведя?

— Кому как. Мужчина крупный.

Судрабинь решил, что для первого раза расспросов хватит. По сдержанным ответам комиссара заключил, что скорее всего тот чекист, значит, не следует вызывать у него подозрений.

До позиций флотилии еще плыть да плыть. А чем заняться Ивану Ивановичу? В отряде — ни одного большевика. Что же это за часть Красной Армии без ячейки... В первом же бою многие раскроются, но и сейчас нужно выявлять сочувствующих.

Увидел Степана Кардашева. Сбросив гимнастерку, тот сидел на палубе и чистил винтовку. А вокруг — кто курил и точил лясы с приятелями, кто лежал кверху пузом, кто распевал песни.

Иван Иванович подошел к Кардашеву. Присел рядом.

— Хоть один человек занят делом.

— Жена и мать родная,— провел рукой по прикладу.— Не к теще на блины едем.

— Мало я тебя, Степан, знаю, но других еще меньше. Можешь ты мне сказать о своем отношении к большевикам? — про себя подумал: «Не умею я с подходом, прямо молотком по лбу».

Однако ответ получил искренний:

— Не в ту компанию попал, а то непременно состоял бы.

— Считай, беру я тебя на прицел. Будем сколачивать ячейку.

Вдруг Кардашев вскинул голову, прислушался:

— Вроде бы ход сбавили. Смотри, к берегу повернули.

Иван Иванович глянул — пароход в самом деле причаливал. Пристань. Прочитал вывеску: «Нижний Услон». Он запомнил по карте весь путь флотилии. Сюда от Казани не больше пятнадцати верст. Почему вдруг? На берегу толпа. Бросился к Трофимовскому. У двери каюты — телохранитель.

Отстранил его рукой и через порог. Трофимовский одевался.

— Почему пристаем?

— Понятия не имею. Давай выйдем, посмотрим. Сам знаешь: есть в полку самовольщики. Сейчас мы их...

Пароход уже стоял у берега. По трапу под присмотром нескольких бойцов всходили женщины.

— Ах, сукины сыны! — наигранно рассердился Трофимовский.— Обманули нас с тобой. Что ты с ними сделаешь, не могут без баб! И откуда выкопали?

— Стыдись спектакль разыгрывать!

— Побей меня гром! Не будь я революционер, перекрестился бы.

— Тогда прикажи: немедля их назад! На берег!

— Кто ж меня послушает? Только озлоблю всех. Каждый думает: может, последний раз перед смертным часом прижму бабу. Да разве нам с тобой жалко? Пусть побалуются.

— Тогда я сам! — Иван Иванович схватился за маузер. Трофимовский остановил его руку.

— Обезоружат. Опозорят. Что тогда?

На палубу одна за другой поднимались молодые женщины. Трофимовский жадно всматривался в них.

— Комиссар, ты из чего сделан, из железа или трухи? Неужто тебе не кортит? Только руку протяни. — И, не ожидая ответа, сам протянул руку к молоденькой девушке.

— Эту мне! — приказал стоявшему вблизи телохранителю.

Глаза Трофимовского впивались в каждую женщину.

— Эту отделить! — снова воскликнул. Но видать, не доверяя полностью глазам, щупал пальцами, приговаривал: — Хороша телочка!

Иван Иванович стоял, подавленный своим бессилием.

Женщин погрузили на судно, убрали трап, и оно двинулось дальше вниз по Волге. А Трофимовский распорядился:

— Баб вымыть, нарядить и, само собой, покормить!

Перед Иваном Ивановичем вдруг мелькнуло девичье лицо. Словно помимо воли поднял глаза. Бледное лицо показалось знакомым. Даже дрогнуло что-то в груди. Но чья-то спина заслонила девушку. Кто же это? Почудилось, наверно. В Казани ни одной знакомой. Обознался. От расстройства, должно быть. Вот оно зло в самом неприглядном виде, и он вынужден отступить.

Вечер накрыл Волгу густой синевой. Солнце почти утонуло за горизонтом, но лучи продолжали проклады-

вать огненные трассы, пытаясь поджечь большое фиолетовое облако левее корабля. Слишком плотным, наверно, было оно, и лишь пепельные его края вспыхнули и загорелись. Реку, оба берега, совершенно пустынные, окутала полная тишина. Но пьяные возгласы, песни, смех, звуки духового оркестра, вся эта разнузданная какофония, несущаяся с судна, взрывала тишину на много верст вокруг.

Спать Иван Иванович не ложился. Да и не заснул бы. Сидел писал письмо товарищу Дяде. И, конечно, не ждал этого стука в дверь. Он распахнул ее.

Ангелина! Ангелина Корсакова.

Вмиг вспомнил далекую ночь в Петрограде, девушку с саквояжем, набитым прокламациями, комнату в Смольном, где как следует рассмотрел ее. Потом не один раз всплывало в памяти ее лицо, и он ругал себя, что не может забыть. А сейчас от неожиданности замерло дыхание. И сам он замер.

Свет из каюты упал на Ангелину. Глаза полны злобы, рот искривлен, щеки багровые. Платье разорвано.

Ангелина уперлась руками в дверной косяк.

— Нет! Не хочу!

Боец сграбастал девушку, приподнял, вбросил в каюту.

— Приказано в полное ваше распоряжение!

Девушка устояла на ногах, кинула взгляд на постель и метнулась в противоположную сторону, прижалась к стенке.

— Не бойтесь, барышня, вас никто не тронет,— взволнованно предупредил Иван Иванович.

— Не подходите!

— Не собираюсь. Вон стул, передохните.

Но Ангелина не села. Судорожно стянула край разорванного платья. Длинные ресницы взмахивали, будто крылья подбитой чайки. Да и сама она походила на подбитую птицу.

Как успокоить ее? Она сейчас не поверит никаким словам. И тут взгляд его упал на маузер, лежащий на столике, у которого стояла Ангелина. Всегда такой осмотрительный, он протянул руку и показал на пистолет.

— Посмотрите туда!

Девушка глянула, однако глаза ее, затуманенные яростью, ничего не приметили.

— Успокойтесь и посмотрите внимательней. Возле вас лежит мой маузер. Другого оружия у меня нет. Если я сделаю к вам хотя бы один шаг — стреляйте.

Ангелина схватила увесистый пистолет.

— Стрелять? В вас?

— Больше не в кого.

Она присела на край стула, двумя руками придерживая пистолет на коленях.

Несколько минут длилось молчание. Иван Иванович наблюдал за ней. Напряжение, охватившее ее, не спадало. Отчаяние и ненависть сквозили во взгляде, в нервных движениях.

— Не смейте подходить ко мне! Вы самый коварный дьявол в этом аду!

— Что ад здесь — верно, а вот насчет дьявола — ошибка. Назначен, чтобы навести порядок. Но нахожусь всего двое суток. Ничего не успел.

— Ни одному вашему слову не верю! Ни полслову!

— Обидно. Очень даже.

Ангелина была так взвинчена, что до нее не сразу дошла эта реплика, а когда дошла, она удивилась:

— Обидно? Так важно, что я о вас думаю?

— То-то и оно, уважаемая барышня! Я до вас пальцем не дотрагиваюсь и оружие свое отдал. Выходит, верите вы только буржуазному классу. Как тогда, в

Петрограде. Хорошо вас тогда отблагодарили господа Громовы? Открестились руками и ногами.

Ангелина вскочила, и маузер с грохотом упал на пол.

— Вы тот... тот...

— Вспомнили?

Она рывком подняла пистолет, положила на столик. Словно не веря себе, повторяла:

— Вы тот... тот...

— Как вы сюда попали? — спросил Иван Иванович.

Ангелина медленно приходила в себя и долго молчала, прежде чем заговорить, но взбудораженное дыхание рвало фразы, укорачивало их.

— У мамы в Казани брат. Преподаватель гимназии. Был преподаватель. Мы приехали, а он умер. И мы остались... Вдвоем. А на пароход? Шла по улице, вдруг повозка. Крытая, как у цыган. Подскочили двое солдат — кляп в рот. А в повозке еще четверо... Долго везли. На пристани еще женщины, девушки. Потом пароход. В толпе приметил офицер. Он сказал, что офицер и что хочет меня спасти. Запер в каюте и ушел. Вернулся пьяный... Порвал платье,— она плотнее запахнула его. — Тут я увидела на полочке нож. Схватила. Понял: убью! И отправил к вам. А нож не отобрал,— остановилась и сама у себя спросила: — Почему не отобрал? Забыл? — Она вынула из-за корсажа небольшой кинжал, протянула Ивану Ивановичу. — Спасибо богу, что ниспослал вас. Будь другой комиссар... Попытайся он... Я бы вонзила...

— Любой комиссар-большевик никогда не спасильничает!

— Что ж, по-вашему, все большевики...

— Да, все! Фальшивый, возможно, проберется, так то фальшивый. — Убежденность слышалась в каждом слове.

— Как вас зовут? — спросила неожиданно.

— Иван Иванович. Можете — просто Иваном, Ваней.

— Что вы, комиссар и — просто Ваня! — Ангелина почувствовала себя в безопасности.

И ему впервые в этот тяжелый день стало легче. Однако это облегчение немедленно сменилось озабоченностью: что будет с Ангелиной завтра?

— Нужно вам уходить отсюда. До утра исчезнуть. Они тут на все горазды.

Ангелина почувствовала искреннее его беспокойство.

— Вы хотите мне помочь?

— А как же! Само собой...

Если бы не стеснялся Иван Иванович, ни на минуту не отрывал бы взгляда от худенького лица. Даже ушко с розовой мочкой казалось ему особенным. А носик прямой, словно выточил большой умелец. Еще тогда, в Смольном, приметил: каждая черточка в ней самая соразмерная, самая милая.

— Кончать приходится разговоры,— в очередной раз заставил себя отвести взор от девушки.— Пойду к капитану, прикажу причалить к берегу.

— А вы? Они же вас убьют. Давайте вместе...

Иван Иванович посмотрел на Ангелину как на малого ребенка.

— Спасу отряд — сам спасусь.

— Как? Что же вы сможете? Один... Я прошу...

— Очень обрадован вами. А насчет одного... Где массы — большевик один не останется. Я запру каюту, чтобы никто случайно... Вернусь скоро.

Вернулся действительно скоро. С порога сказал удовлетворенно:

— Капитан сочувствует нам. Правда, головорезов боится, но сделает, что сможет. К самому берегу сейчас не подойти, доставит поближе, где мелко. Намокнете, конечно, но до берега доберетесь.

— Я и плавать умею.— Ангелина подняла руки, показывая, как в случае необходимости поплывет. На мгновение концы разорванного платья разошлись, и Ивана Ивановича, будто молния, ослепило обнажившееся тело. Он сомкнул глаза и опустил голову.

Ангелина сейчас же закрылась, но от нее не ускользнуло смущение юноши. Она прошептала:

— Как бы я хотела, чтобы мы вместе...

— И я,— вырвалось у него.

— Так давайте!

— Нет, не убегать вместе, а...— потупился и поспешно полез в карман.— Вот вам деньги. Добраться до Казани.

Ангелина не отказалась, у нее не было ни копеечки. Иван Иванович быстро расстегнул ворот гимнастерки, снял ее, протянул Ангелине.

— Велика, но меньшей нет. А как-никак, прикроет.

И снова Ангелина не стала возражать. Она утонула в гимнастерке, рукава повисли до колен, Ангелина встряхнула ими и тихо засмеялась. Ее смех разрядил гнетущую атмосферу. И Иван Иванович улыбнулся. Рукава она подкатала, Иван Иванович дал ей пояс, и, хоть мешковата все же на ней гимнастерка, перед ним стоял очень даже красивенький солдат.

— Не могли бы вы зайти к моему начальнику?

Ангелина ответила не сразу, потом решительно кивнула головой.

— Обязательно!..

— Тогда передадите ему письмо.— Иван Иванович подошел к столу, быстро дописал несколько строк.— Расскажите все, что здесь видели.

— Да, да, самым подробным образом.

— О Трофимовском предупредите: неверный человек, всякое может. А еще спросите, как отца повидать. Тоже

Иван Иванович. Мы вместе тогда задержали вас. Передайте сыновний привет, и пусть будет спокоен.

На палубу вышли молча. Разгульное пиршество закончилось, и с разных сторон доносился храп десятков людей, не сумевших добрести до своих кубриков. Пароход остановился почти у темного берега. Иван Иванович сам спустил трап, быстро снял сапоги и спрыгнул прямо в звезды, будто упавшие в Волгу. Вода дошла до пояса. Протянул руки, взял девушку за талию и легко понес к берегу. Сзади мерно вздыхал пароход.

«Еще уйдет»,— испугался Иван Иванович. Опустил Ангелину в воду. От неожиданности она ойкнула, подхватила подол.

— Прощайте! — поспешно промолвил Иван Иванович.

— До свидания. Мы еще увидимся,— и тихо добавила: — Ванечка...

VI

Лацису для его комиссии предоставили двухэтажный дом на Гоголевской улице.

Деятельность ЧК Восточного фронта распространялась на многие губернии — на Пермскую, Вятскую, Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую, Уфимскую, Оренбургскую и еще на Арзамасский уезд Нижегородской губернии. А в доме чекисты заняли лишь пять комнат. Мартын перевел несколько большевиков из Казанской ЧК; по одному, по два человека по его требованию прислали комиссии из других городов, и все же сотрудников не хватало. А работы с каждым днем становилось все больше.

Первый приказ войскам, который подписал Вацетис как главнокомандующий, заканчивался словами: «Впе-

ред! Забудьте об отступлении!» Но что он получил в наследство от Муравьева? Плохо дисциплинированные отряды, командиры которых действовали на свой страх и риск, не подчинялись вышестоящим штабам, да и штабы эти не были укомплектованы, нередко в них сидели офицеры-антисоветчики. Нельзя было победить, не сведя разношерстные отряды в роты, батальоны, полки, дивизии, не возглавив их умелыми командирами, не сцементировав революционной дисциплиной и, конечно же, не очистив от затаившихся врагов и шпионов.

Новый главнокомандующий, члены Реввоенсовета, командующие и комиссары армий делали все, что могли, но успех не мог прийти сразу.

Не было не только резервов, не хватало бойцов, чтобы занять линию фронта. 3-я армия, действовавшая в районе Екатеринбурга, растянулась на восемьсот девяносто три версты.

И все же в конце июля и в начале августа на ряде участков удалось остановить противника. 1-я армия, которой командовал двадцатипятилетний Тухачевский, начала наступление на занятый белыми Симбирск. Приступили к активным действиям 2-я и 4-я армии.

Особые надежды возлагал Вацетис на полки латышских красных стрелков, которые должны были стать хребтом фронта, но, кроме 5-го полка, остальные были все еще в пути.

А Лацис не мог ждать подмоги.

В районе действий 4-й армии задержали офицера, перешедшего линию фронта. Он назвал себя Сумраком Анатолием Павловичем. Поручик. Был ранен в ногу, недавно вышел из госпиталя, поэтому прихрамывал, опирался на палку. Заявил, что не желает больше участвовать в братоубийственной войне, решил добраться до

Казани, где его ждет невеста, жениться и зажить мирной жизнью.

Версия могла быть правдивой, но в такой же степени и лживой. В штабе, куда привели Сумрака, оказался Иван Иванович-старший, который приехал организовать армейскую ЧК. Обыскали офицера — ничего подозрительного, попросили показать, куда ранен,— пожалуйста: на ноге свежий след раны. Что ж, никаких вроде оснований задерживать. Наверно, в самом деле осточертело воевать. Еще легко отделался, мог совсем потерять ногу, а то и голову.

Для проформы, перед тем как отпустить, Иван Иванович взял у него подписку, что никогда и ни при каких обстоятельствах не подымет оружие против Советской власти. И тут обратил внимание на то, что поручик вроде бы боится выпустить палку из рук. Почему? А палка обыкновенная, ничем не примечательная, набалдашник, пожалуй, красивый, из кости, наверно, слоновой.

— Ладный посошок,— заметил Иван Иванович,— позвольте посмотреть.

— На что тут смотреть,— равнодушно сказал офицер, поднялся, опираясь на палку, и, хромая, зашагал к двери.

— Вернитесь! — приказал Иван Иванович.— Сядьте!

Что-то подсказывало ему: возьмет палку, повернет набалдашник, и он отвинтится. Попробовал повернуть — не поддается. И тут почувствовал, как тяжела палка.

— Деревянный посошок, а весит, будто из железа.— Иван Иванович с интересом посмотрел на Сумрака. Но тот нисколько не растерялся.

— Вы правы. Эта порода дерева так и называется — железная, или самшит, растет на Кавказе.

Иван Иванович снова взвесил палку на ладони.

— На Кавказе не бывал, дерева такого не видывал, но что есть порода под таким названием — верю. Поверьте

и вы мне — стреляный я воробей. Вот и любопытствую: сами откроете «секрет» и вынете запрятанное или заставите меня?

— Уверяю вас, никакого «секрета»!

— Это вы напрасно. Я же собирался вас отпустить. Коль ничего там особенного, сразу — на все четыре стороны. Иначе поедете в Казань под присмотром.

Так вот и поехал. Под присмотром самого Ивана Ивановича и красноармейца.

По мандату Покотилову отвели отдельное купе. И он со всей обстоятельностью приступил к осмотру палки. Старого мастера не проведешь. Искусно был упрятан «секрет». Но он все же обнаружил его и снял набалдашник. Сунул внутрь указательный палец, нащупал металлический кругляш.

Офицер безучастно смотрел на манипуляции Ивана Ивановича. А тот перевернул палку и оттуда посыпались золотые царские десятки. Пересчитал их Иван Иванович — сто монет. Тысяча золотом.

— Уверены были, что обнаружите контрреволюционную крамолу,— усмехнулся поручик.— Но золото, оно над всем — над революцией, над государством. Это — мое состояние, которое даст мне возможность безбедно прожить с женой, пока в России не настанет порядок. Естественно, я не хотел, чтобы оно попало к вам в руки.

Объяснялся он без волнения, без тревоги, скорее всего с грустью: вот как печально для него все сложилось.

Но Иван Иванович уже не сомневался: ловкая ложь. Золото не иначе как для контрреволюционного дела.

Допрашивая многочисленных белогвардейцев, Мартын, естественно, изучал их поведение. Как ни странно, оно во многих случаях было стереотипным. Люди различных характеров, возрастов, чинов на допросах часто вели

себя почти одинаково. Начинали с решительного отказа в какой-либо причастности к антисоветским заговорам, кто дольше, кто короче держался на этой ноте, а затем сбавляли тон, начинали каяться, а заодно топить своих сотоварищей.

Поручик Сумрак располагал к себе спокойствием, окрашенным печалью, на которую уже обратил внимание Иван Иванович-старший. Он не шарахался от версии к версии. Мягко, но настойчиво стоял на своем.

Его невесты Фокиной Ольги Степановны, двадцати лет от роду, не оказалось по адресу, указанному им? Еще одно подтверждение того, как ему не везет. Буря, охватившая Россию, словно опавшие листья разбрасывает людей в разные стороны. И Оленька уехала куда-то. А возможно, она в Казани, перебралась на другую улицу. Вот бы разыскать ее. У ЧК столько возможностей. Дать например, объявление в газете. Правда, в ЧК она прийти побоится. Но можно указать другое советское учреждение. Он был бы по гроб благодарен, в Казань ведь пробирался исключительно ради нее.

Но Мартын тоже решил, что россказни о невесте лишь ширма. Сумрак должен попытаться установить связь с кем-то из сообщников. Возможность у него одна: уговорить часового передать записку. Мартын проинструктировал одного из часовых, молодого сметливого парня, как вести себя, чтобы у поручика зародилось к нему доверие. И тот клюнул. Вскоре перед Лацисом лежало зашифрованное короткое письмо. Он расшифровал его: «Арестован Чека. Нахожусь в Казани. Следите за газетными объявлениями. Моя невеста Фокина Ольга Степановна, 20 лет, должна откликнуться и явиться на вызов».

Квартира Бориса Николаевича, которому часовой должен был доставить письмецо, оказалась на той же Гоголевской улице, что и Чрезвычайная комиссия. Поко-

тилову-старшему не пришлось далеко ехать. Бориса Николаевича застал дома, вручил послание, а когда тот поблагодарил и попросил передать, что все будет сделано, арестовал и увез с собой.

Теперь Мартын твердо убедился: никакой невесты у Сумрака нет. Любая интеллигентная девушка лет двадцати на вид вполне сойдет за нее.

И такая девушка, будто специально предназначенная для этой роли, сама явилась в ЧК лично к Мартыну Лацису.

Это была Ангелина Корсакова. Она выполнила свое обещание Ивану Ивановичу-младшему.

Ангелина подала письмо.

«Какая хорошенькая»,— мелькнуло в голове. А так как все мысли его были связаны с тем, что сегодня особенно занимало, он подумал: вот кто мог бы сыграть роль невесты поручика! Но сказал другое:

— Товарищ Покотилов пишет: «Ей можно верить!» Далеко не о каждой так напишет чекист. Чем же вы завоевали его доверие?

— Должно быть, тем, что собиралась всадить в него нож.— Она сама не смогла бы объяснить, почему ей легко и просто разговаривать с самим председателем ЧК.

— Пожалуйста, расскажите все по порядку.

— Если по порядку, необходимо начать с ноябрьского вечера прошлого года в Питере.— Ангелина поведала о неожиданно настигших ее красногвардейцах, о саквояже, набитом прокламациями, содержание которых узнала позже, о том, как разочаровалась в Громовых.

Этот вечер, как она теперь понимает, оставил зарубку и в памяти, и в сердце, и на совести. Она не раз размышляла о нем, но как-то без серьезных выводов. Только после того, что случилось на пароходе, обо всем глубоко задумалась. Возможно, потому, что и тогда и теперь в событиях участвовал Иван Иванович.

— Я должна вас предупредить: там, на пароходе, коварные и распущенные люди. Они могут его убить.

— Могут.

— Вы это знаете?

— И я, и его отец. Чекист все время подвержен опасности.

Когда Ангелина закончила рассказ о том, что видела и пережила на пароходе, Мартын спросил:

— Для чего, по-вашему, мы направили туда товарища Покотилова?

— Чтобы разоблачил мерзавцев, привлек их...

— Это далеко не главное. Для нас не секрет художества Трофимовского и разнузданность в отряде. Нам важно спасти людей, очистить, как говорится, от скверны их души. Первая наша задача не наказать, а избавить от необходимости на-ка-зы-вать.

Разговаривая, Мартын все время думал: посвящать ли девушку в историю с поручиком Сумраком? А коль посвятит, согласится ли она сыграть роль его невесты? Очень уж, внешне во всяком случае, подходит для такой роли. И без перехода начал:

— На днях мы задержали офицера, который перешел линию фронта. Нашли у него крупную сумму денег в золотых монетах. Объясняет: пробирался в Казань к невесте. Надоело воевать, хочет жениться и спокойно жить. А деньги — чтобы не бедствовать. Можно поверить офицеру?

— Полностью!

— И мы склонны были. Но выяснилась одна деталь: у офицера нет здесь никакой невесты. Невеста — выдумка, а он сюда со своим золотом держал путь с совсем иной целью.

Неожиданный поворот смутил неопытную девушку.

— Врет он, да?

— Получается, что врет. И мы должны его в этом уличить, чтобы признался, какова истинная цель. К нам попала записка офицера, адресованная его соучастнику. Он просит прислать девушку примерно двадцати лет, она назовется Фокиной Ольгой Степановной и подтвердит, что является невестой поручика Сумрака Анатолия Павловича.

— И эту невесту должна изобразить я? — догадалась Ангелина.— Но... ведь это ваши специфические чекистские дела, и мне касаться их просто не пристало.

Мартын почему-то не ожидал такого ответа. Подумал: «Действительно, зачем ей влезать в наши дела?» Но откуда все же появилась надежда, что она поможет? Ну да, это письмо Покотилова.

— Не знаю, очевидно, решил, что вам захочется чем-то отблагодарить товарища Покотилова... Извините! Ему-то лично благодарность не нужна, не ради нее выручал вас...

Ангелина отреагировала неожиданно, обиделась.

— Почему вы так уверены, что не нужна ему лично? Если бы он попросил... Для него... Это дело совсем иное.

— Однако товарищ Покотилов не просил, да и я напрасно... Ни к чему вам все это. Сами понимаете: об этом нашем разговоре... — приложил палец к губам. — Рад, что неприятное происшествие закончилось для вас благополучно. — Встал, чтобы попрощаться.

Ангелина тоже поднялась. Вспыхнули щеки.

— Нет, я не права! — воскликнула с вызовом. С вызовом самой себе. — Я сделаю все, что вы считаете необходимым...

Словно два разных человека уживались в девушке.

— Шарахаться из стороны в сторону не станете? — и, не дожидаясь ответа, сам сказал: — Не станете!

Ангелина улыбнулась, довольная тем, что он понял ее.

Поручик Сумрак разыграл свою роль наилучшим образом. Он горячо бросился навстречу Ангелине, с радостью и нежностью воскликнул:

— Оленька!

Заключил ее в объятия.

— Ты нисколько не изменилась...Похудела, правда.

— Поручик Сумрак, вы подтверждаете, что перед вами ваша невеста — Фокина Ольга Степановна? — спросил Мартын.

— Вы же сами видели!..

— Мне необходимо ваше устное и письменное подтверждение.

— Да, это моя невеста — Фокина Ольга Степановна!

— Я записал ваш ответ. Подпишите, пожалуйста,— он передал офицеру протокол и ручку.

Ангелина с трудом дождалась, когда поручик расписался, и тут ее прорвало:

— Фокина Ольга Степановна? Ваша невеста? Как вам не стыдно! Вы лжец! Я впервые вижу вас!

Поручик оторопел. Он совершенно не был подготовлен к такой отповеди. Слова для встречи с девушкой подготовил заранее, но сейчас не находил слов.

Ангелина не могла успокоиться:

— Какое счастье, что я не ваша невеста! Быть невестой такого...

Мартын велел увести Сумрака.

Поручик заявил, что и под дулом пистолета не расскажет, зачем направлялся в Казань. Упирался и Борис Николаевич Завьялов. Мартын, готовя материалы о контрреволюционной деятельности правых эсеров, несколько раз натыкался на эту фамилию. Засада, оставленная на его квартире, задержала нескольких белогвардейцев. Они добавили более существенное: Борис Николаевич завербо-

вал их для отправки в одну из частей Красной Армии. В какую точно, не знал и сам Завялов, но подбирал он кавалеристов. Поступить должны были в распоряжение Сумрака.

Эсер, явный враг, вербует белогвардейцев для советской кавалерийской части — это что-то совершенно новое, с таким чекисты еще не сталкивались.

Необходимо было добиться, в какую именно часть и с какой целью направлялись завербованные. Медлить нельзя. Ни в коем случае нельзя медлить! И он прямо заявил Сумраку: дает ему час на размышления.

Тот сказал правду: офицеры вербуются в кавалерийский полк 4-й армии. Номер полка и его командир ему неизвестны. Знает штабс-ротмистр Буренин, состоящий в штабе 4-й армии.

— Для нас очень важно: какая задача поставлена перед кавалерийским полком? — допытывался Мартын.

— В детали не посвящен. Общая задача — открыть фронт.

— Дата?

— В августе. Точно дня не знаю.

Мартыну необходимо было еще выяснить, какая партия организует заговор.

Сумрак мог сообщить лишь: как и он сам, Буренин — эсер.

Значит, предатель в штабе, вербовщик в Казани и связной — все трое члены партии эсеров, это не могло быть случайностью.

Мартын немедленно направил Покотилова-старшего к комиссару 4-й армии и председателю армейского ЧК Петровскому. Этот молодой человек был не кто иной, как сын его друга, наркома внутренних дел Григория Ивановича Петровского.

Петровский немедленно выяснил: Буренин отбыл в Уральскую советскую дивизию. Иван Иванович знал, что

командовал дивизией чех Ярослав Штромбах. Знал, что Штромбах — большевик. Да, далеко не все чехи и словаки, сдавшиеся во время войны Германии с Россией в плен русским, вошли в корпус, офицеры которого спровоцировали восстание против Советской власти. Двенадцать тысяч их влилось в ряды Красной Армии. Многие стали большевиками.

Иван Иванович не сомневался: Буренин поехал в Уральскую дивизию по своим черным делам. Узнать бы, с кем там встречается и какие ведет разговоры.

— Сейчас постараемся,— согласился Петровский.

Они вместе пошли на узел связи, и комиссар распорядился вызвать на телеграф Штромбаха.

— К вам выехал из штаба армии Буренин,— продиктовал он телеграфисту. — С кем лично встречался, у кого сейчас находится?

Ответ пришел неожиданный:

«Буренин под арестом. Вместе с ним и конвоем выезжаю к вам».

Дивизия располагалась недалеко, и не больше как через час Ярослав Штромбах ввел в вагон Петровского низенького тщедушного человечка.

— Вербовать меня приехал,— сразу доложил Штромбах. — Я же чех, значит, по его мерке, лишь по недоразумению с большевиками. А чтобы аргументы стали весомей, добавил к ним тяжелый металл.— Комдив положил на стол мешочек и высыпал из него золотые кругляши. — Я сделал вид, будто золото ослепило меня. Вот господин штабс-ротмистр и разговорился: он возглавляет заговор в армии. В его руках Второй кавалерийский полк. Он выведет свой полк в расположение войск казачьего атамана Дутова, сообщит пароль и откроет фронт. Под видом красноармейцев дутовцы хлынут в прорыв, а вслед за этим начнется общее наступление, которое закончится разгромом большевиков. Зачем же чеху связывать свою судь-

бу с обреченными? Наоборот, он должен способствовать освободителям России. Я все выслушал, согласился и... арестовал предателя.

— Чекистская тебе благодарность, товарищ Штромбах! — Иван Иванович пожал ему руку. — А ты, господин,— обратился к Буренину,— сам понимаешь, нет у тебя другого выхода, как принести полное покаяние. Какие еще части, окромя кавполка, прибрал в контрреволюционные свои руки?

— Ничего от меня не добьетесь! — огрызнулся Буренин. — Стреляйте, вешайте, я сам уже себя распял! Доверился этому проклятому чеху! — Схватился за голову, и надсадные звуки, похожие на стон или даже вой, вырвались из груди. Он был в отчаянии: как же, главарь заговора и сам все провалил.

— Насчет чеха верно,— заметил Иван Иванович,— полная у тебя промашка, ваше благородие! Но заговор не ты провалил. Этот грех на свою душу не бери. Нам уже в Казани ваши людишки все выложили. Я сюда по прямому адресу приехал — за тобой.

Угадал Иван Иванович состояние Буренина: пусть провалилось его дело, но если не по его вине, не так ему горько. Не сразу, но отошел он и открыл все до конца. Не только в кавалерийский полк, белогвардейцы вливались в 3-ю минноподрывную роту и службу связи штаба.

Помня инструкцию Лациса — выяснить партийную принадлежность заговорщиков, Иван Иванович установил: как и Буренин, командирами этих подразделений оказались эсеры.

Опыт подсказывал Мартыну: слишком хитроумный найден ход, чтобы не использовать его в других местах. Скорей всего заговор затронул не одну 4-ю армию, подлинные его главари, возможно, окопались в самой Москве.

По распоряжению Дзержинского к поиску подключилась вся ВЧК.

И Мартын не ошибся: действовала широко разветвленная антисоветская организация эсеров.

Из Казани, из расположения 4-й армии, те самые нити, которые искали чекисты, привели в Саратов, оттуда в Петроград и Москву...

VII

Утверждают, что на большом пути и малая ноша тяжела. На большом пути Мартына никогда не было малой ноши.

Чекисты работали день и ночь. Мартын, привыкший, казалось, ко всему, похудел и осунулся. Не было ни одного «пустого» дня. Вчера закончили разоружение трех подпольных боевых дружин, отобрали пятнадцать пулеметов, сто шестьдесят винтовок, тысячу восемьсот берданок, пятьдесят бомб и пятнадцать тысяч патронов. Сегодня установили, что в легально существующие домовые комитеты входят главным образом белогвардейцы, которым дозволено иметь оружие.

Но самую крупную и необходимую операцию Мартын вынужден был откладывать со дня на день.

Кроме двух тысяч зарегистрированных бывших офицеров в Казани, как установили чекисты, нелегально жили еще более трех тысяч. Город, где находился штаб фронта, золотой запас страны, нужно было от них очистить. Но без батальона бойцов — это уже самое меньшее — такую операцию не проведешь. А Вацетис при всем желании даже полсотни красноармейцев не мог выделить. Все просил подождать: завтра-послезавтра прибудут крупные силы. Прибудут. Уже в пути. Тогда и фронт окрепнет и Лацис получит столько людей, сколько ему необходимо.

В ожидании этих сил Вацетис разработал, а Военный совет утвердил план наступления на противника.

И Мартын, набравшись терпения, ждал. Да и не было у него иного выхода.

А тут еще одна очень серьезная работа. В самом конце июля прибыл из Москвы инспектор Народного банка. Его принял Данишевский и сразу пригласил Лациса. Инспектор показал мандат:

«Предъявитель сего, инспектор Народного банка К. П. Андрушкевич, назначен комендантом по выполнению поручения Совета Народных Комиссаров особой важности, в связи с эвакуацией ценностей Российской Социалистической Федеративной Республики».

Мандат подписал Ульянов-Ленин.

В кладовых казанского банка — восемьдесят тысяч пудов золота, вывезенного из Петрограда. Естественно, Ленин беспокоился, чтобы народное достояние не попало врагу.

Немедленно собрали заседание Военного совета. Андрушкевич сделал короткое сообщение, доложил, что из Нижнего Новгорода прибывает особая экспедиция — суда для погрузки золотого запаса.

И Вацетису и членам Военного совета не так уж сложно было организовать немедленную погрузку золота. Однако каждый понимал: такая операция не останется в тайне. Узнает офицерское подполье, узнает белочешское и белогвардейское командование, и за драгоценным грузом начнется охота. Нет никакой гарантии, что его не перехватят. Еще проблема: куда везти? Ведь Казань два месяца назад была глубоким тылом, а сейчас — прифронтовой город. В Нижний Новгород? А где уверенность, что там вскоре не завяжутся бои?

Каждый слушал Вацетиса, выступавшего вслед за Андрушкевичем, и взвешивал его слова.

— Казань не может быть сдана, потому что сдавать ее нельзя ни в коем случае! — заявил он категорично. И хотя каждый член Реввоенсовета прекрасно знал стра-

тегическое положение города, Вацетис подошел к карте, висевшей на стене, ткнул толстым коротким пальцем. — Сдать Казань — значит открыть подступы к Москве. Сдать Казань — значит откатиться до Нижнего Новгорода. Таким образом, мы обязаны держать город во что бы то ни стало! Со дня на день подойдут крупные подкрепления. Мы начнем широкое наступление. Зачем же нам рисковать сокровищем республики? Нет, золото следует оставить в Казани!

Убежденность звучала в голосе главнокомандующего.

Но Мартын лучше его знал, как неустанно действуют тайные силы в тылу и на фронте. Он надеялся и на скорый подход свежих сил, и на удачное наступление, и на то, что Казань не будет сдана, соглашался, что эвакуация ценностей сопряжена с опасностью, и в то же время понимал: нужно сделать все, чтобы в случае необходимости можно было вывезти золото в самый кратчайший срок. Предложил начать подготовку немедленно.

Все члены Военного совета и инспектор банка без споров поддержали его. Согласился и Вацетис.

Было решено к пятому августа подвести к банку трамвайную колею и удлинить ее до самой пристани. Привести в полный порядок транспортные средства. Проверить и заменить испортившиеся мешки, в которых хранилось золото. Ответственность за эвакуацию возложили на Данишевского.

VIII

Чем больше Ян Судрабинь узнавал Трофимовского, тем глубже понимал, сколь превратно судил о нем раньше. Кем он вначале ему показался? Распоясавшимся самоду-

ром. Потом убедился: у него твердая рука! Но все же не сомневался: легко подчинит себе. Подчинит и заставит его, а значит, и весь отряд делать то, что нужно ему. А ему — это «Союзу защиты родины и свободы».

Судрабинь знал, что весной чекисты арестовали руководство казанской организации, но саму ее полностью ликвидировать не удалось. Вскоре в город съехались члены «Союза» из поволжских городов, где большевики подавили восстания. Находился ли в Казани Борис Савинков, ему не было известно, но по поручениям, которые получал, чувствовал — Савинков действует!

Последнее задание было необычайной важности: Судрабиню поручалось открыть фронт у устья Камы, в районе действия отряда Трофимовского. У него не спрашивали: сможет ли? Не давали советов. Поручалось — значит приказывалось! Сообщили лишь пароль — по нему узнает человека, который укажет, в какой день и час, на каком участке совершить операцию.

Будучи начальником штаба, Судрабинь мог дать приказ любому подразделению отойти. Но как отреагирует Трофимовский? От него всего можно ожидать. Открыться? Самое лучшее было бы сделать его своим соучастником. Однако нет гарантии, что согласится. А не согласившись, может и выдать, и убить.

Так прикидывал Судрабинь, гадал, размышлял и пришел к решению: водка и женщины — вот надежные союзники. Поэтому Судрабинь и подал мысль собрать женщин в Нижнем Услоне и посадить на корабль. А водки хватало. Но этого мало. Нужно убрать Трофимовского, когда придет время действовать, хотя бы на день, хотя бы на один день. Оставалось придумать, куда и как убрать.

Вернувшись к себе в каюту, Судрабинь долго не спал. Мысли суетились, торопливо мчались в разные стороны, но ничего существенного в голову не приходило. И вдруг: «Израсходовать снаряды!» Самое простое и ничего подо-

зрительного. Завтра он распорядится усилить артиллерийский огонь. Когда окажется, что боеприпасы на исходе, он уговорит Трофимовского поехать за ними в Казань. Весь выложится, а уговорит. Но сначала дождется человека, который передаст, когда открыть фронт.

Судрабинь дождался этого человека. Незнакомый боец таинственно прошептал, что великая русская река Волга впадает именно в Каспийское море. Это и был пароль. Отзывом служила не менее «оригинальная» истина: «Русская река Кама впадает именно в великую русскую реку Волгу».

После этого человек в форме красноармейца сообщил, что фронт должен быть открыт пятого августа в одиннадцать часов утра.

Оставалось неполных два дня. За это время вылезь из кожи, но выставляй Трофимовского в Казань. А если заупрямится? Придется идти на крайность: дать приказ без его ведома, а там будь что будет.

И вдруг посланец сказал:

— Действуйте совместно с Трофимовским. Он член нашего «Союза». До поры до времени у руководства были соображения, по которым вас об этом не информировали.

— Боже мой! — облегченно воскликнул Судрабинь. В это время ему пришло на ум: «А за снарядами уговорим отправиться комиссара. Не будет болтаться под ногами».

Пятого августа в Казань на барже приплыл Иван Иванович-младший с семью красноармейцами.

Мартын обрадовался, как всегда, был рад этому славному парню, но всполошился: почему оставил без присмотра Волжского разбойника?

— Снаряды кончились.

— Но Трофимовский получил более чем достаточно.

— Расшвырял. Нужно не нужно — огонь! Я не понимал, артиллеристы объяснили, да поздно спохватился.

— А почему комиссар приехал за снарядами? Это входит в его обязанности?

Иван Иванович ответил не сразу, но веско:

— Считаю: все входит в обязанности комиссара.

— Согласен. В принципе. Но сейчас была такая необходимость?

— В одну душу и Трофимовский и начальник штаба: «Ты быстрее достанешь!» Решил, что есть резон. Надеюсь сегодня же вернуться с грузом.

Мартын покрутил ручку телефонного аппарата. Распорядился: комиссару Покотилову немедленно выдать нужное количество снарядов и дать транспорт для доставки на пристань.

Только после этого Иван Иванович спросил про отца. Оказывается, отбыл из Казани по службе в Саратов.

Еще Мартыну следовало бы самому сказать об Ангелине. Да разве все упомнишь...

Иван Иванович встал, надел фуражку, нужно попрощаться, а он переминался с ноги на ногу.

— Хотел спросить: не приходила гражданка Корсакова?

— Как же! — спохватился Мартын. — Даже помогла нам в серьезном деле. Вы достойно вели себя, а от поведения одного человека порой зависит отношение людей к целой партии, к государственному строю. — Собирался на этом закончить и тут вспомнил: — Пару дней тому назад заходила ко мне, но не застала. — Открыл ящик стола. — Оставила записку. — Вынул листок и прочел: «Хотела вас видеть. Мой адрес: Проломная улица...»

— Знаю эту улицу,— обрадовался Иван Иванович.

На Проломную улицу Иван Иванович отправился, когда подводы со снарядами двинулись на пристань.

Пока доедут, пока погрузят на баржу, пока сделают еще четыре ходки, он успеет заскочить к Ангелине. Вот до чего славно получилось!

С самой первой минуты, когда решил ехать в Казань, вспыхнула мысль об Ангелине. Памятная ночь на корабле все время жила в нем. И вдруг такая неожиданная возможность...

Проломная улица. Угловой дом. Металлическая ручка звонка. Дверь долго никто не открывал. Но Иван Иванович снова и снова тряс ручку.

Ангелина вышла вся в черном. Лицо потемневшее, почти одного цвета с ресницами.

— Маму убили,— прошептала она...

Два дня тому назад Ангелина направилась в ЧК к Лацису, чтобы узнать о судьбе комиссара Ивана Ивановича. Она не могла не беспокоиться о нем. Как не беспокоиться о человеке, спасшем ее от бесчестья? Что с ним в этом аду?

Она пробыла всего несколько минут в здании ЧК. Председателя не оказалось на месте, отец Ивана Ивановича все в разъездах, написала Лацису записку и ушла.

Вышла на улицу, не ведая, что за этим домом некие лица из подполья все время ведут наблюдение, фиксируя каждого, кто туда приходит. Ее засекли уже три раза. К тому же из тюрьмы, где теперь сидел поручик Сумрак, дошло, что на службе в ЧК состоит интеллигентная девушка по имени Ангелина (фамилию Сумрак не знал).

Только прошла она сотню шагов, как услышала чей-то возглас:

— Мадмуазель Ангелина!

Остановилась, но никто к ней не подошел.

А вечером, когда направилась с матерью на прогулку, сзади раздался выстрел. Мать свалилась сразу. Ангелина

упала на нее, чтобы прикрыть собой. Над головой прогремел еще выстрел, но в нее не попал. Подоспел красноармейский патруль. Девушку подняли, убитую внесли в квартиру...

Ангелина и Иван Иванович сидели рядом на кушетке. Девушка надолго замолкла, словно окаменела. И он не знал, что ей сказать, как утешить. Хотя бы слезинку пролила... Наконец сбивчиво заговорил:

— У меня считанные минуты. Я понимаю ваше горе... Но мне нужно на фронт. А вам нельзя оставаться здесь... Целились-то в вас... Перебирайтесь. Будете жить в чекистском общежитии... Потом обмозгуем, что делать дальше. Жизнь сама прибила вас к нашему берегу.

— К нашему берегу... — повторила Ангелина.

— Вот-вот, один у нас теперь берег. На нем вы наберетесь сил. Чтоб бороться... Ждите меня. Я вам помогу. Помогут чекисты. Вы мне верите?

И такой проникновенный, полный обожания взгляд, что Ангелина поняла: он ее любит. И еще поняла: на всем свете у нее остался один близкий человек.

IX

Несмотря на то что Мартын не отвечал за эвакуацию золота, он каждый день проверял, как к ней готовятся.

Утром пятого августа он съездил в банк, и Андрушкевич удовлетворенно сказал, что все прохудившиеся мешки заменены. Потом они вместе удостоверились: от банка до трамвайной линии ветка уже проложена. Приехали на пристань. Там в ближайшие часы должны были уложить последние рельсы. Уже сегодня вечером можно вывозить золото на суда Особой экспедиции.

Мартын поинтересовался: проведен ли телефон от штаба фронта к пристани, оказалось, что не проведен. Вернувшись в ЧК, он позвонил начальнику связи и распорядился протянуть линию.

Но беспокойство его не покидало: ведь речь шла о богатстве страны. Огромном богатстве!

И когда Иван Иванович-младший зашел в кабинет Лациса, он почувствовал, что тот сильно озабочен.

— Получили? — спросил коротко. Он имел в виду снаряды.

— Сполна! Сейчас — на пристань и отчаливаю.

— Инструкции прежние: на фронте держаться крепко; не спускать глаз с Трофимовского; перевоспитывать бойцов. Все одно с другим крепко связано. — Протянул на прощание руку, но Иван Иванович промолвил:

— Там,— показал на дверь, которая выходила в коридор,— гражданка Корсакова Ангелина. Беляки стреляли в нее. Наверно, выследили, что бывала здесь. Убили случайно ее мамашу. В деле с офицером вы ее проверили... — И выпалил: — Рекомендую на постоянную работу. С полным ручательством!

Мартын не сдержал улыбки:

— К ручательству, конечно, и любовь примешана.

Иван Иванович покраснел.

— Не скрою: в сердце она у меня. Но ручательство... Очень уверен в ней! То, что они ее родимую убили... Этого никогда не простит! А сама такая, что всюду сойдет за белоручку-барышню, по моему рассуждению...

— Именно такая нам очень нужна,— подхватил Мартын. — И сказал на прощание: — Счастливого вам пути. Пусть зайдет ко мне товарищ Корсакова.

Выстрелы пушек Иван Иванович-младший услышал там, где никак не ожидал услышать: возле пристани. Воз-

ле Любимовской пристани, у самого порога Казани. Орудия били с кораблей, которые находились еще далеко. А мимо Ивана Ивановича, вверх по Волге, быстро шли пароходы и баржи под красными флагами. Шли беспорядочно, словно наперегонки.

Он оторопел: где его баржа? Взор метнулся к причалу, куда она пришвартовалась утром. Нет ее. Может, ошибся? Может, правее или левее... Да что он ищет? У причала вообще ни одного судна. Нет и пароходов Особой экспедиции. Отступают, вернее, бегут наши от артиллерийского огня.

Только теперь Иван Иванович заметил, что и берег пустынен: ни матросов, ни грузчиков, ни просто зевак.

«Знает ли товарищ Дядя? Знают ли в штабе?» Никто не мог ему ответить на эти вопросы. И не мешкая больше ни секунды, Иван Иванович повернулся и бросился бежать в город. Изо всех сил. Как когда-то мальчишкой с товарищами взапуски. Понимал: такой темп до самой Гоголевской не выдержит, надеялся на ближайшей улице поймать извозчика.

Ему повезло: догнал извозчика еще по дороге в город, а не проехав и полуверсты, увидел автомобиль «бенц», принадлежавший фронтовой ЧК.

Оказывается, Мартын пришел к Вацетису, когда тот и Данишевский поставили свои подписи под докладной запиской в Наркомвоен. Данишевский попросил его ознакомиться с ней. Мартын особое внимание обратил на вторую ее половину:

«На фронте Чистополь — устье Камы — Буинск начали группироваться части 5-й армии. Положение этой армии очень тяжелое, так как резервы изнутри республики совершенно в Казань не прибывают, и у меня нет войск, чем противодействовать напору противника. Все, что я

мог, то я двинул из Казани на фронт Буинск — устье Камы — Чистополь, но этих частей мало. Кроме того, они не обладают никакой боеспособностью, это такие части, которые я выкинул из Казани вопреки их желанию и за неимением лучших.

Прошу принять все меры, чтобы резервы пропускались в Казань в самом срочном порядке.

Все резервы направлять в Казань по железным дорогам и водным путем.

Главнокомандующий *Вацетис*
Член Революционного военного
совета *Данишевский*».

Данишевский предложил Лацису поставить и свою подпись, но Мартын не успел протянуть руку к перу, как в кабинет вбежал штабист и срывающимся голосом доложил о появлении вражеской эскадры.

Это сообщение оказалось совсем неожиданным. Неожиданным и для Вацетиса. Он знал о начале действий вражеской флотилии, но и предположить не мог, что она так быстро окажется у самой Казани.

Пока главнокомандующий уточнял, пока давал распоряжения, Мартын кинулся к автомобилю — скорее на пристань, увидеть все самому.

Как ни быстро мчался автомобиль, Лацис заметил Ивана Ивановича-младшего, который соскочил с фаэтона и замахал обеими руками. Через минуту Покотилов плюхнулся рядом с ним и с отчаянием в голосе воскликнул:

— Баржа и все пароходы Особой экспедиции ушли, удрали!

— Скорее! — нетерпеливо бросил шоферу Лацис.

Тот выжал из мотора предельную скорость. Остановил в десятке метров от причала.

Мартын и Покотилов выскочили, подбежали к самой воде, словно отсюда лучше видно то, что творится на реке. И сразу почти над их головами пролетел снаряд, врезал-

ся в воду. К небу взлетел многопудовый фонтан, до того белоснежный, что удивительно было, как он возник из темно-синей воды Волги. Фонтан медленно оседал, словно проваливаясь на дно. Водяные глыбы, потоки, брызги, пена обрушивались, падали, летели в широченную воронку.

Мартын был обескуражен: Особая экспедиция... А золото? Как же быть теперь с золотом? Суда белых рядом...

Он знал: наша флотилия только создавалась, пассажирские пароходы кое-как вооружены, большинство матросов лишь постигают военное дело, среди командиров, наверно, нашлись предатели, и все же могли бы задержать врага, хотя на несколько часов. Казань успела бы тогда ответить артиллерийским огнем с обоих берегов. Пароходы Особой экспедиции приняли бы драгоценный груз... Что же предпримет Вацетис?

Мартын узнал об этом, еще не доехав до штаба. Навстречу, по направлению к Волге, спешили грузовые автомобили с латышскими красными стрелками.

Первым порывом было — повернуть за ними. Повернуть и там, на берегу, влиться в их ряды, вместе с этими смелыми парнями ударить по врагу, если он высадит десант.

Но сейчас в городе воспрянут белогвардейцы. Нужно немедля брать вожаков, за которыми велось наблюдение. Нужно немедля решить дела арестованных. Нужно что-то предпринять, чтобы спасти золото. Нужно держать самый тесный контакт с командующим, с членами Военного совета. Нужно... нужно...

Мартын отправил Ивана Ивановича на Гоголевскую передать, что делать сейчас каждому члену Чрезвычайной комиссии, а сам — к Вацетису. В его кабинете застал Кобозева, Данишевского и начальника штаба фронта Майгура.

Мартын слышал об умении Вацетиса сохранять невозмутимое спокойствие в самой сложной обстановке. И сей-

час убедился в этом. Вацетис сидел за столом, где лежали крупномасштабная карта окрестностей Казани и план самого города, на его лице, в движениях никакой взволнованности.

— Вот здесь,— командующий показал Мартыну на карте отметки красным карандашом,— ставим артиллерию и ударим по кораблям. Белые не смогут чувствовать себя уверенно, когда их атакуют с берега, а в тылу топят пароходы, на которых они, в случае чего, надеются отступить.

И все же Мартын не сомневался: это спокойствие Вацетиса лишь внешнее. Очень многое поставлено на карту не только для республики, но и для него лично. Все обстоятельства сложились здесь слишком неблагоприятно. Чуть оступишься — и сломаешь голову. А он хочет предстать перед Лениным не только с целой, но и высоко поднятой головой. Вот почему Мартын верил: Вацетис сделает все, на что способен, и даже сверх того!

То и дело звонил телефон. Трубку брал главнокомандующий, а если он медлил, снимал начальник штаба Майгур. Шли донесения с пристани, с огневых позиций:

— Обе роты с ходу решительно ударили по противнику!

— Обходят с флангов! Теснят.

— Тяжело ранен командир третьей роты.

— Пушки начали обстрел вражеских судов.

Темный вечер упал почти сразу, без смены тонов и полутонов: только что было светло, вдруг Мартын глянул в окно — словно черная штора затянула его, и лишь в одном месте ее прорвала далекая звезда.

Наконец одно за другим начали приходить победные донесения:

— Артогнем потоплен корабль противника.

— Флотилия белых отступает вниз по течению.

— Десант понес серьезные потери. Спасаются вплавь.

— Третья рота стрелков захватила много пленных и четыре пулемета.

Мартын увидел, как оживилось лицо Данишевского, расслабились напряженные мышцы, округлились скулы. Да и сам он почувствовал, до чего крепко сжаты его челюсти, и приоткрыл рот, облегченно вздохнул. А у Вацетиса светлые брови сдвинулись к переносице, и багровые бугры выросли между ними.

— Это лишь передышка,— сказал сурово.

Когда минула опасность, Данишевский не мог не вспомнить о том, за что нес непосредственную ответственность:

— Что будем делать с золотом?

— Держать Казань! — повысил голос Вацетис.

В этом кратком возгласе Мартын услышал все, что составляло сейчас для главнокомандующего смысл его жизни.

Это было главным и для Лациса. Но сугубо военные планы главнокомандующего Мартын дополнил своими:

— Сегодня же необходимо вооружить рабочие отряды! Я договорился с Казанским губкомом. Под ружье станет до пяти тысяч человек.

Теперь Мартын мог поехать на Гоголевскую.

Автомобиль двигался по улицам, словно бы опущенным на самое дно ночи. Шум его казался единственным шумом, тревожившим Казань. Но Мартын знал: во многих домах не спят сейчас офицеры. Не всех, далеко не всех, кого следовало, взяли чекисты.

Он поехал по Грузинской улице, где находился губком РКП(б), и увидел, что она полна людей: шли рабочие, чтобы влиться в отряды. Попросил шофера остановиться. Быстрым шагом подошел к дому. Вокруг — сотни мужчин. Взбежал по ступенькам на второй этаж к секретарю губернского комитета Шейкману.

— Оружие получили?
— Если бы хотя неделю назад...
— Будем делать то, что можно делать! Обеспечьте сейчас рабочие патрули. Пусть останавливают всякого, кто покажется подозрительным. Особенно тех, кто похож на офицеров. Если обнаружат оружие — прямо в ЧК.

Снова Мартын в автомобиле. Теперь — прямо на Гоголевскую. Он должен решить судьбу поручика Сумрака.

Смертная казнь. Вопрос об этой высшей мере наказания был поднят после революции. Враг и не помышлял о прекращении сопротивления. Наоборот, оно все возрастало, перешло в гражданскую войну, интервенцию. Заговоры, восстания, убийства из-за угла, бандитские наскоки, шпионаж — все вошло в арсенал врага. В этих условиях говорили о расстреле как о чрезвычайном акте. Говорили, но в течение нескольких месяцев отклоняли. Лишь в самый критический для революции час, когда Германия прервала мирные переговоры и бросила свои войска на Советскую Россию, Совнарком принял ленинский декрет «Социалистическое отечество в опасности!».

После этого ВЧК сообщила:

«...До сих пор Комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции наглеет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением германских контрреволюционеров, когда всемирная буржуазия пытается задушить авангард революционного интернационала — российский пролетариат, Всероссийская Чрезвычайная комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме *беспощадного уничтожения на месте преступления*».

«Примечательно,— подумал Мартын,— первым человеком, расстрелянным ЧК, был самозваный князь

Эболи, который выдавал себя за чекиста. Потому и был расстрелян. Первым политическим деятелем, осужденным на смерть,— Александрович, заместитель председателя ВЧК. Уничтожены мнимый чекист и чекист-предатель».

Не мог он не вспомнить, что каждый смертный приговор выносился лишь по единогласному постановлению всех членов Комиссии в полном составе.

Да, тогда они решали все вместе, все члены Комиссии, сейчас сложилось так, что ему придется решать самому.

Кабинет Мартына — бывшая гостиная в дворянском особняке. Открытое окно выходило во фруктовый сад. Аромат спелых яблок наполнял комнату.

Боец ввел Сумрака. Он шагнул к окну, громко с удовольствием вдохнул воздух, положил ладони на широкий подоконник и вдруг резко повернулся.

— А если я выпрыгну?

— Скорее всего часовые пристрелят.

— Но все-таки шанс!

— Думаю, нет. И как же, благородный дворянин и вдруг замарать себя бегством!

— Да, дворянин!

— Который требует от таких же «благородных» убить девушку за то, что она сказала правду.

— Ее убили?

— Застрелили ее мать!

— Девчонка оказалась коварным врагом! У меня самого не дрогнула бы рука...

— С врагом нужно расправляться беспощадно?

— С коварным — особенно!

— К какого рода врагам Советской власти вы причисляете себя?

Поручик осекся. Понял: попал в силки, которые сам себе расставил.

— К ярым! — ответил с вызовом.

— Что ж, вы подтвердили приговор, вынесенный вам Чрезвычайной комиссией!

X

Мартын подписал телеграмму в Наркомвоен и Высший Военный Совет. Копия — Ленину и Свердлову:

«№ 01008. Казань. 6 августа 1918 г.

Противник атакует Казань по левому берегу Волги. Подкрепления не прибывают; задержка происходит на участке Рузаевка — Свияжск, там не хватает паровозов. Поддержка необходима чрезвычайно.

Главком *Вацетис*

Члены Реввоенсовета *Данишевский, Лацис*

Начштабфронта *Майгур*».

Шестого августа крупный десант белочехов и белогвардейские офицерские батальоны высадились там, где их меньше всего ожидали,— на левом болотистом берегу Волги, в районе деревни Большие Отары. Отсюда офицеры под командованием полковника Каппеля двинулись в обход, чтобы ударить по городу с востока, а колонна белочехов во главе с полковником Швецом — с юга. Сразу начала бить вражеская артиллерия.

Мартын поспешил в штаб. Там уже собрались члены Военного совета. Под тяжелыми шагами Вацетиса скрипел паркет.

— Я предвидел, что противник использует Волгу. Приказал заминировать подходы к устью Камы. Мины из Кронштадта так и не прибыли. Нам сейчас необходима кавалерия, ее мы почти не имеем.

— Время ли сейчас вспоминать упущенное? — остановил его Мартын.

Вацетис сел в кресло. Шумно перевел дыхание. Посмотрел на карту.

— У нас две главные задачи: первая — Казань! — он накрыл карту короткопалой ладонью. — Вторая — станция Свияжск и Романовский мост через Волгу! Туда подошли 4-й полк латышских стрелков, 1-я тяжелая и 4-я легкая батареи и бронепоезд «Свободная Россия». Мы договорились с товарищем Кобозевым, он сам едет в Свияжск.

— А как же золото? — спросил всех, в том числе и себя, Данишевский. — Что будет, если...

— Золото еще один стимул, чтобы держать и удержать Казань! — не отступал от своего Вацетис.

Зазвонил телефон. Майгур выслушал донесение и доложил:

— Стрелки, батальон Карла Маркса, несколько рабочих отрядов завязали бой в районе Суконной слободы с офицерскими частями.

— Я еду туда! — воскликнул Данишевский.

Встал и Мартын, чтобы отправиться в губком.

Там он узнал, что белочехи уже заняли пристани.

Этот день, с самого утра залитый солнцем и насыщенный августовским зноем, самым густым и тяжелым за все лето, был для Мартына так долог, словно в него вместился длинный отрезок жизни. Красные роты и отряды, отступая, снова переходили в контратаки, и как ни наседал враг, ему час за часом приходилось почти топтаться на месте. Но тут ударили с тыла офицеры из казанского подполья. И для Мартына это было как удар в собственную спину.

Пусть он и его товарищи делали все, что в их силах, пусть объективно сложилось так, что не мог Вацетис дать ему красноармейцев, чтобы провести широкую операцию по очистке города, Мартын не снимал с себя вины.

И золото грузили в последний момент — рядом с банком рвались снаряды. Покотилов-старший и Андрушке-

вич не только руководили, но и сами таскали драгоценный груз.

Мартын подъехал к банку, когда первый грузовой автомобиль уже был наполнен. Иван Иванович показал ему расписку, подписанную Андрушкевичем:

«Получено для эвакуации из Казани согласно приказанию Председателя Совнаркома Ленина и приказу главнокомандующего фронтом Вацетиса 20 ящиков с золотой монетой на сумму 1 200 000 руб.».

— Сажайте охрану и отправляйтесь, не дожидаясь остальных моторов! — распорядился Лацис.

Но все золото вывезти так и не удалось. Всего суток не хватило, чтобы погрузить его на пароходы. Потом выяснилось, что всего суток не хватило, чтобы пять долгожданных полков прибыли в Казань.

А Вацетис с непостижимым упорством ждал эти полки сегодня.

Второй раз члены Реввоенсовета собрались на короткое совещание, когда Данишевский вернулся из кварталов, где стрелки вели бой с каппелевцами. Он был возбужден:

— Каждый бьется за десятерых. Раненые не уходят. Я допросил пленного офицера. Белые не ожидали встретить подобного сопротивления. Надеялись взять Казань с ходу, еще вчера, а сегодня утром захватить Свияжск.

И все же вражеские орудия били уже по центру. В кабинете Вацетиса звенели стекла. Штаб фронта не мог оставаться в городе. Решили вместе с Военным советом и фронтовой ЧК перебраться в Свияжск. Но сам Вацетис оставался в Казани. Коль защищать город до последнего, значит, последним защитником обязан быть сам.

Мартын позвонил в комиссию: всем собраться и двигаться на станцию...

О том, что происходило потом в Казани, Мартын узнал, уже будучи в Свияжске.

Вацетис превратил свой кабинет и в командный пункт и в огневую точку. На столе — пулемет, у каждого окна — самые меткие стрелки. Но и вражеские пули находили сюда дорогу: поклевали стены, засыпали пол штукатуркой. Главнокомандующий с привычным хладнокровием принимал донесения, давал приказы.

Роты 5-го полка несли большие потери, пятились, но сопротивлялись. За баррикадой, перегородившей Большую Проломную улицу, засело сто восемьдесят стрелков. Их поддерживали две пушки и два бропевика. Вот почему, хотя белые с трех сторон подошли к центру города, к самому штабу пробиться не могли.

Главное было продержаться. Вацетис получил сообщение, что если не сегодня ночью, то завтра утром резервы прибудут в Казань. Он продержится. Уже все продумано: до наступления темноты белые не смогут захватить штаб, а вечером вместе со стрелками он сумеет пройти в кремль. Примкнет ли к ним сербский батальон или сохранит нейтралитет, решающего значения не имеет. Укрывшись за толстыми стенами, стрелки и без помощи сербов выдержат осаду.

К десяти часам вечера, когда главнокомандующий приказал двигаться к кремлю, из ста восьмидесяти стрелков осталось сто двадцать, подбитыми оказались бропевики, вышли из строя оба орудия. В темень и дождь Вацетис вывел бойцов. Сто двадцать — это немало. Уверенности он не терял. Его состояние передавалось командирам и стрелкам. Как рядовой красноармеец шагал он с винтовкой. Приходилось отстреливаться, прижимал приклад к плечу и вел огонь, как все другие. Нет, никто не упал духом!

Вот и кремль. Видны открытые ворота. Еще полсотни шагов...

— Кто такие? — возглас из-за стен с нерусским акцентом.

— Латышские стрелки!

— Огонь!

— Предатели! — крикнул Вацетис.

Да, там за стеной оказались предатели. Французы подкупили командира батальона майора Благотича.

Но и эта полная неожиданность не оглушила Вацетиса. Ворота открыты. Ворваться в кремль! Главное ворваться, а там посмотрим.

— Вперед! — И Вацетис бросился первый.

Стрелки за ним. Еще десяток шагов. Не больше. И вдруг с режущим сердце скрипом ворота закрылись.

Это уже крушение. В Казани нет больше места, где можно было бы укрыться и продержаться до утра. Нет такого места...

Тут, у стены, их не доставали пули сербов, но не стоять же, пока подойдут белые. Вацетис повел стрелков к подворотне одного из ближайших домов. На мостовую падали убитые.

Из подворотни выходили небольшими группами. С Вацетисом остались двадцать семь человек. Но лишь шесть пустились с ним в путь, который закончился на другой день в Вятских Полянах.

Это было поражение. Но поражение, почти равное выигранной битве. На другой день в докладе Ленину Вацетис писал:

«Двухдневная героическая оборона Казани имеет громадное стратегическое и политическое значение. Так как противник пятого августа должен был отступить и на другой день для боев шестого августа был вынужден сосредоточить в районе Казани все, что имел, все свободные силы его были прикованы к Казани. Благодаря этому че-

хословаки не имели возможности шестого августа выделить достаточные силы для овладения ст. Свияжск и мостом через Волгу.

Если бы пятого августа или к полудню шестого августа противник овладел бы г. Казанью, то к вечеру шестого он захватил бы также ст. Свияжск и мост через Волгу. Вследствие нашей неготовности стратегический расчет властно диктовал упорную оборону Казани, кровопролитные бои, чтобы противник понес много жертв и потратил бы под Казанью много времени...

Всеми изложенными соображениями объясняется то, почему я довел оборону г. Казани до такого крайнего напряжения, вплоть до риска своей собственной жизнью и жизнью лучших бойцов нашей республики.

Седьмого числа августа кризис уже миновал, так как лучшие войска чехословаков погибли под Казанью; оставшиеся же не были в состоянии развить успех вверх по Волге».

И в заключение:

«Считаю долгом службы донести о доблестном поведении 5-го латышского Земгальского полка во время двухдневной обороны г. Казани. Все наиболее выдающиеся атаки противника были отбиты частями этого полка. Как в поле, так и в городе, в уличной схватке, с одинаковым самоотвержением и геройской отвагой командный состав и стрелки 5-го латышского Земгальского полка сражались, невзирая на тяжелые потери убитыми и ранеными...»

Двадцатого августа Президиум ВЦИК постановил наградить 5-й латышский стрелковый советский полк почетным революционным Красным знаменем «За самоотверженную и храбрую оборону г. Казани».

В истории Красной Армии это первое награждение части за воинскую доблесть.

XI

Небольшая станция Свияжск. На путях вагоны, составы. В них разместились штаб фронта, фронтовая ЧК, штаб 5-й армии. Раньше не все пассажирские поезда останавливались здесь, а теперь — конечный пункт эшелонов, идущих со всех концов республики. Прибыли 1-й Московский полк, 2-й и 6-й Петроградские, Оршанский, Невельский, Брянский, Старорусский полки, две роты соединенных социалистических отрядов при ВЦИК, прибыли бронепоезда «Ермак», «Стенька Разин».

Ангелина шла по улицам городка, который лежал на холме, как на подносе. Все домики были белостенные и сверкали, будто выложенные из сахарных кирпичей.

Она не просто вышла на прогулку, она выполняла задание товарища Лациса. В этой толчее, наверно, крутятся шпионы. Сколько их — один, два, десять? — сказать трудно, однако нужно приглядеться, прислушаться к разговорам. Вот и шагала она, примечая оценивающие, а то и восхищенные взоры, слушая озорные шутки, плоские остроты. Шагала неторопливо, и взгляд ее ловил все, что происходило вокруг. Не могла она не заметить, что вот уже более получаса за ней следует офицер. Нет сомнений — офицер. Перегнал ее, обернулся, через несколько минут остановился, принялся рассматривать плакат, потом читать приказ, стал глазеть на витрину аптеки, где шарообразные стеклянные сосуды наполнены каким-то цветным веществом — голубым, синим, розовым. Ангелина обошла его, а он снова — за ней. Довольно благообразный, светлые усики, лет тридцати, не меньше.

Зачем кружится он вокруг нее? С какой целью? Поволочиться? Вполне возможно.

А офицер в очередной раз остановился. Теперь у плаката, наклеенного на заборе. На плакате длиннобородый

крестьянин с красной звездой на белой полотняной рубахе, с винтовкой в руках. Рядом стихотворная подпись:

Я, пахарь, на страже
С винтовкой стою,
Храню я свободу
И землю свою.

Когда Ангелина поравнялась с офицером, она сама довольно пристально посмотрела на него, и тот сразу решительно повернулся, подошел к ней.

— Помогите мне,— попросил очень вежливо.

— В чем?

— Только не удивляйтесь. Я хочу с вами познакомиться... Но никогда не знакомился подобным образом... Никогда не заговаривал с незнакомкой на улице... Помогите: с чего начать? Как обратиться?

У него были такие же синие глаза, как у пахаря на плакате. Несмотря на то что говорил офицер сбивчиво, они пронзали Ангелину.

«Ловкий господин»,— подумала она. И сама постаралась как можно наивней спросить:

— Чем же могу вам помочь? Я сама никогда...

— Тогда давайте попробуем вместе. Вы разрешите? — И, не дожидаясь разрешения, выпрямился, пристукнул каблуками истоптанных сапог. — Алексей Степанович Лазарев! Петербуржец. — Склонил голову в выгоревшей фуражке с полуоблезлой жестяной звездой.

Ангелина назвала себя и добавила, что тоже из Питера.

Теперь они стояли друг против друга, каждый соображая, как вести себя дальше.

— Ну что же,— первой начала Ангелина,— знакомство, хоть и необычное, произошло. Что же дальше?

— Если не возражаете, погуляем.

Девушка пошла по дощатому тротуару, покрытому толстым слоем пыли. Пыль висела и в воздухе, поднятая сотнями солдатских сапог и ботинок, подковами лошадей, колесами пушек, повозок, санитарных кибиток.

— Как вы очутились в этом Вавилоне?

— Почему я должна исповедоваться незнакомому человеку?

— Но мы ведь уже знакомы,— Лазарев улыбнулся, и Ангелина не могла не отметить, какая обаятельная у него улыбка.

— Занесло, как осенний лист. Сначала схватили в Питере папу, и по сей день неизвестна его судьба. Мы с мамой уехали в Казань к дяде. Дядя умер. А маму... а маму... застрелили... Вы понимаете, какая у меня ненависть к убийцам? — это она сказала так искренне, что офицер немедля подхватил:

— О, это я понимаю: отец и мать — жертвы ЧК! А почему, за что?

Они шли мимо высоких кленов, до того опаленных жарким августовским солнцем, что листья начали уже золотиться. Один из них упал прямо к ногам Ангелины. Она подняла.

— Странный вы задаете вопрос, а за что чекисты схватят вас, если кто-нибудь из них присмотрится и узнает в вас белого офицера?

Лазарев лишь на мгновение смутился, что не ускользнуло от Ангелины, лишь на одно мгновение, и поспешил спрятать смущение под улыбкой, о которой, должно быть, и сам знал, что она полна обаяния.

— А я и не скрываю ни от кого, я действительно бывший офицер. Ну и что? Мало нас перешло в Красную Армию?

— Хорошо, я отвечу вам. Если вы петербуржец, должны были слыхать о приват-доценте Громове — одном из лидеров «Союза русского народа», а мои родители были

его близкими друзьями и верными помощниками. Громова арестовали первым...

— А где вы служите? — неожиданно спросил Лазарев.

— В продотделе армии. Машинисткой,— ответила не задумываясь.

Ей нечего было задумываться, товарищ Лацис заранее подсказал, если придется с кем-нибудь на эту тему... Не только подсказал, выдал мандат.

— Машинисткой! — иронически повторила Ангелина. — А заканчивала Высшие женские курсы... — И тут она нахмурилась: — Вам не кажется, что вы устроили мне форменный допрос: где, как, почему?

— Не сердитесь, пожалуйста! Очевидно, это объясняется тем, что мне хочется больше знать о вас, чем вам обо мне.

— Возможно, и мне хочется, но есть правила приличия...

— Готов честно и искренне ответить на любой ваш вопрос.

— А где вы служите?

— В разведке полковника Каппеля!

— Так я вам и поверила. Станете вы признаваться первой встречной. А вдруг я чекистка... и все, что рассказала о себе,— выдумка?

— Вы — чекистка?! — Лазарев ткнул себя в грудь.— Такого матерого волка не проведешь!

— Но зачем матерому волку зайчонок? Не собирается же он его проглотить.

— Разрешите еще вопрос: где и вместе с кем вы живете? В этих вагонах? — кивнул он в сторону станции.

— Нет, там сплошь мужчины, я еще с одной женщиной поселилась в домике на окраине.

Это была правда.

— Вынужден опять спросить, обещаю — последний раз, у вашей хозяйки есть свободная комната?

— Есть. У нее их три: в одной — мы, во второй — она... А вам комната нужна?

— Всего лишь на ночь! Там, где я должен был остановиться, увы, нельзя.

— Ну это проще простого! Значит, вот для чего матерому волку потребовался зайчонок.

— Не скрою. С первого взгляда решил, что вам можно довериться.

Глубокой ночью Лазарев сам открыл дверь какому-то человеку. Но не успел закрыть, как следом вошел Иван Иванович-младший с тремя сотрудниками.

Задержанных ввели в вагон Лациса. Человек, который пришел к Лазареву, оказался связным, принесшим шпионские сведения. Мартын сразу убедился в этом: на узенькой ленточке бумаги записаны номера прибывших полков. Против тех, что ушли из Свияжска в сторону Казани, стоял знак минус.

Связной сейчас не интересовал Мартына, он распорядился отвести его в вагон для арестованных. Все внимание — офицеру. У него нашли схему обороны моста через Волгу, план городка, станции со всеми путями и прямоугольничками вагонов на них.

«Мост и Свияжск — вот что особенно интересует тебя,— мысленно заговорил с ним Мартын.— Вполне понятно. Значит, готовится удар по Свияжску».

Пока Мартын размышлял, в компате стояла тишина. Такую тишину называют гнетущей. Лазарева она действительно угнетала. И неотрывный взгляд бородатого чекиста угнетал. Но особенно он злился на самого себя — до чего опростоволосился с девчонкой. Опытный офицер разведки, верящий в свою интуицию, слывший отменным

физиономистом, поймался на крючок, на который сам же насадил приманку. Кто бы мог подумать, что эта девушка из ЧК?

— Таким образом, Романовский мост и Свияжск! — твердо сказал Мартын после долгого молчания.

Лазарев понимал: отпираться нет смысла. Он схвачен с поличным. Да красные и сами хорошо понимают, что это первейшая цель наступления. А большего, самого главного для них, он, к счастью, не знает.

— Мой ответ, каким бы ни был чистосердечным, не удовлетворит вас. Я знаю, что Каппель готовит налет. Из его уст я слышал именно это слово. Но он не посвящал меня и не мог посвятить, когда и как состоится налет, поскольку я шел в расположение противника.

Увели задержанного шпиона, ушли досыпать чекисты, а Мартын сидел за столом и рассматривал схемы, отобранные у офицера. Если им удастся захватить город и мост, путь на Москву открыт... Он встал из-за стола и подошел к карте России, висевшей на стенке купе; красным карандашом была заштрихована лишь небольшая ее часть. Бывший учитель вспомнил: когда-то он показывал ученикам карту Московии во время нашествия хана Батыя. Примерно в таких вот границах сегодняшняя Советская Россия. В течение лишь двух летних месяцев пали Екатеринбург, Челябинск, Уфа, Самара и вот — Казань. Недаром Ленин прислал письмо членам Реввоенсовета Восточного фронта:

«Сейчас вся судьба революции стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого».

На днях из Москвы прибыл старый большевик Гусев, член партии с девяносто шестого года, назначенный членом Реввоенсовета 5-й армии. Он привез специальное

постановление ЦК РКП(б) об укреплении Восточного фронта. Там подчеркнута та же ленинская мысль: «Вопрос о судьбе революции решается ныне на Волге и Урале».

Вот почему идут и идут полки, главным образом пролетарские. Вот почему из Балтики плывут миноносцы «Прыткий», «Ретивый», «Прочный», а в Нижнем Новгороде бронируют и вооружают речные суда. Вот почему с такой тщательностью разработан план освобождения Казани. Войска 5-й армии разделены на две группы — Правобережную и Левобережную, и продвижение белых уже остановлено.

Но слишком много было ошибок от незнания, неумения, отсутствия опыта. И у них, у чекистов, тоже немало ошибок. Только в штабе фронта, созданном Муравьевым, на сторону белых перешло более половины штабистов. Нельзя об этом забывать. И нельзя забывать, что белогвардейцы, чехи — отличные вояки, что если в офицерских батальонах рядовыми — офицеры, то уж командуют самые лучшие. И тот же полковник Каппель, несомненно, талантлив, от него можно ожидать самого искусного маневра.

Мартын долго стоял у карты. Уже ночь, каких-нибудь два часа осталось до наступления нового дня. Но возбужденный, он снова садится к столу. Быстро побежало перо по бумаге.

«Любимая девочка!

Не знаю, можешь ли ты простить мою халатность, небрежность? И если даже ты мне простишь, я сам никогда себе такого не прощу. Ну как я могу сказать своей жене, что две недели я думал только о фронте, только о государственных делах? Сейчас самому это кажется странным. Положение в стране и на фронте тебе хорошо известно. Какой сейчас напряженный период! Я не знаю, писали ли другие товарищи. Возможно, я

слишком однобок — не умею объединить личное и общественное. Одно знаю твердо: никогда я в этом отношении не исправлюсь. В моем возрасте характеры не меняются. Я не стану писать о фронтовых событиях. Ты их знаешь по газетам. Хочу оправдать возложенные на меня надежды, но самому приходится признать, что многое не было сделано из того, что надо было сделать.

Прощаюсь поцелуями и обещаю в дальнейшем почаще писать».

Утром Мартын зашел в вагон командующего 5-й армией Славена и застал там Гусева. Его лицо с близорукими глазами за стеклами пенсне скорее походило на лицо ученого, чем военного, но сейчас такое время, когда каждый большевик — воин. Предупредил обоих: Каппель готовит налет. Сведения абсолютно достоверные: пойман шпион. К сожалению, никаких подробностей. Поэтому бдительность должна быть особенная.

Возвращаясь к себе, Мартын увидел совершенно неожиданную картину. Со связанными за спиной руками шел Трофимовский, по одну сторону от него — Иван Иванович-младший, по другую — Ян Судрабинь. Сзади — красноармеец с винтовкой.

То, что Покотилов-младший вел Трофимовского, для Мартына не было неожиданностью. После отступления из Казани, когда выяснилось, что в устье фронт белым открыл не кто иной, как Трофимовский, Иван Иванович всю вину взвалил на себя. Не поддайся он уговорам отправиться в Казань за снарядами, будь он на месте, пристрелил бы Трофимовского, а фронт открыть не дал бы. Чтоб хоть как-то оправдать себя перед революцией, обязан поймать изменника. Упросил товарища Дядю отпустить его на короткий срок, дать возможность обнаружить и арестовать Трофимовского.

Мартын понимал: в этом был резон. Иван Иванович уехал и вот вернулся, выполнив обещание. Но откуда Ян Судрабинь?

Опередив всю группу, четким шагом кадрового офицера Судрабинь пошел навстречу. Остановился, приставил правую ногу к левой, руки вытянул по швам.

— Товарищ председатель ЧК и член Реввоенсовета фронта, докладывает начальник штаба бывшего революционного полка Судрабинь. Мною арестован изменник Советской власти Трофимовский. Доставлен для надлежащего возмездия!

— Здравствуй, Ян,— сказал Лацис по-латышски.— Вот каким ты стал!

Но тут словно прорвало Трофимовского:

— Подлюга! Провокатор! Змея подколодная! Да, я гад, товарищ Лацис, меня расстрелять следует, но этого сучьего сына — четвертовать!

— Разберемся, Трофимовский, во всем разберемся! Отведите арестованного и обеспечьте надежную охрану,— приказал Мартын Покотилову.

Когда Судрабинь и Лацис остались вдвоем, Судрабинь быстро заговорил:

— Пытается отомстить! Понимает: пощады не будет, так и меня хотел за собой... Я последнее время был у него начальником штаба. Прямо на улице меня схватил. Ехал верхом со своими телохранителями по тротуару. Обыватели — врассыпную, а я же не из трусов! Ему понравилось, что не испугался, и заграбастал.

— Так ты был участником всех его бесчинств?

— Не участником, а свидетелем. Еще удерживал от многого. Спроси Покотилова, при нем Трофимовский такую оргию закатил.

— Это верно. Рассказывал.

Поднялись в вагон. Мартын попросил красноармейца принести чаю.

— Как все же Трофимовский оголил фронт? — вернулся Мартын к главному.

— На удивление просто. Я потом узнал. Заявил, будто одну роту заменяет другой. Но той, что занимала оборону, отдал приказ отойти, а на ее место — никого. Нужно полагать, с белыми время было оговорено, вот они и хлынули. А Трофимовский — на пароход и в Нижний Новгород. Я вижу: полный разгром. Тоже успел на этот пароход.

Красноармеец принес по тарелке каши, хлеб, два куска сахара и чайник с кипятком.

В дверь постучали, и вошел Иван Иванович-младший.

— Какое будет приказание, товарищ Дядя?

— Скажите, чтобы и вам принесли сюда поесть, и присаживайтесь. Послушаете.

— Да комиссар уже все знает.

— Ничего. Не помешает. Продолжай, Ян!

Иван Иванович сел рядом с Мартыном, напротив Судрабиня.

— Не стану распространяться, какое чувство вызвало во мне предательство. Сразу, еще на пароходе, принял решение: в Нижнем заявлю в ЧК...

Вечером Лацис вызвал Судрабиня и Трофимовского на очную ставку.

— Как вы попали к Трофимовскому? — обратился к Судрабиню.

— Я вам уже рассказывал.

— Мне нужен не просто рассказ, а показание на очной ставке.

Судрабинь изложил подчеркнуто коротко.

— Подтверждаете? — обратился Мартын к Трофимовскому.

— Так ведь и в голову не могло прийти, что за субчик!

— Значит, подтверждаете сказанное Судрабинем?

Встреча была случайной? К вам в отряд он попал не по собственной воле?

— Никуда не денешься. Сам пригрел гадюку! А взять, к примеру, баб, вопреки вашему приказу, это ж он мне посоветовал. Он, хитрозадый золотопогонник!

И тут Судрабиню ничего не стоило опровергнуть. Были женщины на кораблях до его появления? Были! Широко известно. Брали их и силой, и добровольно шли. А с приказами самого главнокомандующего Трофимовский не считался. Типичный анархист. Это товарищу Лацису хорошо известно.

Так пункт за пунктом разбивал он объяснения разъяренного Трофимовского.

Наконец дошли до злополучного дня, когда был открыт фронт. Трофимовский начал с того, что Судрабинь специально отправил в Казань комиссара Покотилова.

— Неправда! Отправил Трофимовский. Вернее, уговорил,— опроверг Судрабинь.

Иван Иванович-младший, который присутствовал на очной ставке, подтвердил: уговаривал его Трофимовский.

В сложной ситуации оказался Мартын. С одной стороны, ему хотелось, чтобы с Яна Судрабиня были сняты подозрения, а с другой — не мог не чувствовать искренности возмущения Трофимовского. Факты, и только факты, могли обвинить Судрабиня, а их не было.

Судрабиню нельзя было отказать в интуиции и опыте. Он как бы становился на место Лациса и понимал, что тот не может не почувствовать взрывчатой правдивости Трофимовского, который даже не пытается спасти себя. Волжский разбойник не оправдывается, он добивается лишь одного, чтобы не только его покарали, но и Судрабиня.

Когда закончилась очная ставка и Трофимовского увели, Судрабинь сам подошел к Лацису.

— Если я не рассеял твое подозрение, не смущайся, бери под конвой.

— Ты думаешь, я бы смутился? Плохо ты знаешь чекистов. Завтра мы продолжим разговор. Тогда я приму решение. Поэтому советую подумать. Ты хорошо знаешь цену раскаяния.

— Неужели ты сомневаешься во мне? — воскликнул Судрабинь. Он умел сыграть оскорбленную невинность.

На другое утро на рассвете с юго-восточной окраины Свияжска неожиданно донеслись пулеметные очереди. В вагоне первым их услышал Ян Судрабинь. Он все время думал, как рассеять подозрения Лациса. Не спал всю ночь, мыслей приходило немало, но такой, чтоб ухватиться обеими руками, еще не нашел. Пулеметные очереди родили в нем надежды. Бросился в купе Лациса, разбудил его. Иван Иванович-старший уже строил всех у состава. Строились и штабники 5-й армии. Командиры, писари, впереди член Реввоенсовета Гусев. Командующий Славен с вечера уехал в левобережную группу армии.

«Неужели Каппель?» — подумал Мартын.

Да, это была группа полковника Каппеля. Тысяча штыков и двести сабель. Чуть ли не все — георгиевские кавалеры. Высадились ночью на пристани Ташетка за флангом правобережной группы армии и, не обнаруженные войсковой разведкой благодаря очень быстрому маневру, буквально проскользнули на восток, в тыл армии. Затем отряд разделился на два: один под командованием самого Каппеля пошел к Свияжску, другой восточней — на станцию Тюрлема. Задача: разгромить штабы, уничтожить боевые и продовольственные запасы, отрезать правобережную группировку.

Но все это стало известно позже. Сейчас же на окраину в городок рвались белогвардейцы.

Трудно сказать, возможно, арестованного Лазарева дублировал кто-то, возможно, так уж повезло Каппелю, но все красные полки, прибывшие на станцию, были направлены на фронт, и оставались лишь командиры и красноармейцы тыловых частей, учреждений, штабов фронта, армии и правобережной группы.

Гусев, пробегая мимо Мартына, крикнул во весь голос:

— Слушай мою команду! За мной! — С винтовкой в руках, поджарый, бросился вперед.

Чекисты тоже вооружились винтовками. Судрабинь бежал рядом с Мартыном.

— Как в девятьсот пятом? Помнишь?

Белые уже теснили красноармейцев, первыми принявших бой. Гусев повел отряд в штыки.

— Ура! — крикнул он.

И одним из первых подхватил Судрабинь. Да, нужно громче всех кричать «Ура!», чтобы этот проклятый чекист слышал его голос. Нужно показать, что жизнь готов отдать за красных. Иначе ему несдобровать. Он перегнал Лациса. Но Мартын поравнялся с ним. Спешили верные его помощники: оба Покотиловы, Василь Пидкова, Граудынь. Мартын сам вместе со всеми кричал «Ура!», вкладывая в этот возглас крутую ярость, чувствуя в нем хмельную отчаянность. Он ничего не замечал вокруг, лишь впереди — людей в щетине штыков.

Когда до них оставались считанные шаги и Мартын, не разбирая лиц, видел лишь раскрытые рты (странно, возгласов не слышал), четверо его товарищей и Ян Судрабинь рывком обогнали его и телами своими, штыками своими прикрыли от первой, самой жестокой встречи с врагом.

Они не могли сговориться заранее, никак не могли. Каждый — сам по себе.

Сошлись. Столкнулись. Сшиблись.

На мгновение Мартын почувствовал усталость от бега, от волнения, от физического и психического напряжения. Захотелось остановиться, опустить винтовку, перевести дыхание. И тут же ощутил прилив новых сил.

Неожиданно увидел сжатый рот офицера и штык, направленный прямо на него. В это мгновение рванулся вперед Судрабинь и сам вонзил свой штык в офицера. Даже в пылу боя он подумал о Лацисе: «Теперь ты поверишь мне!»

— Зачем рискуешь? — крикнул Мартыну. — Все может...

— Слишком много от этого боя зависит. Ты и не представляешь, как много...

И потому лишь, что все — от самого старого большевика на фронте Гусева и до самого молодого писаря — понимали, как много зависит от этого боя, беляки не только не смогли пробиться в Свияжск, но шаг за шагом вынуждены были отступить.

Однако не успели красноармейцы перевести дыхание, как в западном районе Свияжска показалась белая конница.

Вокруг Лациса и Гусева собрались штабные командиры.

— Необходимо вызвать подкрепление с Верхнего Услона,— предложил один из них.

— Тогда мы оголим там фронт,— возразил Гусев.

Мартын успел убедиться: даже тыловики могут выстоять и победить. Зачем же, действительно, оголять важный участок.

— Должны управиться своими силами! Должны!..

И управились. Отборный отряд под командованием самого Каппеля не прошел и оказался разгромленным. Именно этот бой стал поворотным пунктом во всей кампании на Восточном фронте. Белые больше не продвинулись ни на шаг. Началось наступление красных полков...

В тот же вечер Мартын пришел в вагон, где жил Судрабинь. Тот лежал с перевязанным плечом — вражеский штык все же задел его.

— Не начинай, пожалуйста, с благодарности! — предупредил он Лациса.

Лацис посмотрел на забинтованное плечо Судрабиня — на повязке проступала кровь. А ведь штык белогвардейца мог проткнуть его живот, пронзить сердце. Это ли не самый сильный аргумент в защиту Яна. А ему, Мартыну, разве не он спас жизнь в этом бою?

Так и сидел, размышляя, пока не услышал слова Судрабиня:

— На фронте сейчас особенно нужны командиры.

— Кем бы ты хотел?

— Пожалуй, начальником штаба полка.

— Передам Славену...

XII

Перелом на фронте — это как обильный дождь после долгой засухи для увядшего от поражений духа. Все начало ладиться и в штабах и в войсках. Успех, словно знамя, взлетел над красными полками. Правобережная и левобережная группы 5-й армии, где быстрее, где медленнее, но неуклонно шли к Казани. Каждое утро Мартын начинал со сводки боев за прошедшие сутки.

Она давала заряд на целый день.

Первого сентября утром на стол ему положили телеграмму из Москвы: «30 августа убит Урицкий. Совершено покушение на Ленина. Ранен. Будьте особенно бдительны. Петерс».

Телеграмма оглушила Мартына. Он услышал звон в ушах. Звон распирал голову. Буквы в телеграфной строчке, наклеенной на бланк, косились, пошатывались.

Ленин ранен...

Урицкий убит...
Ленин ранен...
Ленин...

Достала все же вражеская пуля. Долго целились. Еще до Октября, когда Ленин скрывался в Выборгском районе. Первого января в него стреляли. А сколько раскрыто заговоров... Наготове были бомбы, пистолеты, ружья. Весь класс буржуазии целился в Ленина. А мы были бесконечно благодушны. Ленин сам говорил, что диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть — Мартын хорошо помнил огорчение в голосе Ильича — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожа на кисель, чем на железо.

Мартын созвал сотрудников, которые находились на месте. Но когда они собрались, долго не мог вымолвить ни слова. Будто кто-то сжал ему горло. Наконец взял в руки телеграмму, встал, глухим голосом прочел ее. И его словно прорвало. На одном дыхании воскликнул:

— Ненависть всего старого мира насилия и рабства обрушилась на вождя и первого работника революции! На белый террор мы должны ответить красным террором!

Прибыло письмо от комиссара Латышской дивизии Карла Петерсона. С ним регулярно переписывался Данишевский. Через него информировал Владимира Ильича о положении на фронте.

Данишевский зашел к Мартыну, показал письмо, датированное тридцать первым августа:

«Вчера утром убийство Урицкого. Вечером — нападение на Владимира Ильича. Подробности прочтешь в газетах. О ранении узнал поздно вечером. Дал распоряжение оставшимся здесь стрелкам быть готовыми на случай, если негодяи попытаются организовать восстание.

Сегодня в час дня Ильич лежа читал газеты, и пока все еще есть надежда, что он выздоровеет.

На террор ответим подобающе. Чтобы только Ильич выздоровел! Не могу даже в мыслях допустить, что этого не случится».

И Мартын и Данишевский тоже не хотели допустить такой мысли, но она лезла в голову.

Утром десятого сентября в Казань ворвались бойцы Петроградского маршевого батальона и моряки Волжской флотилии. К полудню город был полностью освобожден.

Мартын прибыл в политотдел 5-й армии, когда там готовили посылку Ленину. В ней булочки, сухари, крендели. Лацису дали прочитать записку, которую прилагали к посылке:

«Посылаем тебе, Ильич, хлеб из Казани! Ешь и выздоравливай. Когда аппетит разовьется — пошлем из Самары».

Мартын впервые за много дней улыбнулся. В краткой записке слышал уверенность: скоро освободят Самару и не только ее...

Пришло поздравление Владимира Ильича освободителям Казани. Первым его прочел Лацис. У него выступили на глазах слезы радости: Ленин выздоравливает!

Владимир Ильич писал:

«Товарищи! Вам уже известно, какое великое значение приобрело для всей русской революции взятие Казани, ознаменовавшее перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным победоносным действиям. Тяжелые жертвы, понесенные вами в боях, спасают республику Советов».

В Казани Лацис начал издавать журнал фронтовой ЧК. Название выбрал грозное — «Красный Террор».

Для Мартына это был очень сложный период. После

покушения на Ильича он все еще находился как бы в шоке. От своих сотрудников требовал: буржуй, буржуазный интеллигент — за решетку!

Среди других арестовали тридцать пять казанских профессоров. Лояльностью к Советской власти они не отличались, в какой-то степени были даже причастны к белочехословацкой авантюре. Казалось бы, самое место им среди заложников, но, вопреки собственным установкам, Лацис распорядился их выпустить.

А вечером того же дня, когда профессора вышли на свободу, Мартын писал статью, которой должен был открыться первый номер нового журнала.

Он утверждал, что своим мягкотелым отношением к врагу «мы отогрели змею в своей пазухе».

«Мы опомнились лишь тогда, когда она уже зашипела и пустила в ход свое жало,— выводил он фразу за фразой,— когда приволжские города один за другим стали переходить в руки неприятелю, когда одного за другим из передовых борцов пролетариата стала уносить вражеская пуля.

В ответ мы объявили *Красный Террор...*

К этому они нас вынудили.

И пусть они пеняют сами на себя, когда сейчас мускулистая рука пролетариата обрушилась на них со всею своею тяжестью.

У нас уже нет жалости к ним. Мы железной метлой выметем всю нечисть из Советской России.

Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс. Это должны учесть все сотрудники Чрезвычайных комиссий и все советские работники, из которых многие взяли на себя роль плакальщиков и ходатаев».

Мартын отложил перо, а затем быстро вывел то, что считал сейчас для себя несомненным. Нахлынувшие чувства взяли верх над его же собственной практикой. Он

написал, что при определении виновности следует прежде всего спросить, к какому классу принадлежит обвиняемый, какого он происхождения, какое у него образование и какова профессия. Он оправдывал эти требования тем, что прифронтовая полоса все еще кишит белогвардейцами.

Журнал вышел первого ноября. И хотя теория и практика самого автора статьи далеко не всегда сходились, он не сомневался: все, что написал,— истина!

Двадцать пятого декабря, раскрыв «Правду», Мартын увидел статью Емельяна Ярославского «Недопустимая мерка». Он считал Ярославского одним из лучших партийных публицистов и, естественно, сразу начал ее читать. С первой же строки увидел: цитата из его статьи, набрана жирным шрифтом.

«Подчеркнутые строки,— писал Ярославский,— взяты нами из статьи тов. Лациса «Красный Террор» в сборнике того же имени — «Еженедельнике Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте» (№ 1, Казань, 1 ноября 1918 г.)».

Мартын не сомневался, что Емельян Ярославский полностью его поддержит. Его удивил лишь категоричный заголовок: «Недопустимая мерка». К чему он относится?

«Слов нет,— читал он дальше,— «на войне — по-военному». И все же мы никак не можем допустить, чтобы вопрос о профессии и образовании разрешал судьбу обвиняемого. В момент обостренной борьбы с буржуазией принадлежность к этому классу много значит, но все же не решает вопроса о судьбе обвиняемого. А уж образование и профессия,— простите, тов. Лацис, не надо быть ни плакальщиком, ни ходатаем, чтобы признать совершенно недопустимой эту мерку решающей в вопросе о виновности».

Мартын почувствовал, что краснеет, словно его отчи-

тывали на людях. Да и в самом деле, Емельян отчитывал перед огромной аудиторией.

«У нас есть много очень уважаемых товарищей, вышедших из буржуазных классов. Воображаю только Карла Маркса или тов. Ленина в руках такого свирепого следователя.

— Имя ваше?
— Карл Маркс.
— Какого происхождения?
— Буржуазного.
— Образование?
— Высшее.
— Профессия?
— Адвокат, литератор.

Чего тут рассуждать еще, искать признаков виновности, улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом! К стенке его — и только».

Ехидный, очень ехидный привел пример Емельян. Как его опровергнуть? А Мартын уже горел жаждой опровергнуть.

«В этом смысл и суть красного террора? — продолжал он читать.— Какая нелепость!

Плакальщики и ходатаи! Кажется, я уже попал в список плакальщиков и ходатаев, и меня утешает только то, что я не принадлежал никогда к буржуазии, что я не получил «высшего образования», что профессия моя не может внушить подозрения тов. Лацису и его сотрудникам. Но, зная целый ряд весьма и весьма вредных последствий для Советской Республики, для дела социализма именно подобного рода приемов красного террора, я решительно протестую против них и думаю, что этот мой протест не индивидуальный, а выражает общую линию поведения нашей коммунистической партии. Никогда пролетариат не думал об истреблении интеллигенции, а ему говорят: спроси, получил ли подозреваемый такой

человек высшее образование? Если да — убей его, но доискивайся точных улик.

Мы думаем, что такого рода «красным террором» мы не уменьшим, а увеличим врагов Советской Республики, а потому считаем его совершенно недопустимым».

Мартын знал: горячность — плохой советчик. Сам старался, чтобы она никогда не взвивала свой кнут. Но на этот раз не выдержал. Пример с Марксом — умелый ход, беспроигрышная публицистическая находка, но в остальном-то он прав, речь ведь идет о прифронтовой полосе, об обстановке исключительной. Написал об этом в «Правду». Газета напечатала. Емельян Ярославский снова выступил с короткой репликой. А убил его вообще одной фразой: «Тов. Лацис, в конце концов, на деле гораздо мягче, чем он хотел бы казаться».

Рассудил их не кто иной, как Ленин. Мартыну стали известны его доподлинные слова: «...вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале «Красный Террор» товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо того написал на стр. 2 в № 1 своего журнала: «не ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом...»

Убежденность ленинской оценки заставила Мартына пересмотреть свою линию. Пересмотреть и полностью от нее отказаться.

Когда он приехал в Москву и пришел к Дзержинскому, тот, зная об этом суждении Ленина, сказал:

— Удивительно емкая фраза Владимира Ильича. Сначала он, что называется, отхлестал вас за конкретную ошибку и тут же дал самую лестную оценку, назвав вас «одним из лучших, испытанных коммунистов».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Революция вступила во вторую весну.

За осенние и зимние месяцы Советская власть расширила территорию, но страна по-прежнему оставалась в осаде. Вражеские силы возросли. На юге число войск Антанты достигало ста тридцати тысяч. На север, в Архангельск и Мурманск, захваченные англичанами, американцами и французами, прибывали подкрепления. Азербайджан оккупировали англичане. В Закаспии находились печально известные сипаи — британские колониальные войска. Антанта вооружала армии Колчака и Деникина. Колчак уже перешел в наступление.

Но одним из главных театров войны стала Украина. Украина была и пылающим очагом бандитизма, кулацкой контрреволюции. Сюда бежали контрреволюционеры из Петрограда, Москвы, других русских городов. Здесь буржуазные националисты соседствовали и уживались с поборниками «единой неделимой России».

В один из мартовских дней девятнадцатого года Мартына пригласил к себе Владимир Ильич. Беседу он начал шутливо. Много, мол, у Дяди оказалось товарищей на Украине. С секретарем ЦК Станиславом Викентьевичем Косиором вместе находился в ссылке, с председателем Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Григорием Ивановичем Петровским работал в Наркомвнуделе, с нынешним наркомом по военным делам Украины Подвойским и наркомом внутренних дел Ворошиловым входил в Военно-революционный комитет, одним словом, соскучились по нему товарищи.

Мартын сразу понял: речь идет о направлении его на Украину. Должно быть, в ЧК. И Ленин это подтвердил. В высшей степени сложная там обстановка. Возглавить Всеукраинскую ЧК должен опытный, решительный

и хладнокровный революционер. Надо бить противника, чтобы не быть битым!

Теперь у Мартына и в мыслях не проскользнуло сомнение в своих возможностях. Да, он накопил опыт. Были ошибки, неудачи, но кто не споткнется на никогда никем не хоженном пути... Он рад, что Ленин доверяет ему возглавить самых преданных бойцов с контрреволюцией там, где идет самая жестокая борьба.

Второго апреля 1919 года Совет Народных Комиссаров Украины издал постановление:

«Тов. Лацис назначается председателем Всеукраинской Чрезвычайной комиссии, т. С. Шварц назначается заместителем председателя Всеукраинской Чрезвычайной комиссии. Тт. Лацис и Шварц входят в коллегию Наркомвнудела».

Мартын покидал Москву с целой группой чекистов. Конечно, взял с собой обоих Покотиловых, Василия Пидкову и Арвида Граудыня. Ангелину Корсакову тоже взял. Иван Иванович-младший не счел возможным обратиться к товарищу Дяде с просьбой зачислить ее в группу. Но Мартын знал, как он этого хочет, к тому же не сомневался, что Корсакова принесет пользу.

В Киев из Харькова Лацис с товарищами приехали десятого апреля; на вокзале их никто не встретил, хотя в Киеве были предупреждены. Мартын позвал с собой Ивана Ивановича-младшего, они вышли на привокзальную площадь и сели на извозчика.

Шел двенадцатый час дня. На улицах должно быть полно прохожих, но лишь кое-где мелькнет человек, да и тот шагает торопливой походкой. Двери магазинов закрыты.

— Что происходит в городе? — спросил Мартын извозчика.

— Война происходит, разве не чуете?

Мартын прислушался. Издали доносились винтовочные и пулеметные выстрелы.

— Как война? — удивился он, зная, что войска Петлюры не могли подступить к самому Киеву.

— Обнаковенно: пуляють, стреляють. Чи то жовтоблакитни, чи зелени, чи белые. Все колеры перемешались.

— Когда началось?

— А позавчера.

Кроме часовых в здании ЧК оказался лишь один дежурный. Прочитав мандат Лациса, он доложил: все сотрудники отправлены на подавление кулацко-бандитского восстания.

— Какие подробности?

— Известно, что идут со стороны села Петровцы. Известно, что и вдоль Днепра идут, а с Днепра прикрывают два катера с пулеметами. Выехал на подавление товарищ Николаенко, командир корпуса войск ВУЧК, с небольшим отрядом. А бандиты — сразу на обман. Послали к нему своих вроде бы парламентеров: как вы тут главный начальник, приезжайте к нам для переговоров с повстанческим штабом. Товарищ Николаенко, человек бесстрашной храбрости, взял и поехал. А они его окружили, предательски схватили, отрезали нос, уши, выкололи глаза, распороли живот.

— Мерзавцы! — взъярился Мартын.

— Маловато наших сил, товарищ председатель! Войска все на петлюровском фронте. Мобилизованы чекисты, милиция, интернациональный отряд, на подмогу пришли рабочие. Потому у нас пусто, никого, окромя меня да часовых, все на Куреневке.

Мартын принял быстрое решение: послал Ивана Ивановича на вокзал, всем — под командованием Василя Пидковы, который хорошо знает город,— к месту боя.

Сам же взял в провожатые одного из часовых, подхватил первого попавшегося извозчика — чекистские автомобили и лошади все в деле — и на Куреневку.

Не до любования Мартыну природой, но когда подъехал к Крещатику, когда стал спускаться вниз к Подолу,— глаз не оторвать. Слева — крутая гора (красноармеец подсказал: Владимирская горка), на ней застыл каменный Владимир с крестом, вокруг — самая сочная, самая яркая, только что рожденная листва. А справа, справа — настоящее чудо: Днепр безмерной ширины. Вспомнил бывший учитель гоголевское: «Редкая птица долетит до середины Днепра». И поверил, хотя понимал, что гипербола. Разлился Днепр до самого горизонта, а там — голубая даль, и, кажется, эта голубизна простирается над всей Украиной.

Залюбовался Мартын, очаровалась его поэтичная душа. Но тут идиллическую голубую даль прорезала пулеметная очередь.

— Подхлестните-ка лошаденку! — попросил он извозчика.

— Я под пули коня не погоню, конь у меня убогий, а сам я калеченый.

Под пули Мартын и не велел гнать. Отпустил вскоре извозчика, а сам с красноармейцем вперед по длинной улице.

Тут и догнал он рабочий отряд, впереди которого шагали — сначала Мартын глазам не поверил,— шагали председатель ВУЦИК Григорий Иванович Петровский и наркомвнудел Украины Ворошилов. Бросился он к ним, горячо пожал руки.

— Не такой Дядя человек, чтобы сейчас отсиживаться в кабинете,— довольно заметил Петровский.

— Я еще и кабинета своего не видел.

— Зато сразу представите себе нашу обстановку,— добавил Ворошилов и на ходу подтянул голенища хоро-

шо начищенных сапог. В отличие от штатского Петровского он выглядел настоящим военным.

— Широко задуманное восстание. Несомненно спланированное Петлюрой,— короткими фразами, в такт походному шагу говорил Ворошилов.— Командует царский офицер Клименко. Агитация самая нелепая. Но на темные массы действует. Большевики, мол, силой загоняют всех в коммуны, детям вырезают на голой руке букву «К», то есть «коммунист». А ведь это им прививают оспу... Выпустили листовки с призывом уничтожать комиссаров. Идут не только с винтовками, обрезами, пулеметами, но и с мешками, чтобы было куда сложить награбленное, если удастся захватить Киев.

— Мне сказали: зверски убили товарища Николаенко, вы знали его?

Ворошилов ответил не сразу. Из груди вырвался тяжелый вздох.

— Близкий мой друг. Луганский рабочий. Один из первых вступил в партизанский отряд, который я формировал. Был адъютантом штаба. Воевал действительно геройски. Поверить не могу, что нет его,— голос Ворошилова дрогнул и лишь через несколько шагов он продолжил: — Удайся им захватить Киев, сотням, тысячам отрезали бы носы, вспороли животы. Вот какие на Украине бандиты!

— Кто возглавляет сейчас наши силы? — спросил Мартын.

— Товарищ Сорин, председатель Киевской губчека,— ответил Петровский.— Тоже большой отваги человек. Уже ранен, а из боя не выходит.

Достигли Житного базара. Ворошилов поднял руку, остановил бойцов.

— Разобьемся на две части,— сказал командиру.

В это время к ним подбежал высокий худой человек, левая рука на перевязи. Мартын узнал Сорина. Поздоро-

вались. Следовало бы потолковать, но не в такой обстановке.

— Я с вами,— промолвил Мартын и зашагал за Сориным.

И сразу же чекисты пошли в атаку, а справа и слева от них — рабочие отряды. Штыковая атака короткая. Тем более противостояли не офицерские батальоны, как в Свияжске, а бандиты — храбрые только тогда, когда их много и когда их боятся. Теперь же они кинулись наутек, через дворы, через сады. Злая пуля вторично попала в Сорина. Мартын бежал рядом с ним, но его пуля миновала. И на этот раз Сорин остался в строю. Перевязали ногу, выломали палку, и, опираясь на нее, шел он в рядах чекистов.

Вечером десятого апреля восстание было подавлено. Около ста пятидесяти человек арестовали. В тот же вечер Мартын со своими помощниками приступил к допросу.

— Первого попавшегося,— приказал коменданту.— На ком глаз остановится.

Тот привел ничем не приметного дядьку. Роста среднего, комплекции обыкновенной, опущенные усы.

— Фамилия? — спросил Лацис.

— Иванченко.

— Звать?

— Иван.

— Откуда?

— Живу в селе Лютяж.

— Сколько земли?

— А ни клаптика. Батрак. С дедов-прадедов. На куркуля Билошапку кровавый пот лью.

— Что же вы с оружием пошли на Советскую власть?

— Сдуру. Сдуру и спьяна. Билошапка самогоном напоил и обещал, что в Киеве полный лантух * добра набью.

* Лантух (укр.) — мешок.

— Значит, стоит вас подпоить, дать обрез — и вы в кого угодно станете стрелять?

— Так я ж сказал: сдуру! От темноты батрацкой. Простите меня! Я за Советы и коммунистов вот такую свечку поставлю,— широко развел руки.

Мартын попросил коменданта привести еще когонибудь из села Лютяж. Тот доставил парубка в добротных юфтевых сапогах, в белой полотняной рубахе с широкой вышивкой, в ладно скроенной на крепкую фигуру свитке. Тут не ошибешься, с первого взгляда видно — кулак.

— Знаете этого человека? — спросил Мартын Иванченко.

— Как не знать, сосед! По-уличному — Кабан, а в церковной записи — Билошапка.

— Кулак?

— Батько. А он — старший сын. После батька сам хозяином станет.

— Где нож, которым чекиста резал?

— Какой нож? Никакого ножа нет и не было,— испуганно забормотал кулацкий сын.

— Выкинул он его. Не пойдет же в полон с кровавым ножом.

Мартын распорядился, чтобы каждый сотрудник обязательно перепроверил показания арестованных. Тем более что среди них много односельчан.

Три дня вели чекисты допрос. С полсотни оказалось бедняков. Кого обманули, кого подпоили...

И тут Мартыну пришла мысль, которая многим в тот момент могла показаться несуразной, дикой, даже вредной. Часть крестьян, участвовавших в восстании, в бандитском походе на Киев, выпустить на свободу. Завтра же! Лишнего дня не задерживать. Выпустить всех бедняков — незаможников, как их называют на Украине.

Чем больше думал об этом Мартын, тем больше убеждался в правильности такого решения.

Но нужно все же потолковать об этом с кем-то из руководителей республики. С кем? Станислав Викентьевич Косиор в отъезде. Лучше всего с Григорием Ивановичем Петровским.

Мартын позвонил во Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет, но дежурный ответил, что Петровский недавно ушел домой.

Конечно, нехорошо беспокоить усталого товарища дома, но дело не терпело отлагательства, и Мартын назвал телефонистке номер домашнего телефона Петровского.

Трубку сняла Домна Федотовна — его жена. Мартын знал ее еще по Петрограду, поздоровался, извинился, что беспокоит так поздно.

— Какой там поздно! Сейчас только ужин собираю Григорию Ивановичу.

— А для меня стакан чаю найдется?

— С превеликой радостью! Совсем забыла, когда с друзьями чаевничали. В подполье и то куда чаще собирались за столом, а теперь — заграбастала вас всех работа.— Лацис услышал, как она громко сказала мужу: — Гриша, Мартын Янович — к нам на чай! — И снова в трубку: — Ждем!

Григорий Иванович стоял в узеньком коридоре и голенищем сапога раздувал самовар. Увидев Мартына, выпрямился, пожал ему руку.

— Вот хорошо, что заглянули, от души рад! Хотел,— показал рукой на самовар,— чтобы к вашему приходу закипел, а он что-то не спешит. Ну да сейчас поспеет. Пошли в хоромы.— Григорий Иванович взял Мартына под руку и открыл дверь. Навстречу Домна Федотовна, обняла Мартына, пригнула голову, поцеловала в лоб. Все лицо ее заливали доброта и ласковость. Она отступила назад, сияющими глазами оглядела гостя.

— Ну и богатырь ты, Мартын Япович, любо-дорого посмотреть. Пожалуй к столу...— И сразу спросила: — Неужто еще в холостяках ходишь?

— Женился, Домна Федотовна,— весело ответил Мартын. Давно не испытывал он такой атмосферы радушия, какой дышала небольшая двухкомнатная квартира.

— Кто же эта счастливица, что такого молодца сумела обломать?

— Не очень-то ей пришлось обламывать. Партийка. Еще молоденькой девушкой с подполья знал.

— Красивая, наверно?

— Для меня, во всяком случае. Надеюсь, и вам она понравится. Как немного обживусь здесь, вызову из Москвы и прежде всего к вам на осмотр.

— На осмотр — это к врачу,— поправила Домна Федотовна,— на смотрины — был такой старый русский обычай. Ты уже по-русски совсем мастак, но поправлять иногда следует.

Сели за стол. Бедно на столе, но так все живут.

— Вот в какое пекло вы сразу попали,— заговорил Григорий Иванович, имея в виду куреневское восстание.— Спасибо Владимиру Ильичу, что уважил нашу просьбу насчет вас.

— Я к вам как раз по поводу куреневского восстания. Извините, что поздно вечером, мог бы и до утра подождать, мог бы, но — судьба многих, многих людей!

Домна Федотовна уже водрузила на стол самовар и разлила чай.

Мартын рассказал о своих намерениях. Григорий Иванович не скрыл удивления. От кого, но от председателя ВУЧК странно слушать подобное. Разве незаможники не стреляли, не убивали наравне с кулаками? Вот, скажем, на улице одного человека убил кулак, а

другого — незаможник, разве не будут их обоих судить за убийство?

— Будут! Но участие в восстании и преднамеренное убийство — не одно и то же. В украинских условиях, когда Советская власть только устанавливается, когда так силен националистический дурман, восстание имеет своих организаторов, свое кулацкое ополчение, сознательно выступающее против нас. И оно-то и всасывает стихийно пошедших за ним бедняков. Стихийно! Но это же люди, о судьбе которых в первую очередь печется Советская власть. Они не могут быть нашими врагами. Их подпоили, завязали глаза желто-голубой повязкой и повели против нас. Так откроем им глаза! Это наша обязанность как коммунистов!

Григорий Иванович отставил в сторону стакан чаю и со всем вниманием слушал Мартына.

— Предлагаю,— продолжал тот,— завтра созвать экстренное заседание Совнаркома. Если нас поддержат, а я не сомневаюсь, что поддержат, вам, наркомам Скрыпнику, Подвойскому, Ворошилову имело бы смысл выступить перед незаможниками. Объяснить, что к чему, так, чтобы в их головах установилась полная ясность. А в заключение сказать: на сей раз Советская власть прощает вас, возвращайтесь домой и другим расскажите то, что услышали здесь, а сами становитесь в ряды наших верных помощников. И еще одно, немаловажное: представляете, какие добрые чувства мы вызовем в других незаможниках?

Григорий Иванович привстал, долил в стакан кипятку.

— Умелый вы агитатор — сначала заставили меня серьезно задуматься, а затем, не спрашивая, записали в свою компанию: «Нас поддержат, вы выступите...»

— Но я действительно не сомневаюсь, что вы будете в одной со мной компании. Не сом-не-ваюсь!

Григорий Иванович по давнему обычаю налил очень

горячий чай в блюдце, поднял его на растопыренных пальцах, поднес ко рту. Молча выпил полное блюдце, поставил в него пустой стакан и отодвинул от себя. Хотя вечерняя прохлада остудила дневную жару, летнее тепло, а особенно горячий чай вышибли пот. Григорий Иванович вытер лицо платком.

— Раньше полотенца специально подавали,— заметила Домна Федотовна. Ей никто не ответил. Григорий Иванович был занят своими мыслями.

— Сейчас подумал: поддержал бы вас Дзержинский? Поддержал бы! И я очень доволен, что дух Дзержинского будет среди наших украинских чекистов.

На другой день Мартын доложил свои соображения Совнаркому. Сказал, что их поддерживает Григорий Иванович Петровский. Предложение приняли. Перед задержанными незаможниками выступили лучшие партийные ораторы, и всех бедняков отпустили. На Киевщине еще раз убедились в справедливости Советской власти.

Через несколько дней сотрудник «Известий ВУЦИК» попросил Лациса дать беседу для газеты.

Сотрудник оказался отощавшим от голода юношей в солдатской гимнастерке. Он волновался и признался, что впервые выполняет ответственное задание самого редактора. Едва начал записывать, как сломался карандаш. Извинился, заточил. Не поспевал, переспрашивал.

«Еще перепутает, ошибется»,— думал Мартын.

— Вот что, товарищ, записывайте спокойно, а я вам продиктую. Сам писал и пишу в газеты, немного смыслю, что вам необходимо.

Корреспондент обрадовался, удобнее расположился, приготовился писать, как диктант в школе.

— В беседе с нашим сотрудником,— начал Мартын,— председатель Всеукраинской Чрезвычайной комиссии по

борьбе с контрреволюцией товарищ Лацис коснулся белогвардейских выступлений, волной прокатившихся в последнее время по Украине, и поделился сведениями о работе ЧК. Белогвардейские выступления... носят не случайный характер, а вызваны лицами, тесно связанными со штабом Петлюры. Ядро этой контрреволюционной и предательской организации находится в самом центре Советской Украины, откуда и идут все директивы белогвардейцам, руководящим местными восстаниями. Организация эта работает главным образом среди серых крестьянских масс, налегая исключительно на ее темноту и религиозные чувства.

Мартын обошел стол, стал за спиной молодого газетчика и внимательно смотрел, как тот записывает.

— Продовольственные затруднения Советской власти также служат козырем в руках этой хулиганско-белогвардейской своры... Чрезвычайная комиссия будет вести свою работу, направляя главным образом свое внимание на центральные организации, руководящие всеми этими контрреволюционными выступлениями. Что же касается работы с крестьянской серой массой, то мы полагаем; что этим делом должен заняться Центральный Комитет партии.

ЧК будет выступать только тогда, когда понадобятся меры пресечения. С этой целью на местах в настоящее время усиленно организуются и губернские чрезвычайные комиссии.

— Моя задача сейчас,— Мартын указательным пальцем ткнул себя в грудь,— напрячь все усилия к тому, чтобы правильно поставить работу в ЧК Советской Украины. На чрезвычайные комиссии возложена самая ответственная работа. Им приходится держать в руках весь внутренний фронт борьбы с контрреволюцией. Фронт этот представлен самыми хитросплетенными укреплениями, где неприятель стоит не открыто и честно, а,

наоборот, часто даже работает, прикрываясь защитным цветом советского служащего или лжеспециалиста. В таких условиях ЧК должна работать в тесном контакте с пролетарскими массами. Должна быть также строгая координация работы ЧК с местными исполкомами и партийными комитетами.

II

В то время когда Мартын диктовал корреспонденту, что «ядро этой контрреволюционной и предательской организации находится в самом центре Советской Украины», он уже располагал точными фактами.

Накануне ему позвонил начальник особого отдела 1-й Украинской Красной армии Федор Тимофеевич Фомин.

— Хорошо, если бы вы взглянули на одного человечка и мы вместе приняли решение.

— Привозите вашего человечка!

С Фоминым Мартын уже встречался. Ему ли, в первый же день после Октября назначавшего рабочих и солдат комиссарами,— ему ли удивляться, с какой быстротой большинство из них становились настоящими революционными руководителями. Вот тот же Фомин — был рядовым солдатом, правда, служил в разведке, значит, сметливый, а теперь начальник особого отдела армии, ведет борьбу с матерыми шпионами.

Вскоре вошел круглолицый молодой военный с пухлыми губами, русые волосы аккуратно зачесаны на пробор. Впереди себя пропустил видного казака: длинные усы, строен, брови черные, глаза черные, нос со шляхетской горбинкой.

— Вот, товарищ Лацис, прислали из Богунского полка, перешел линию фронта. Признался, что направлен в Киев петлюровской разведкой, а хочет служить нам. Эта

ленточка,— положил перед Мартыном отрезок голубой ленты, которую девушки вплетают в косы,— на ней, поглядите, надпись тушью: «Кайдани порвіте»,— слова из «Заповіта» Тараса Шевченко. Так эта ленточка,— утверждает он,— пароль.

Лацис предложил обоим сесть. Спросил у перебежчика:

— Давно у Петлюры?

— Порядочно, дослужился до хорунжего.

— Все время в разведке?

— С полгода. Пользуюсь полным доверием.

— Почему же пренебрегли доверием?

— Могу только от всей души! И честно скажу — от души служил Петлюре. Петлюра и ненька * Украина для меня были вроде синонимов.

— Вы не простой хлебороб?

— Учитель. Сын учителей. Сельских.

— И я учитель,— невольно улыбнулся Мартын.

— Тогда вы меня поймете,— заговорил быстро.— Наш язык, прекрасный язык Тараса Шевченко, Леси Украинки, Коцюбинского, называли мужицким, нашу культуру топтали. Отец сам послал меня к гетману Скоропадскому. А тот предал Украину немцам. Я ушел к Петлюре. А Петлюра французам запродался. Скоропадский сам был помещиком, и все его заботы про помещиков. Петлюра всем сердцем с куркулями. А как же селянин — малоземельный, безземельный, незаможный? А их миллионы! Я недавно был дома. Люди говорят: «Жовто-блакитну ганчирку ** повесили, а мы как бедовали, так и бедуем». Приехал я домой потому, что отец был при смерти, и он мне как свой заповит дал: «Как же ты детей потом станешь учить, если борьба твоя неспра-

* Ненька (укр.) — мама, мать.
** Ганчирка (укр.) — тряпка.

ведливая? Правда — у красных, они за всех бедняков. И Украину никому продавать не станут, а только с Россией скрепят союзом». Как учитель вы должны знать: детей можно учить, коль па твоей совести никакой грязи.— С каждой минутой он говорил все быстрей и горячей, словно торопился очистить свою совесть.— Такой я перед вами,— развел руками, будто распахивая душу.

Фомин перевел взгляд с него на Мартына.

— Как считаете, товарищ Лацис, можно верить?

Не так просто после первой беседы принять решение. Разве не сумеет враг сыграть и искренность, и раскаяние... А если действительно искренен, если действительно раскаялся... До чего тяжело перебороть недоверие. Но Мартын достаточно хорошо знает людей. Вся его жизнь связана с распознаванием человека. И он ответил:

— Считаю, что можно.

— Спасибо! — прочувствованно воскликнул парень.

— Считаю, что можно,— повторил Мартын,— но застраховать себя обязаны. Как ваши имя и фамилия?

— Панас, по батьку Петрович, по фамилии Грищук.

— Вы разведчик, Панас Петрович, и должны понять нас без обиды. Тем более страховка наша будет вам не в тягость: дадим хорошего парня чекиста, украинца, вы вместе поселитесь и вместе посетите все явки.

— Воля ваша. Для меня самое важное, что поверили.

Василь Пидкова получил ордер на комнату по Фундуклеевской улице. Комендант ЧК наградил солдатским одеялом, подушкой, двумя комплектами белья. Пообещал, если не окажется мебели, железную кровать, стол и стул. Но пришлось поставить еще одну кровать и выделить белье, потому что в комнату к Василю Пидкове поселили Панаса Грищука.

Есть люди, которые располагают к себе с первого

знакомства. К ним принадлежал и Панас Грищук. Но как раз по этой причине простодушный и непосредственный по натуре Василь особенно насторожился. Строго предупредил: при первой попытке предательства будет убит на месте. И для пущей убедительности показал на маузер. Но из-за этого же маузера сам потерял сон.

Он заснет... А вдруг Грищук подкрадется, завладеет оружием? Спрятал под рубаху. Вертелся с бока на бок. Видно, и Грищуку не давал спать. Тот приподнялся на койке.

— Спите спокойно, не полезу я за вашей зброей*.

Василь ничего не ответил. Подумал: «Может, и не полезешь, а может...»

Встал хмурый, голова тяжелая, а Панас смеется:

— Так вам не выдержать. Ставьте возле меня часовых в три смены. Иначе придем к резиденту, а вы сядете и заснете.

Тоже верно. Однако хоть на первом резиденте, а проверить Грищука необходимо.

— Напишите список агентов и их адреса, а я выберу, к кому идти сегодня.

Грищук с готовностью сел за стол, написал:

«Бийский — Подвальная ул., 26. Павловский — Крещатик, 18. Близнюк — Красная пл., 10. Сперанская — Трехсвятительская ул., 3».

Раньше второй половины дня визиты наносить нечего — Панас предупредил, что все они состоят на советской службе. Однако не сидеть же в четырех стенах. Василь предложил пройтись по адресам, глянуть, где какой дом, откуда вход, чтобы потом не плутать.

С холма на холм взбегали улицы, и каждую из них расцвечивали каштаны, липы, тополя. Листья каштанов еще не распрямились и походили на гусят, только что вы-

* Зброя (укр.) — оружие.

лезших из скорлупы, свечи лишь начинали белеть, и алые крапинки зажигались теплыми огоньками. Ветви лип, казалось, покрылись бесчисленными зелеными мотыльками, которые на легком ветерке шевелили крылышками. Как воины, в остроконечных шапках стояли тополя, и только золотые макушки соборов и церквей еще выше взвивались к небу. А кручи над Днепром... Будто взлетели огромные волны, каких и море никогда не вздымало, и застыли, затвердели, покрылись цветами, кустами, деревьями, зазвенели соловьиными трелями. Внизу, как река средь каменных берегов, плыл вдаль Крещатик — самая дивная улица Киева. К нему, будто ручьи с гор, бежали другие улицы, бежали, казалось, по велению Богдана Хмельницкого. На площади, рядом с Софийским собором, неутомимо скакал он на бронзовом коне.

— Как же можно торговать такими скарбами *?

— О чем ты? — встрепенулся Василь.

— Об Украине, которую Петлюра продал Франции...

— Слушай,— сам того не замечая, перешел Василь на «ты»,— значит, на самом деле, значит, от чистого сердца?..

— Да если бы иначе... огнем жгли бы, я б рта не раскрыл!

— Мы огнем не жгем. И вообще — никакого насилия. С этим у нас строже строгого. Чекисты на память знают инструкцию товарища Дзержинского. — Василь на мгновение задумался. — Слушай и вникай: каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть.

Не одну минуту обдумывал сказанное Грищук.

— Удивил ты меня... Прочитал бы петлюровскую инструкцию: бей, души, режь, стреляй, сыпь яд!..

* Скарб (укр.) — богатство, драгоценность.

Ксения Викторовна Сперанская оказалась женщиной среднего возраста. Пепельные густые волосы со лба и затылка были подобраны кверху и искусно закреплены шпильками. Обычно в такие годы волосы уже тускнеют, но ее прическу словно бы осыпала легкая утренняя роса. Она, конечно, знала, что волосы — самое главное ее украшение и, открыв дверь Пидкове и Грищуку, сразу приподняла руки, поправляя прическу, как бы привлекая к ней внимание.

Убедившись, что это именно Сперанская, Грищук протянул ей голубую ленточку. Она прочла надпись и коротко спросила:

— Пароль?

— Коростыпь!

Разговор происходил в комнате настолько забитой мебелью, что между кушеткой, диваном, столом и столиками, пуфами и стульями с трудом можно было пробраться.

— Уплотнили «товарищи»! — зло сказала Сперанская. — Садитесь.

Она предложила им чаю, но Грищук отказался: чем быстрей они поговорят и уйдут, тем безопасней.

— Вы правы,— согласилась Сперанская,— в Киев приехала главная на всю Украину ЧК.

Она повернулась спиной к мужчинам и вынула из корсажа свернутую в рулончик узкую полоску бумаги:

— Здесь последние сведения о количестве красных частей в Киеве, их вооружении, численности и месторасположении.

— Источники? — спросил Грищук.

— Самые достоверные. Могу добавить: я пользуюсь полным доверием самого пана Симона Петлюры.

— Это мы знаем.

«Крупную щуку зацепили на крючок»,— подумал Василь...

Побывали Василь и Грищук у Бийского, который представился «доктором Бийским», облеченным личным доверием папа Петлюры. Его особое задание — диверсии на железной дороге...

Близнюк оказалась женщиной, работала в петлюровской разведке с первых дней ее создания. Заведовала информационным бюро. После отступления петлюровцев из Киева осталась в городе.

Эти двое, как и Сперанская, были сдержанны, вели лишь деловой разговор. Павловский же прежде всего настоял, чтобы они закусили, чем бог послал. А бог ему послал бутылку горилки, добрый кусок сала, круг колбасы, соленые огурцы. Павловский пил рюмку за рюмкой, и его потянуло на хвастовство. Где он работает? В советском Наркомате военных дел Украины. Кто дает самые важные и секретные сведения? Он. Вот сегодня узнал, что красные готовят наступление. За одну такую информацию пан Петлюра должен пожаловать его в полковники. Красные надеются на внезапность, а теперь от их внезапности останется один пшик. Этим сведениям цены нет! Паны, он не сомневается, сообщат о нем пану Петлюре.

Василь и Грищук поблагодарили хозяина, пообещали обязательно доложить о нем пану главному атаману.

Доложили в тот же вечер Лацису и Фомину.

Сведения оказались точными: удар по петлюровскому войску действительно готовился, нужно брать резидентов немедленно.

Ночью всех четверых арестовали.

III

Перед Мартыном лежал протокол собрания членов КП(б)У Мелитопольского уезда Екатеринославской губернии:
«30 апреля 1919 г.
Председатель собрания *Бронзос*
Секретарь *Вельков*

Слушали: О действиях ЧК, из которых видно, что она стоит на должной высоте, но не имеет достаточно работников-коммунистов.

Постановили: Заслушав прения по данному вопросу, т. Белоцерковец предлагает подобрать хороших работников из партийцев и назначить в ЧК.

Большинством голосов предложение принято».

Не было дня, чтобы с разных концов Украины не приходили подобные протоколы, запросы, письма. Спрашивали не только о том, как работать, но и как жить чекистам. Сообщали порой о неладах с исполкомами, с партийными комитетами. Приходили жалобы на отдельных сотрудников губернских, уездных комиссий.

Мартын уже не раз размышлял о проблемах, которые вырастали перед молодыми чекистами Украины. Сейчас, прочитав этот обычный протокол, он решил обратиться с письмом ко всем чрезвычайным комиссиям республики.

Ночи у него были почти так же загружены, как и дневное время, но все же несколько часов вырывал он для сна и спешил домой, где его ждала Тоня. Да, она приехала недавно к нему в Киев.

Сколько раз он просил ее:

— Ложись, не жди меня.

Она не соглашалась:

— Тогда я забуду, как ты выглядишь.

Но нередко случалось, что он не имел возможности и часа выкроить для сна, тогда звонил Тоне и предупреждал.

Прошел уже год, как они стали мужем и женой, но у них все еще длился «медовый месяц». Может быть, еще и потому, что если собрать все дни, которые они провели вместе, то больше месяца и не наберется. Мартын так долго сковывал чувства, что теперь все больше любил свою Мейтене *, как называл Тоню.

* Мейтене (латышск.) — девушка, девочка.

Сняв телефонную трубку, Мартын сказал Тоне, что сегодня ночевать не придет.

— Но хотя бы часок поспи в кабинете,— попросила она...

Положив перед собой стопку бумаги, Мартын обмакнул перо в чернила и вывел крупными буквами:

«Дорогие товарищи!»

Писал он всегда быстро. Со стороны показалось бы — даже не задумываясь. Но это от того, что быстро и четко работала мысль. Потому что писал все основательно выношенное и в Москве, и в Казани, и здесь, в Киеве.

«На чрезвычайные комиссии возложена в высшей мере ответственная работа. Ей приходится держать в руках весь внутренний фронт борьбы с контрреволюцией. То, что Красная Армия на внешних фронтах, то — Чрезвычайная комиссия на фронте внутреннем... Усилить эту работу одними силами сотрудников чрезвычайных комиссий, без поддержки широких масс, невозможно».

«Сначала об основных недостатках,— подумал Мартын,— прежде всего сотрудники должны знать свои просчеты, ошибки».

И, обмакнув перо, продолжал:

«Очень часто мы мало считаемся с религиозными чувствами обывателей. Мечом их не покорить. Для этого нужны долгая просветительная работа и предметный урок. Религию надо оставить частным делом каждого гражданина... Порой мы не в меру усердно преследуем спекулянтов, конфискуя у бедняка трудами добытые несколько несчастных фунтов продовольствия. Ничто так не озлобляет обывателя, как эта наша необдуманная работа. Пока наш продовольственный аппарат не налажен, мы не можем запретить добывать частным путем необходимые для поддержания жизни продукты. На это мы должны смотреть сквозь пальцы, а свое внимание уделить настоя-

щим спекулянтам, разбухающим от трудовых грошей нищеты...»

Тут его мысли переключились на другую очень важную тему:

«Надо быть очень осторожным, когда операцию приходится произвести в рабочей массе. Если она и была поймана с поличным в противодействии Советской власти, то это из-за ее темноты, из-за недоразумения, из-за подуськивания контрреволюционных элементов и буржуазии.

За это строго судить нельзя. Здесь должны действовать не тюрьма и не меч, а разъяснения, агитация. Тут надо поработать нашему партийному комитету. Нельзя, конечно, совсем воздержаться от применения репрессивных мер, но они должны применяться с таким расчетом, чтобы это повлияло на остальную массу, а не просто с целью убрать с дороги одного противника, противника по недоразумению.

Другое дело, когда мы имеем перед собой лиц буржуазного класса...»

Мартын остановился. Больше он не повторит ошибки, за которую критиковали его Ленин и Ярославский. Не прав был тогда. Не прав! Теперь об идейности чекиста, его поведении, личной жизни, все это очень важно. И быстрое перо выводило новые строки:

«Даже и своей личной жизнью мы порой роняем авторитет чрезвычайных комиссий. Нельзя требовать от обывателей исполнения распоряжений Советской власти, когда сам их не исполняешь...»

Мартын отложил перо. Нужно сформулировать основные задачи. Коротко, чтобы они запоминались, как заповеди:

«Чрезвычайная комиссия должна так поставить свою работу, чтобы обыватель ее не пугался, а чтобы он в ней нуждался.

Каждый честный гражданин должен найти для себя

в лице Чрезвычайной комиссии защитницу от всяких насилий и контрреволюционных опасностей».

Медленно вывел, выделяя каждую букву:

«Имя Чрезвычайной комиссии должно быть чисто. На нее много возложено, постараемся же мы это оправдать.

Переходя к тому плану работы, которого я намерен придерживаться в своей работе, я не могу не указать, что состав сотрудников Чрезвычайной комиссии должен набираться из идейных работников, а не из людей, работающих по необходимости.

В Чрезвычайной комиссии не могут работать люди из неправительственных партий... У нас имеется только одна уже определившаяся и окрепшая правительственная партия — коммунистическая (большевики)...»

«Пожалуй, нужно дать практический совет»,— подумал Мартын.

«Нам не важно изловить одного-другого члена преступной организации. Нам необходимо уничтожить всю эту организацию. А это можно только при планомерной работе. Порой необходимо будет оставлять на свободе явно преступный элемент, для того чтобы через него установить всю организацию. И только после этого хватать и его совместно с другими.

Такая работа нужна, но она невозможна без сотрудничества с исполкомами и партийными комитетами. О каждой крупной операции, которую вы намечаете, поделитесь мнением с партийным комитетом и исполкомом».

Приостановил разбежавшееся перо. Нужно выделить самое важное:

«Партийная директива нам выше всего и мнение масс дороже всего... Имя Чрезвычайной комиссии должно стать близким и любимым каждому члену великой пролетарской и крестьянской семьи.

С товарищеским приветом

Председатель ВУЧК *Лацис*».

Мартын внимательно все перечитал. Он заметил погрешности стиля, но править не стал. Так вылилось из сердца. Пусть. Фразы эти родились сейчас, но мысли вынашивались не один день.

Откинувшись на спинку кресла, Мартын опустил руки, расслабил мышцы. И тут услышал шум дождя, даже ливня. Странно, ведь не сейчас он хлынул. Встал, подошел к открытому окну. Струи били по кронам деревьев, но были видны лишь в небольшом пространстве, освещенном из кабинета. Жемчужными нитями падали они из темноты и в темноте же тонули. Вот как увлекся письмом — и не заметил, когда начался дождь. Глянул на часы: четверть пятого. До восьми еще можно поспать.

В шкафу лежали простыня, подушка и одеяло. Он постелил на диване, сел, и взгляд уперся в карту Украины. Карта чуть ли не вся утыкана зловещими черными флажками. Каждый флажок обозначал банду, действующую в этом районе. Мартын на память знал фамилию каждого атамана и батьки. Взгляд его поднялся на север от Киева, тут, в Чернобыльском районе, крупная банда Струка; западнее, в Житомирском и Радомысльском районах, свирепствовал со своим отрядом Соколовский; на юге, недалеко от местечка Триполье,— многочисленная банда бывшего учителя Терпило, известного под кличкой Зеленый; на Уманщине — банды Тютюнника, Попова, Клименко; на Таращанщине — петлюровского полковника Нечая; возле Гайсина — атамана Волынца; у Бахмача — банда одного из самых лютых атаманов — Ангела, на Гуляйпольщине разлилась целая бандитская армия батьки Махно.

А сегодня обрушилось новое — пришла телеграмма от председателя Николаевской ЧК:

«С того времени, когда атаман Григорьев отпустил свои войска на отдых, по Херсонской губернии начались грабежи и убийства... В настоящее время войска в сборе.

Они открыто, с командным составом во главе, разгоняют вооруженной силой все сельские, уездные, городские исполкомы, парткомы, арестовывая их и расстреливая. Освобождают из тюрьмы уголовный элемент и бывших царских генералов... Ставя вас обо всем в известность, прошу срочно принять меры. Военкомом и мною приняты — город объявлен на осадном положении».

Атаман Григорьев не чета даже крупным бандитам, как Струк или Ангел, у него войск не меньше двадцати тысяч человек. Он штабс-капитан царской армии, очень честолюбивый. Служил Центральной раде, гетману Скоропадскому, Петлюре, когда же положение Петлюры стало шатким, Григорьев заявил:

«Все двадцать моих партизанских отрядов борются с самостийниками и с соглашателями мировой буржуазии, мы идем против Директории, против кадетов, против англичан, и немцев, и французов, которых на Украину ведет буржуазия... Наш девиз — вся власть Советам и диктатура пролетариата».

Тогда командование Красной Армии дало Григорьеву приказ освободить Одессу. Приказ он выполнил, но как только григорьевцев отвели на отдых, начались повальные пьянки, погромы чрезвычайных комиссий, парткомов, Совдепов. Чтобы привлечь на свою сторону крестьян и горожан, Григорьев бесплатно раздавал мануфактуру. В Елизаветграде провозгласил «Универсал»: «Власть Советам народа Украины без коммунистов!»

Мартын задумался, припоминая все это, и забыл о постели, разостланной на диване. Нагнул голову, утопил руки в мягкой бороде.

Сегодня, после телеграммы из Николаева, по его просьбе состоялось заседание Совета рабоче-крестьянской обороны, куда входили Косиор, Петровский, Раковский, Подвойский, Бубнов и он, Лацис. Рассмотрели политическую и военную стороны григорьевщины.

О роли ЧК в постановлении, принятом Советом, сказано одной фразой: «Предложить ВУЧК принять самые энергичные меры». Мартын уже начал принимать эти меры. В помощь частям Красной Армии приказал сформировать отряд чекистов. Завтра выезжает группа сотрудников, которая должна внедриться в ряды григорьевцев.

До сих пор ЧК главным образом боролась с вражескими шпионами, выполняя роль контрразведки, пришла пора заняться как следует разведкой.

Мартын лег, заложил руки под голову и, слушая дождь, продолжал думать. Сон не шел. Сквозь струи начал пробиваться рассвет...

IV

Ночью в камеру подполковника Парнова пришли следователь и два чекиста. Было установлено: подполковник — начальник одного из отделений деникинской армейской разведки.

Следователь прочитал ему приговор:

— Гражданин Парнов Григорий Васильевич, бывший подполковник царской армии, состоящий на службе в деникинской разведке, за организацию диверсионной работы, направленной против Советской Украины, приговаривается к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Следователь удалился, а двое чекистов остались с осужденным. Один из них молодой, другой значительно старше. Тот, что постарше, связал подполковнику руки, вывел во двор. Здесь его посадили в закрытый автомобиль и повезли. Через некоторое время старший чекист приказал:

— Выходи!

Парнов увидел силуэт Киево-Печерской лавры.

Отвели его метров на двести от автомобиля.

Все дивно было вокруг: и вытканная лунным светом дорожка па Днепре, и аромат отцветающей сирени, и соловьиный хор. Чтобы хоть на несколько минут продлить жизнь, подполковник попросил последний раз закурить. Когда пожилой чекист начал сворачивать цигарку, молодой неожиданно выхватил револьвер и выстрелил в него. Тот упал. Подполковник онемел от неожиданного чуда. Молодой чекист освободил ему руки, быстро стащил с убитого кожаную куртку и фуражку с красной звездой.

— Надевайте, господин подполковник! — Снова нагнулся, снял с чекиста пояс с кобурой и револьвером, протянул ему. — Быстрее в автомобиль! Надвиньте фуражку и ни слова. Шофер примет вас за чекиста.

— Кто вы? Как мне вас благодарить?

— Обо всем позже... На вокзал! — приказал, когда уселись.

У вокзала Арвид Граудынь, а это был он, отпустил автомобиль. Первым же поездом они с подполковником уехали на юг.

А Покотилову-старшему, сыгравшему роль «убитого», пришлось пешком идти домой. Утром он доложил товарищу Дяде, что все произошло именно так, как тот задумал.

Лишь на третий день подполковник Парнов и Арвид Граудынь добрались в расположение штаба Деникина. По дороге Арвид подробно рассказал свою легенду, придуманную Лацисом. Он — один из сыновей прибалтийского барона фон Ленца. Служил в царской армии в чине поручика. После революции вошел в «Союз» Савинкова и по заданию, выдав себя за латыша-революционера, вступил в Красную Армию, в большевистскую партию и проник в «чрезвычайку». Вполне возможно, еще не один месяц находился бы там, если бы ему вдруг не приказали расстрелять подполковника Парнова. Никогда прежде не давали таких приказаний. Стрелять в своего товарища

по борьбе? Нет! И вот произошло то, что произошло.

Парнов бесконечно выражал свою благодарность. Был он по натуре замкнутым, но, пережив страх смерти, теперь говорил почти без умолку. Он не сомневался, что поручика фон Ленца возьмут на службу в разведку белой армии.

Когда они добрались до штаба, Парнов направился к своему начальнику полковнику Хартулари. Арвид Граудынь остался в приемной. Не прошло и десяти минут, как из кабинета быстрыми шагами вышел костлявый, с широкими плечами полковник. Он раскрыл объятия и прижал Арвида к груди.

— Благодарю вас, поручик, от своего имени и — беру на себя смелость сказать — от имени генерала Деникина!

Вошли в кабинет, но Арвид не сел, несмотря на приглашение, а вытянул руки по швам.

— Ваше превосходительство! Я даю трезвую оценку своему поступку. Очень сложно проникнуть в большевистскую «чрезвычайку». Надеюсь, кроме меня там есть другие наши люди. И все же, демаскировав себя, я нанес вред нашему общему делу. Это я отлично понимаю, как разведчик, но как человек поступить иначе не мог.

— Меня радует, поручик, ваш трезвый подход. И в то же время вы совершили подвиг, который заслуживает самой высокой оценки. Я сегодня же доложу генералу Деникину о вас и представлю к награде. Отдыхайте, а завтра займемся делами. Буду покорнейше просить вас написать рапорт на мое имя, изложить основные вехи вашей жизни и службы и сообщить абсолютно все, что вам известно о «чрезвычайке». Для этого предоставляю вам два дня.

Все эти требования полковника Хартулари не были неожиданными для Граудыня. Лацис их предвидел и подробно обсудил с ним, что именно говорить и писать.

Уже переодетый в новое офицерское обмундирование,

и предоставленной ему отдельной комнате Арвид уселся за рапорт.

На второй день перед ужином его неожиданно навестил полковник Хартулари. Решил, мол, глянуть, как устроился поручик на новом месте. Увидев на столе исписанные листы бумаги, поинтересовался: закончил ли?

Арвид подал чистовой экземпляр.

— И черновичок позвольте.

Арвид мгновенно сообразил: для того и зашел. Проверить и оценить каждую буковку, каждое слово в черновике и чистовике — есть ли какое расхождение. Этого он не предвидел. Слава богу, никаких принципиальных расхождений. Он сразу обдумывал каждую мысль, прежде чем записать ее на бумагу. Решил разыграть благородное негодование.

— Вы не доверяете, господин полковник?! После всего, что случилось...

— Что вы, батенька! О каком недоверии может идти речь? Как каждый разведчик, я просто перепроверяю, штабс-капитан!

— Вы ошиблись, я поручик.

— Главнокомандующий уже подписал приказ о вашем производстве. Сегодня же он вручит вам Георгиевский крест.

В тот же вечер «штабс-капитан фон Ленц» устроил пирушку для офицеров разведки. Перед этим Арвид приобрел в магазине скрипку и, пока господа разведчики не напились, дал небольшой концерт. Эффект был чрезвычайный: кому теперь могла прийти в голову мысль, что прибалтийский барон, так проникновенно играющий на скрипке,— чекист.

Через несколько дней Арвид передал через связного очень важные сведения о подготовке Деникина к наступлению.

V

Группой деникинских войск командовал адмирал Римский-Корсаков. Совпадение фамилии навело Лациса на мысль отправить в эту группу Ангелину Корсакову.

Он вспомнил историю с информацией, напечатанной в газете «Известия ВУЦИК». Информация была краткой, но кто-кто, а чекисты прочитали ее с удовольствием.

«На второй день пасхи на Елисаветинской улице состоялось открытие коммунистического клуба работников Чрезвычайной комиссии. Открывая клуб, председатель Всеукраинской комиссии товарищ Лацис произнес речь, посвященную значению клуба. С речью выступил также председатель Киевского Совета рабочих депутатов т. Иванов. В концертном отделении принимали участие ряд видных артистов.

Во вторник, 22 апреля, состоялось открытие клуба красноармейцев при ЧК. Клуб открыт речью председателя губернской Чрезвычайной комиссии т. Сорина. На устроенном концерте особым успехом пользовался артист государственной оперы Сибиряков. При клубе будет организована библиотека-читальня для красноармейцев».

Мартын прочитал заметку как раз перед тем, как на очередной доклад к нему пришел Иван Иванович-младший. Увидев на столе председателя газету, Иван Иванович спросил, знает ли товарищ Дядя, кто написал о клубе? Нет, товарищ Дядя не знал.

Тогда Покотилов с гордостью назвал автора: Ангелина Корсакова.

— Вот как? — удивился Мартын. — Прекрасно, если у нас появился свой корреспондент.

— Она и стихи сама сочиняет.

Оказалось, Ангелина совсем не обрадовалась появлению в газете ее материала. Она описала клуб, радостные лица чекистов, дала выдержку из речи товарища Лациса.

А что напечатали? Что осталось? Мартын понимал Ангелину. И все же встал на защиту газеты:

— Столько ежедневно в стране важнейших событий! И обо всех необходимо сообщить читателю. А такое ли важное событие открытие клуба? Любое сообщение с фронта в тысячу раз важнее. И все же пишите впредь. Массы должны знать о нашей борьбе с врагами. Вот вам тема очень значимая: о рабочих, которых меньшевики втянули во вредительскую организацию. Мы их арестовали, но тут же объяснили, что Советская власть — их власть, что недочеты местных властей мы должны исправлять совместно. И, не требуя никаких гарантий, освободили. На другой день они принесли заявление, что презирают меньшевистских провокаторов и горой будут стоять за Советы. Это дело вел старший Покотилов. Если вдохновитесь, я скажу, чтобы он познакомил вас с материалом подробнее.

Ангелина согласилась. Чувства рабочих были ей понятны. И корреспонденцию ее напечатали полностью, да еще на первой странице. С тех пор она почти каждую неделю писала о чекистских делах...

Все это вспомнил Мартын. Так вот самый прямой путь от Ангелины Корсаковой до адмирала Римского-Корсакова: она пробирается на занятый деникинцами юг, устраивается в редакцию газеты «Южное слово», подписывает корреспонденции своей фамилией, и таким образом ее фамилия попадет на глаза адмиралу.

Но как она придет в редакцию, с какой легендой? Мартын мысленно увидел перед собой Ангелину в офицерской гимнастерке, брюках, аккуратных сапожках. А что? Современная Надежда Дурова... Рвется на фронт — писать о героях. О белых рыцарях. Надо продумать еще многое, тем более что у Корсаковой совсем небольшой опыт чекистской работы. Но прежде всего необходимо получить ее согласие. Еще одно: любовь у них с Иваном

Ивановичем... Вспомнив об этом, Мартын как бы осекся. Любовь... А он бесцеремонно оторвет влюбленных друг от друга... Да и гибель, гибель тоже не исключена...

Когда на следующий день Мартын рассказал Ангелине о своем замысле, она лишь спросила:

— Иван Иванович тоже со мной?

Какая надежда в этом вопросе... Мартыну очень хотелось ответить: «да», но вынужден был сказать: «нет». Нет, ей нужно ехать одной. Связной у нее будет. Но она сама понимает, не Иван Иванович, который заведует отделом.

Ресницы Ангелины упали вниз.

— А выйти за него замуж я успею?

— Разве для этого нужно много времени? Пошли после обеда, расписались, и все.

Снова взлетели и опустились ресницы.

— Тогда скажите ему...

Мартын не понял.

— Что сказать?

— Чтобы он женился на мне.

— Разве он не хочет?

— Очень хочет!

— Так в чем же дело?

— Стесняется. Никак не решится. Он уже не раз пытался... Начнет и замолкает.

Кто-кто, а Мартын отлично понимал состояние Ивана Ивановича. Когда Ангелина ушла, он позвонил ему, попросил зайти.

Сразу огорошил его:

— Я посылаю товарищ Корсакову в деникинский тыл.

Иван Иванович сжал зубы, ни звука. Но в лице изменился — побледнел, а в глазах — необычное для него выражение растерянности.

— Что вы скажете по этому поводу?

— Что я скажу? — Совсем не в его привычке переспрашивать. — Доволен за нее: заслужила такое доверие!

— Мое доверие она заслужила. А ваше? Настолько, чтобы вы на ней женились?

— Женился? — снова переспросил он и осекся.

— Вы же ее любите?

Иван Иванович согласно кивнул:

— Грех скрывать — люблю...

— Грех. Но от нее скрываете.

— Товарищ Дядя, она же образованная, красивая... Куда мне против нее?

Мартын рассердился:

— Образованная, красивая... А вы — не красивый? Вы же человек самой высокой красоты! Она цыпленок в сравнении с вами. Короче, она вас любит и ждет, чтобы вы сделали ей предложение.

— Откуда вы знаете?

Мартын улыбнулся.

— Точные данные раз-вед-ки.

— Так я сейчас, сегодня же... — Бросился к двери, остановился. — Спасибо, что надоумили!

— Что меня благодарить? — проворчал Мартын. — Благодарите товарища Корсакову. А в будущем постарайтесь в важных житейских делах сами проявлять инициативу.

VI

Когда Лацис находился на Восточном фронте, Ян Судрабинь занимался только штабными делами. У него были свои замыслы, но он остерегался их осуществлять, пока этот Янка, как мысленно называл он Мартына, не уберется отсюда. Лишь однажды напомнил о себе Лацису, написал, что на место убитого командира полка назначили командиром его, скромно упомянул о бое, в котором

полк наголову разгромил врага (само собой, подразумевай, что благодаря его руководству). Но стоило Лацису покинуть фронт, как Судрабинь приступил к осуществлению своего плана.

Вскоре он поймал шпиона. Поймал бывшего царского капитана, служившего в штабе. Прямо на горячем,— когда тот проник в его комнату, запертую на замок, взломал ящик стола, где лежали секретные документы, и намеревался их похитить. Но тут, словно почуяв, Судрабинь неожиданно вернулся к себе в кабинет, и шпион был захвачен.

Правда, шпион на допросе уверял, что все это провокация. Стол взломал сам Судрабинь, а когда он пришел к нему с докладом, неожиданно наставил на него револьвер.

Но кому верить? Товарищу Судрабиню — боевому командиру, на деле доказавшему свою преданность, или белогвардейцу, который прокрался в штаб с преступной целью...

Затем Судрабинь разоблачил врага более крупного масштаба — помощника начальника штаба армии. Тоже бывшего офицера, подполковника. Тот якобы пытался завербовать его в агенты Колчака.

Понятно, в ЧК подполковник от всего отказывался, повторял избитые слова о провокации. Ему не поверили, а за Судрабинем начала укрепляться репутация не только умелого, но и бдительного командира.

Настала пора подавать заявление о вступлении в партию. Свое подлинное социальное происхождение он скрыл, написал: «Сын трудового крестьянина». Тут же подчеркнул, что учился в школе и сидел на одной парте с товарищем Мартыном Лацисом. Вместе с ним был социалистом еще в 1905 году. Жег помещичьи усадьбы. Правда, в годы реакции отошел от революционной деятельности. Но на фронте, во время империалистической войны,

всячески способствовал латышским стрелкам-большевикам. А как только свершилась Октябрьская революция, безоговорочно стал на ее сторону. Известно, что вместе с чекистом Покотиловым доставил в Чрезвычайную комиссию предателя Трофимовского. В Свияжске, участвуя в разгроме каппелевцев, ходил в штыковую атаку и, прикрывая товарища Лациса собственным телом, был ранен. А о том, как командует полком, расписывать нет нужды, товарищи коммунисты из ячейки сами знают.

Большинством голосов Судрабиня приняли.

Теперь он частенько стал наведываться в местную чрезвычайную комиссию, с председателем которой познакомился, когда «разоблачил» двух офицеров. Тот верил Судрабиню, считал его честным латышским стрелком. А когда в феврале девятнадцатого года началось создание особых отделов, рекомендовал его в особисты. Здесь Судрабинь показал себя самым старательным сотрудником, и через два месяца его назначили заместителем начальника.

Вот когда он смог развернуться! Теперь фабриковал дела и арестовывал не только бывших царских офицеров. Природное властолюбие не надо было сдерживать. Судрабинь впервые по-настоящему удовлетворил жажду, жившую в нем всю жизнь,— внушать людям страх.

Правда, его начальник в каждом случае требовал веских доказательств, а Судрабинь ссылался на революционное чутье. Начальник писал: «Дело за недоказанностью прекратить», а Судрабинь слал гневные протесты в Москву.

Стало ясно. Вместе они работать не могут. И Судрабиня направили на Украину.

Новые условия, новые люди, но действовал Судрабинь старым проверенным способом.

Однако тут начальник оказался человеком твердых принципов, он хорошо знал командиров и комиссаров, так

как находился в армии с первых дней ее создания. Сразу стал пресекать наветы своего заместителя. Судрабинь почувствовал: выход один — убрать начальника!

Штаб армии, а с ним и особый отдел размещались в большом украинском селе.

Судрабинь и его начальник жили в отдельных хатах. Жаркие летние дни наполняли светлицы духотой, которую и ночь не в силах была развеять. Но Судрабинь из предосторожности спал в комнате, а вот начальник его предпочитал сад. Душистое сено под тобой, звездное небо над головой, что может быть краше!

Обдумав план, Судрабинь при любом удобном случае доказывал, как опасно ночевать в саду, как легко может пробраться туда любой бандит. Но не сомневался: начальник не уступит уговорам — пули он не боялся.

Погиб он не от пули, а от кинжала. Был убит ночью. Очевидно, как все решили, такая участь была уготована и Судрабиню, но он вовремя проснулся и открыл стрельбу по бандиту.

Теперь он возглавил отдел. А «Дело о заговоре против руководителя особого отдела» раздул до такой степени, что лихорадило всю армию. Люди говорили: легче идти в бой, чем попасться на глаза Судрабиню.

Наконец председателю Всеукраинской ЧК пришло заявление о вредоносных действиях Судрабиня.

К огорчению Мартына, заявления поступали не только на Судрабиня. С первых дней приезда на Украину он столкнулся с явлением, которое редко встречалось в Советской России,— засоренностью кадров чекистов в провинции. Да это и естественно, в России мощнее рабочий класс, во много раз закаленней и многочисленней большевистские организации, и в чрезвычайные комиссии направляли людей хорошо проверенных. На Украине, еще до приезда Мартына, были созданы уездные комиссии. А уездов много, вот и сумели туда пробраться люди, ко-

торым там никак не место. Об этом не только Лацису, но и Ленину стало известно.

В начале июня Мартыну пришло письмо от Владимира Ильича:

«Дорогой товарищ! Письмо Ваше и приложения получил. Каменев говорит — и заявляет, что несколько *виднейших чекистов* подтверждают,— что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы *слишком рано* и впустив в себя массу примазавшихся.

Надо построже проверить состав,— падеюсь, Дзержинский отсюда Вам в этом поможет. Надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов и выгнать примазавшихся.

При удобной оказии сообщите мне подробнее о чистке состава Чека на Украине, об итогах работы.

Привет! Ваш *Ленин*».

Мартын закрыл дверь кабинета на ключ, чтобы никто не помешал вникнуть в каждую строчку послания Ильича. Еще и еще раз перечитать его.

Перечитывал и проверял себя.

Приехав на Украину, он попал в клокочущий омут событий. Банды, восстания, шпионы, заговоры, диверсии... Сумел ли в этой сумятице сразу пайти, как учил Ленин, главное звено? А главное звено — как раз эта проблема, о которой писал Ильич. Мартын хорошо помнил свой первый циркуляр всем чрезвычайным комиссиям по борьбе с контрреволюцией на Украине. Но как бы ни были его слова горячи, они предназначались честным чекистам. А Ленин говорил о примазавшихся. Правда, оп подчеркивал, что надо подтянуть во что бы то ни стало чекистов. Это относится ко всем, но о примазавшихся сказано прямо: выгнать!

Больше всего примазавшихся — в уездных комиссиях. Как только Мартын в этом убедился, не откладывая, пошел на решительную «хирургическую» операцию: ликвидировать уездные ЧК!

На его столе декрет Совнаркома Украины, подписанный Председателем Совета Народных Комиссаров, наркомом внутренних дел и им, председателем Всеукраинской Чрезвычайной комиссии.

Пункт первый декрета:

«Упразднить все уездные чрезвычайные комиссии с передачей их дел в губернские чрезвычайные комиссии...»

И только действительно проверенные чекисты были переведены в губернские ЧК.

Спустя три дня после издания декрета, чтобы предупредить злоупотребления, он через газету «Известия ВУЦИК» обратился ко всему населению:

«К вниманию граждан!

Всеукраинской Чрезвычайной комиссией издано распоряжение, лишающее всех чрезвычайных комиссий права забирать при обысках и арестах какие-либо вещи или продовольствие, за исключением предметов, служащих вещественным доказательством к делу арестованного.

Конфискованы будут только ценности, предусмотренные законом, и нормированные товары, скрытые с целью спекуляции.

Всех граждан, замечающих нарушение этих правил, прошу сделать заявление каждой местной чрезвычайной комиссии, а в случае непринятия последними должных мер — непосредственно Всеукраинской Чрезвычайной комиссии.

Председатель Всеукраинской Чрезвычайной комиссии *Лацис*».

Несколько раз звонил телефон, его звуки почти не доходили до слуха Мартына, он думал об ответном письме Владимиру Ильичу. Вначале написал его как бы в памяти, а потом, почти не отрывая пера от бумаги, начал выводить строку за строкой:

«Дорогой Владимир Ильич!

Вы в своем письме настаиваете на чистке украинских ЧК.

К этой работе я приступил с самого первого дня своей работы — с 10 апреля.

Из прилагаемого материала Вы это увидите...

Сейчас послана инспекционная комиссия по всем губерниям в числе 6 человек специалистов по всем отраслям...

С товарищеским приветом *Лацис*».

Как только Мартын узнал, что Судрабинь работает в особом отделе, он послал запрос в ВЧК. Попросил прислать на него подробную характеристику. Одновременно высказал недоумение: каким образом сын серого барона, крупного кулака, стал чекистом. Он знает его с детства, сталкивался на фронте, считает, что как бывший офицер может служить командиром, но никогда бы не рекомендовал в органы ВЧК.

Видимо, в Москве начали тщательное расследование, а тут пришло письмо от секретаря партячейки особого отдела, где служил Судрабинь. Секретарь ячейки Яремчук утверждал, что Судрабинь ведет себя как буржуйский диктатор. Всюду ему видятся враги, часто расправляется с людьми без достаточных оснований.

Не дожидаясь ответа из ВЧК, Мартын немедленно решил назначить служебное расследование. Поручил его Покотилову-старшему. А чтобы Судрабинь, в случае чего, не упрятал концы в воду, послал Ивана Ивановича в качестве заместителя начальника отдела, благо у Судрабиня как раз не было заместителя. Мартын не сомневался: Покотилов во всем разберется.

VII

Василь Пидкова решил, что это письмо необязательно класть на стол товарищу Лацису. Речь в нем шла о спекуляции сахаром на рынке. У товарища Лациса поважней дел по самое горло.

Железнодорожник Савченко писал:

«В то время как сахар нужен для жизни человека, особенно в малых летах, хотя и не так нужен, как хлеб, а все-таки требуется, в то время как, к примеру, мой сынок не знает, какой он на вид и какой на смак, и я, чтобы его почастувати *, стал допытываться, и люди посоветовали, что на Бессарабском базаре можно достать. Оказалось, да, можно: хоть фунт, хоть пуд. Только из-под полы и за цену, что последние штаны продай, шапку в придачу, может, на фунт наскребешь. Да не один там такой спекулянт. Как пролетарий железной дороги, а по-простому путейский обходчик, прошу нашу революционную Чека вывести на чистую воду злодеев-спекулянтов, пьющих нашу пролетарскую, рабоче-крестьянскую кровь».

Хотя и не счел нужным Василь Пидкова показывать письмо товарищу Лацису, но сигнал железнодорожника Савченко мимо ушей не пропустил. Послал сотрудника на Бессарабский рынок, что в самом центре Киева, проверить. Проверка показала: правильную картину изобразил рабочий. Но когда проверили другие рынки — и на Подоле, и на Печерске, и самый шумный — неподалеку от вокзала,— оказалось: не фунтами, даже не пудами, а сотнями мешков шла спекуляция сахаром.

Об этом уже нельзя было не доложить Лацису.

Мартын спросил:

— А цена какая? На каждом рынке своя или на всех одинаковая?

* Почастувати (укр.) — угостить.

Василя этот вопрос не застал врасплох.

— Всюду одинаковая. И торгуйся не торгуйся — не сбавляют. Вроде от одного хозяина.

— Думаю, так оно и есть. От одного. В том смысле, что один человек или из одного центра командуют этой грандиозной спекуляцией. Первая наша задача установить, кто руководит.

Начали с торговок и торговцев: от кого получали товар, кому сдавали выручку? И как извилисто ни вились стежки, они в конце концов привели в дом к известному адвокату Емельяненко. Но вот ведь странно: известный адвокат — и вдруг главарь крупной шайки спекулянтов.

Взяли под наблюдение самого Емельяненко и его дом. Спекулянты являлись к нему только по одному представителю от каждого киевского рынка. Однако чаще приходили люди, никак со спекуляцией не связанные: командир одной воинской части Красной Армии, бывший студент Политехнического института, вокруг которого группировались украинские националисты, самый крупный куркуль из села Веприки под Киевом, сын которого служил офицером в штабе Петлюры. Вот какие добродии, как окрестил их Василь Пидкова, наносили визиты адвокату.

В летний воскресный вечер, кажется, все население Киева высыпало на улицы. На Крещатике не протолкнуться, много гуляющих на днепровских склонах, на улицах Печерска. На одной из таких улиц стоял дом Емельяненко.

Чекисты приметили уже знакомых им гостей пана адвоката. Как можно незаметней выскакивали те из толпы пешеходов и шмыгали в парадную дверь.

И тут Пидкова, который руководил операцией, заметил в подъезде парубка в белой вышитой сорочке. Вел он себя неуверенно: сначала вглядывался в номер дома, потом спрятался в глубине подъезда, выглянул на улицу, потоптался на месте, снова проверил номер и наконец

быстро-быстро — прямо в дом Емельяненко. У Василя никаких сомнений — к пану адвокату.

Когда с товарищем Лацисом обсуждали предстоящую операцию, решили людей в квартире Емельяненко брать через полчаса после того, как соберутся. Как раз в разгар заседания.

Но парубок вышел минут через пятнадцать. На этот раз он не осматривался, не оглядывался, а стремительно пошел вниз к Крещатику. Двое чекистов последовали за ним. Взяли его через два квартала, усадили в фаэтон, ехавший следом, и доставили в ВУЧК.

Когда обыскали парубка, в торбе, самой обыкновенной торбе, обнаружили аккуратно перевязанные пачки крупных ассигнаций. А пачек тех ровно сто штук. В каждой — десять тысяч. Всего получился один миллион рублей.

Василь только сейчас как следует рассмотрел «миллионера». Ладный хлопец, прямо как из песни: «Петрусь — белое личико, черный ус». Лицо действительно белокожее, оттененное румянцем, а усы черные, впервые выращенные, потому что парубку самое большее — девятнадцать.

— Тебя не Петрусем кличут? — вспомнив эту песню, наугад спросил Василь.

— А откуда вы знаете?

— Не держишь ли ты думку, что мы тебя случайно взяли? Рассказывай сам, чистосердечно повинишься, жизнь молодую спасешь. Кто ты? — сделал паузу.— Что за деньги? От кого получил, кому несешь?

— Я не зраднык *! Скорее язык себе откушу и проглочу!

— Так-так, все это мы слыхали и не раз. Не одного же тебя, хлопче, взяли, всех, кто заседал у Емельяненко. А уж они, чтобы себя выгородить, на тебя таких собак навешают...

* Зрадныk (укр.) — изменник, предатель.

— Пускай! Наш казачий закон...— Петрусь (а его действительно так звали) замолк — в комнату вошел очень высокий бородатый человек. Был он в пиджаке, при галстуке, никак не похож на военного, но, видать, большой начальник: чекист мгновенно подхватился, вытянулся, отрапортовал:

— Товарищ Лацис, веду допрос задержанного, у которого, как вы знаете, обнаружен миллион рублей.

— Что он показывает?

— Обещает язык себе откусить и проглотить.

— Давайте-ка его мне, любопытно с ним потолковать,— сказал вдруг Мартын Василю.

У себя в кабинете он посадил парня напротив и не меньше минуты, молча, вглядывался в него...

— А такой «секрет» вы можете мне выдать: кто ваш отец — крепкий хозяин или бедняк?

Петрусь подумал над вопросом.

— Допустим, незаможник. Но и для заможного и незаможного — одна ридна маты — Украина!

— Так ли? Коль ваш отец незаможник, значит, у него нет земли, а у куркуля —двадцать — тридцать десятин. Получается: одному — мать, а другому — мачеха. Ма-че-ха! — привычно повторил по слогам.

— Выгоним москалив и сами разберемся. Это наше дело, только украинцев касается.

— Хорошо разбираетесь! Посадили вам на шею Скоропадского, генерала русского царя, и он... Что он сделал прежде всего? Отнял у бедняков землю, которую им дала Советская власть, и отдал помещикам.

Петрусь надулся, не зная, что ответить.

— А кто поддерживает сейчас Петлюру?

— Украинцы,— отрезал Петрусь.

— Если бы все украинцы... Поговорку такую слыхали: «В вагоне — Директория, а под вагоном — территория»? Сейчас хозяева Петлюры — французы. Их бывший

посол в России Жозеф Нуланс сидит в Польше, чтобы быть поближе. Четыре дня тому назад во Львов прибыл специальный поезд с французским оружием. Американцы, англичане, поляки тоже подкармливают Петлюру.

Неожиданно для Петруся Мартын спросил:

— Знаете, где Бразилия?

— Учил в школе. Южная Америка.

— Так вот, в Киеве было бразильское консульство. Возглавлял его граф Альберт Пирро. Граф! Он оказался главарем грандиозного заговора против Советской власти на Украине. Намеревался захватить Киев. Оружия оказалось столько, что чекисты вывозили на моторах целый день. Вот и скажите мне честно: если бы Петлюре удалось с помощью буржуазии разных стран захватить Украину, кто стал бы ее настоящим хозяином?

Петрусь снова ничего не ответил. Но раз молчит, значит, размышляет.

— Вот что сказано в обращении Директории к французскому правительству.— Мартын вынул из ящика стола лист и прочитал: — «Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях: военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться война с большевиками». Так кто бы правил Украиной? — снова спросил Мартын, положив лист в стол.— Понимаю, как трудно вам пошевелить языком, который вы собирались откусить. А рабочие и крестьяне России — москали, как вы их называете, действительно помогают рабочим и крестьянам Украины. Я вот — латыш — тоже в меру своих сил. Но я — сын батрака, сам бывший батрак, для меня такой, как вы, незаможник — действительно брат. Мне ни земля, ни заводы на Украине не нужны. И забота моя не только чтобы свое поле у вас было, но и школа украин-

ская, институт, театр, чтобы песни ваши чудесные всюду звенели...

Попросил Мартын принести ему и Петрусю ужин.

Не пожалел он в этот вечер времени на долгую беседу. Рассказал о своих встречах с Лениным, о том, что Ленин — за полное право каждого народа на самоопределение.

Нет, не напрасно потратил Мартын время на разговор с молодым петлюровцем. Конечно, ему важно было узнать всю правду о миллионе, но не менее важно вытащить парня из националистического болота, и не только вытащить, а убедить, чтобы стал помощником чекистов.

История с миллионом оказалась вот какая. Петлюровцы совершали набеги на сахарные заводы Киевщины и грабили сахар. Наворованное на возах привозили в села под Киевом, а оттуда — на базары. Выручка сосредоточивалась у адвоката, а от него связным (на этот раз им оказался Петрусь Крамаренко) доставлялась в Фастов. Там находился подпольный штаб, который готовил восстание на Правобережной Украине. Штабу на покупку оружия, подкуп, выплату жалованья командирам нужны были крупные суммы.

Петрусь Крамаренко дал адреса руководителей петлюровского подполья в Фастове, а чтобы не вызвать у них тревоги, Лацис отпустил парня домой. Миллион, конечно, не вернул. Уговорились: Крамаренко скажет, что адвокат Емельяненко просил приехать ровно через четыре дня. А на квартире адвоката устроили засаду.

Но Петрусь Крамаренко, естественно, не мог знать всего, что готовили петлюровцы.

Главарем киевской организации оказался не адвокат Емельяненко, а бывший студент Назар Петренко, член ЦК украинской партии эсеров. Петренко завербовал командира Красной Армии, который обязался предоставить достаточное количество войск, «настроенных против

коммуны». Их должны были поддержать кулаки из окрестных сел, крупные банды Ангела, Зеленого, Соколовского. Задача: захватить Киев и удерживать его до прихода «правительства» Директории.

Петренко был уверен: все уже настолько подготовлено, что ему нужно самому встретиться с Петлюрой, проинформировать его и получить последние директивы. Он выехал в Жмеринку, чтобы оттуда пробраться в штаб главного атамана. Поэтому группе Василя Пидковы не удалось захватить главаря. Но попался его заместитель Кузьма Корж. Хотя ему было уже за тридцать, он, как и его начальник, числился студентом Киевского политехнического института. У него обнаружили приказ начальника главного штаба петлюровцев атаману повстанческих войск Черниговщины Ангелу захватить Бахмач, Круты, Гребенку, а также Чернигов и продвигаться на соединение с националистами Киевщины. К чекистам попала и оперативная карта. Вражеские замыслы были сорваны.

В это время Петрусь Крамаренко через связного сообщил Лацису, что в Фастовский штаб прибывает представитель штаба повстанческих сил Левобережной Украины, который находится в Миргороде. Чекисты из Харькова и Полтавы перепроверили. Сведения Крамаренко подтвердились.

Мартын Лацис каждую неделю на заседании Политбюро Центрального Комитета большевиков Украины докладывал о наиболее значительных делах, раскрытых ВУЧК. Дело, начатое письмом железнодорожника Савченко о спекуляции сахаром, оказалось одним из самых значимых. На очередном заседании Политбюро Лацис сообщил: отряды войск ВУЧК, посланные в Фастов и Миргород, ликвидировали подпольные штабы.

VIII

В условленный день связной не явился к Ангелине. Это встревожило ее. А главное — он был срочно нужен.

Ангелина вернулась из поездки с адмиралом Римским-Корсаковым по левому флангу его группы войск. Адмирал не скрывал от быстро ставшей популярной журналистки, что именно здесь нанесет главный удар.

— Запасайтесь карандашами и перьями,— весело сказал ей адмирал.— Ежедневно будете глаголить о наших победах!

Обо всем этом необходимо немедленно предупредить.

Письменное разрешение адмирала: «Всячески способствовать корреспонденту газеты «Южный край» Корсаковой Ангелине Львовне в частях действующей армии» — дало ей возможность беспрепятственно добраться до самой передовой. Поздно вечером, под предлогом, что ей необходимо удалиться от мужчин, Ангелина вышла из хаты в хуторке, которую занимал командир роты.

— Не заблудитесь,— предупредил тот.— До красных тут рукой подать.— На всякий случай, если натолкнется на часового, сообщил ей пароль и отзыв.

Было очень темно, накрапывал дождь. Теплый летний дождик. Ангелина заранее приметила одинокий тополь, который стоял на самом краю обороны роты.

Она подошла к дереву, прижалась к стволу. Слилась с ним. Потом двинулась вперед и словно погрузилась в черный омут. Плыла в нем долго. Так, во всяком случае, казалось ей. Как привидение, выросла на бруствере окопа и услышала возглас красноармейца:

— Стой! Стрелять буду!

— Не надо стрелять,— впрыгнула в окоп.— Скорее ведите к комиссару!

Через полчаса Ангелина стояла перед заспанным комиссаром полка.

— Как можно быстрее доставьте меня в Киев. В Чрезвычайную комиссию!

— Самый быстрый путь через особый отдел армии,— резонно ответил комиссар.

По его распоряжению тачанка помчала Ангелину в расположение штаба армии, который находился в небольшом уездном городке.

С первого взгляда и Судрабинь и Ангелина узнали друг друга. Оба одновременно воскликнули:

— Вы?

— Вы начальник особого отдела? — не поверила Ангелина.

— Здесь вопросы задаю я! — одернул ее Судрабинь.

— Я — Сорок вторая!

Это был пароль, известный Судрабиню. Начальник особого отдела знал: под таким номером кто-то из чекистов ведет разведку в деникинской армии.

— Ах вот как! Тогда здравствуйте, Сорок вторая! Что расскажете?

Любому другому начальнику особого отдела Ангелина сообщила бы, ведь дело касалось именно этой армии, но перед ней всплыла страшная картина на пароходе: пьяный разгул, насилие и этот офицер, пытавшийся... Как мог он стать особистом?

— Не имею права. Только — товарищу Лацису!

— Мне, начальнику особого отдела армии, не имеете права? Вам известны мои полномочия?

— Никому, кроме товарища Лациса! Не тратьте дорогое время. Мне нужны деньги и билет до Киева.

Судрабинь уже был извещен о готовящемся наступлении белых и полагал, что чекистка разведала именно об этом. Значит, обязан установить, что именно ей известно.

Вызвал дежурного. Неожиданно для Ангелины приказал:

— Шпионку — в одиночку!

Ангелина взорвалась:

— Что вы сказали? Шпионку?

— Выполняйте! — Судрабинь строго глянул на дежурного.

Оставшись один, нервно заходил по комнате. Он узнает, какие она добыла разведданные! Подержит на допросе ночь-другую, и она выложит. Не таких раскалывал.

С каждым шагом возбуждение угасало. Чего волноваться? Все произошло как нельзя лучше. Разведчица угодила именно к нему, ни «чрезвычайке», ни командованию армии ее сведения не попадут...

Однако дневные и ночные допросы не сломили Ангелину. Она лишь окончательно убедилась: Судрабинь — враг!

По натуре своей Ангелина не принадлежала к числу героинь. Не будь революции, не попади она в жестокие обстоятельства, не встреть такого человека, как Иван Иванович-младший, а затем и самого Лациса, не войди в среду беззаветных чекистов, осталась бы обычной девушкой, каких немало.

Он терзал ее часами. Пугал расстрелом. Уверял, что никто никогда даже не узнает, как она погибла, обжигал самым страшным — подбросить Лацису сообщение, будто ее завербовали белые. Но обещал немедленно освободить и отправить в Киев, если расскажет, что ей известно о ближайших планах белогвардейского командования.

Ангелина стояла на своем.

Около двух часов ночи, перед тем как приказать конвоиру увести ее, Судрабинь предупредил:

— Жить тебе осталось до завтрашнего вечера!..

Дежурный разбудил Судрабиня утром: прибыл представитель Всеукраинской Чрезвычайной комиссии.

Утро проветривало розовые перины облаков, с которых чуть свет встала летняя ночь. Судрабинь спустился с крыльца в садик возле дома и увидел мужчину, поднявшегося со скамейки. Что за наваждение, очень знакомое лицо... До того знакомое... И в то же время твердо убежден: никогда его не видел.

Иван Иванович-старший не мог не заметить слишком пристального и недоуменного взгляда.

— Сына моего знавали. Комиссарил недолгий час у Трофимовского.— Протянул Судрабиню руку.— Покотилов, Иван Иванович.

— По каким делам направил вас мой старый друг? Надолго?

— Перво-наперво, шлет вам товарищ Лацис привет. А направлен к вам на подмогу. Заместителем вашим. Выходит, не на один день.— Иван Иванович достал мандат и подал Судрабиню.

Тот опустился на скамейку, пригласил сесть Покотилова. Листья яблоневой ветки бросали тень на бумагу, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь них, вырисовывали светлые узоры бликов.

«Крупную свинью подложил Янка,— разозлился Судрабинь.— Зачем мне заместитель, да еще один из его приближенных и в такой момент?»

Подошел ординарец Судрабиня, вытянулся.

— Товарищ начальник, завтрак на столе!

Судрабинь занимал кирпичный домик, в котором до революции жили какие-нибудь старосветские помещики.

Когда уселись за стол, Судрабинь заметил, что в честь знакомства следовало бы пропустить по рюмочке, но он с утра не пьет.

— А у нас в ВУЧК на это зелье вообще полный карантин.

Судрабинь перевел разговор на другую тему.

— Какую линию в нашей работе мой старый друг теперь считает главной?

— Две линии рядышком стелются: одна — самая что ни на есть решительная борьба с врагом, но поимей в виду — с настоящим врагом; другая — полная революционная справедливость. Ежели задержанному две недели после посадки не предъявляется обвинение, немедля отпустить на полную свободу. Так что директива товарища Лациса — проверить этот вопрос по всем губчека и особым отделам.

— Для меня прежде всего классовая бдительность. Большой сапог оставляет глубокий след. Но без закона, конечно, нельзя,— подтвердил Судрабинь и подумал, что надо поскорее разделаться с Сорок второй.

После завтрака Судрабинь созвал сотрудников на оперативное совещание. Представил нового заместителя. Потом обратился к Покотилову:

— Товарищи знают: я враг пустой болтовни. Каждый имеет задание и проинструктирован мною. Правильно, товарищи?

— Правильно, товарищ начальник! — дружно ответили сотрудники.

«Слишком дружно»,— подумал Иван Иванович. На оперативках, которые проводил Лацис, всегда возникали вопросы, разве можно заранее все предусмотреть? Обсуждали, находили наиболее правильное решение. Это была школа, где учили и воспитывали. А тут — будто вымуштрованные солдаты в строю.

Иван Иванович спросил: присутствует ли здесь секретарь партячейки товарищ Яремчук?

Неожиданно наступила тишина.

— Яремчука нет! — наконец ответил Судрабинь.— Он оказался резидентом Петлюры.

Когда все сотрудники ушли, Иван Иванович не смог

сдержать свое возмущение: почему же в Киеве неизвестно про такое происшествие?

— Я написал донесение в Москву, велел снять копию для Киева, должно быть, запоздали.

— А дело Яремчука посмотреть можно?

Судрабинь вспыхнул.

«С каких пор заместитель проверяет начальника?» — чуть не сорвалось с его уст. Но как ни велико было честолюбие Судрабиня, а за время, что он стал начальником, оно особенно разрослось, как ни хотел поставить Покотилова на место, осторожность все же взяла верх. Иронически спросил:

— Проверка?

— Не тем словом, товарищ, пользуешься. Ознакомиться хочу. Это же не простой случай — коммуниста-чекиста выбирают секретарем...

— До меня выбрали. А я, приехав, вскоре обнаружил: есть в особом отделе защитник петлюровцев и бандитов. Все время Яремчук пытался найти для них смягчающие вину обстоятельства.

— Какие же, к примеру, выставлял доводы?

— Самые пустые! Один — темный и забитый, другой — несознательный, третьего — опоили националистическим дурманом. А идти против Советской власти...

— Известно вам, что после куреневского восстания товарищ Лацис на другой день освободил больше полсотни участников, потому что кулацкий элемент именно опоил националистическим дурманом не только середняков, но даже полных незаможников. Да еще попросил выступить перед ними товарищей народных комиссаров.

— Я поймал Яремчука на месте преступления. Видите,— показал в окно,— вон лес. Есть в нем местечко, где мы встречаемся с нашими людьми, которым незачем показываться в городке. Вот там я его и застал с петлюровским агентом. Выследил и подслушал, как Яремчук

жаловался, что я его подозреваю. Хотел захватить обоих и должен был: я отличный стрелок, и на моей стороне преимущество — они меня не видели. И все же агенту удалось удрать, а Яремчук, услышав мой приказ «Руки вверх!», успел выхватить пистолет и открыть стрельбу. В перестрелке, хотя я хотел лишь подстрелить его, пуля угодила ему в голову.

Судрабинь подошел к несгораемому шкафу и достал «Дело» Яремчука.

Там было только подробное описание того, как Судрабинь выследил Яремчука. Улики, документальные доказательства отсутствовали...

Острог, где содержали арестованных, находился, как и особый отдел, на окраине городка. Расстояние между ними с полверсты, не больше. Поэтому Ангелину в ночь последнего допроса сопровождал один конвоир. Зачем для такой пигалицы больше?

Конечно, разговаривать арестованной с конвоиром не положено, и боец строго оборвал ее, когда она попыталась обратиться к нему. Но Ангелина снова начала, да такое, что у бойца язык не повернулся остановить ее.

— Товарищ, я прошу вас отослать записку председателю ВУЧК товарищу Лацису. Понимаете, не Деникину, не Петлюре, а главному на Украине чекисту.

Боец ответил не сразу. Остановился, снял с плеча винтовку, стукнул прикладом о землю.

— Давай записку.

Ангелина села прямо на траву, сняла сапог, из-под стельки вынула листок бумаги, обулась и встала.

— Вот, товарищ!

Боец молча взял записку и засунул за голенище.

Сидор Руденко, так звали конвоира, раньше работал на паровозостроительном заводе в Харькове, а комендант

особого отдела Демьян Шевчук — тоже с паровозостроительного, из одного с ним цеха, станки стояли почти что рядом. Даже по возрасту однолетки. Однако имелась между ними разница: Демьян Шевчук — большевик, Сидор Руденко лишь собирался в большевики, и Демьян обещал ему рекомендацию. Вполне естественно, что на другой день Сидор поспешил к Шевчуку, поведал ему о ночном разговоре и отдал записку.

Записка потрясла его:

«Уважаемый товарищ Лацис! Я попала в руки врага Судрабиня. Он убедился, кто я, и, несмотря на это, арестовал. Сегодня намерен расстрелять. Я ему ничего не сказала. Сообщаю Вам (вдруг записка дойдет вовремя): Римский на правом фланге будет лишь демонстрировать наступление. Удар — на левом, на стыке с соседней армией. Еще раз: Судрабинь враг! Прощальный привет моему дорогому Ванюше! Прощайте и Вы, очень уважаемый товарищ Лацис!

Ангелина Покотилова».

Шевчук, прочитав фамилию Ангелины, вспомнил, что сегодня утром перед приходом Сидора Судрабинь представил особистам своего нового заместителя по фамилии Покотилов. Желая подчеркнуть, какого человека прислали под его начало, Судрабинь сообщил, что это один из помощников самого товарища Лациса, работал с ним вместе в ВЧК в Москве, в ЧК Восточного фронта и в Киеве в ВУЧК. Возможно, Ангелина не просто его однофамилица, возможно, родственница, во всяком случае, знать ее он вполне может.

По комендантской своей обязанности Шевчук сам определил Покотилова в соседний с начальником домик, где раньше жил Яремчук.

К нему он и зашагал немедля.

Иван Иванович сидел перед зеркалом и брился.

Шевчук наклонился, шепотом спросил:

— Вы знаете Ангелину Покотилову?

От неожиданности у Ивана Ивановича дрогнула рука, бритва царапнула подбородок, выступила кровь, но он не заметил ее.

— Ангелина? Как же мне ее не знать, дорогой товарищ, ежели она жена моего единокровного сына! Сказывай быстрей: что с ней? Где она?

— И сотрудница ВУЧК, и разведчица? — продолжал уточнять Шевчук.

— Все как есть правильно! Не тяни резину, что с ней?

— Плохо, товарищ Покотилов, хуже не придумаешь.— Шевчук достал из кармана записку Ангелины, протянул ему.

Иван Иванович прочитал и замер.

— Ах, контра! — Обычно многословный, сейчас в этот короткий возглас он вложил все свое негодование. Бросился к двери, но, сделав два шага, остановился. Повернул назад, снова сел за стол. Сохла на щеке мыльная пена, гуще проступала кровь на подбородке.

«С таким гадом нужно с умом»,— сказал сам себе.

— Как вызвать к телефону комиссара армии товарища Градова?

— Это я сейчас.— Шевчук покрутил ручку аппарата, назвал номер, передал трубку Ивану Ивановичу.

— Здравствуйте, товарищ Градов! Говорит прибывший нынче из Киева назначенный к вам товарищем Лацисом заместитель начальника особого отдела Покотилов. По важнейшему и самому спешному делу прошу вас незамедлительно вызвать к себе Судрабиня и меня. Если он прибудет вперед, о нашем разговоре прошу — молчок.

— Считайте, что я вас уже вызвал. Сейчас позвоню Судрабиню.

Его ответ понравился Ивану Ивановичу: без лишних вопросов, без проволочек.

— На твою полную помощь, товарищ, могу надеяться? — спросил Шевчука.

— Можешь! Еще когда Яремчук... Подозрение застряло.

— Тогда — на фаэтон и быстрейшим ходом — в острог. Бери Ангелину и прямиком к комиссару! По дороге, для прилива бодрых сил, скажи ей, что я приехал.

Комендант вышел, а Иван Иванович поднял руку к лицу, и пальцы ощутили совсем засохшую мыльную пену. Ах, чертовщина! Дорога каждая минута, но нужно добриться. Он обмакнул помазок в уже остывшую воду, намылил щеку. Несколько раз провел бритвой. Умылся и поспешил к Судрабиню.

Тот уже держал под уздцы вороного жеребца. Вставил ногу в стремя, ловко вскочил в седло.

Иван Иванович пошел по дощатому тротуару, а Судрабинь пустил лошадь. Шпорами подгонял ее, короткими поводьями осаживал, чтобы она пританцовывала. Не знал Иван Иванович, что тот по сей день с завистью вспоминает, как Трофимовский гарцевал на украшенном плюмажем жеребце.

Лицо Градова было худым, а совсем молодые с влажным блеском глаза резко контрастировали с глубоко врезавшимися в лоб морщинами.

Судрабинь представил ему Покотилова, сопроводил представление словами, что тот работал с товарищем Лацисом, а сам товарищ Лацис — первый друг Судрабиня, друг с детства и юности.

Когда все трое уселись, Градов бросил на Ивана Ивановича вопрошающий взгляд.

— Ознакомьтесь, товарищ комиссар, с этим чрезвычайным документом,— Иван Иванович протянул записку Ангелины.

Судрабиня передернуло от неожиданности и возмущения.

— Почему заместитель в первую очередь не знакомит с документом своего непосредственного начальника?

Градов прервал его:

— На каком основании вы арестовали чекистку?

Другого оглушил бы этот вопрос. Ведь никто здесь, кроме него, не знал, кто она. Не мог успеть разведать и Покотилов. И вдруг... Но Судрабинь не растерялся. Казалось, он предвидел такой вопрос.

— По совершенно точным данным, установлено, что она завербована белыми.

— Врешь! — вспылил Иван Иванович.

— Завербована белыми,— повторил Судрабинь,— и направлена к нам с целью дезинформации. Белогвардейцы готовят наступление, она рассчитывала подсунуть нам ложные сведения об их плане. Я специально поджидал ее и арестовал как вражескую шпионку! — твердо закончил Судрабинь и с вызовом посмотрел на Покотилова.

— Вранье все! — снова запальчиво возразил Иван Иванович.— Приметили, товарищ Градов, какую она носит фамилию?

Тот заглянул в записку.

— Покотилова. Ангелина Покотилова. Она что же, ваша...

— Моя невестка. А сына моего, члена коллегии ВУЧК, родная жена! Теперь сами судите по справедливости, возможно ли такое, чтобы чекистка, жена чекиста, которой полное свое доверие оказал товарищ Лацис, а он каждого человека насквозь проницает,— возможно ли ей податься в предательницы?

До чего же несчастливое для Судрабиня стечение обстоятельств. Но он не сдастся, не подымет руки вверх.

— Я получил информацию от товарища, которому полностью доверяю. Во всяком случае, доверял...

Раздался стук в дверь, и порог переступила Ангелина, а следом комендант Шевчук.

То, что скопилось в Судрабине за это короткое время, все, что он должен был прятать в себе, подавлять, вырвалось в окрике, которым встретил коменданта:

— Кто разрешил? Да за это... К стенке! К стенке! — Он вскочил, голос его гремел, заполняя всю комнату.

Шевчук не мог знать, какой поворот получил разговор в кабинете комиссара, увидел прежнего самовластного начальника, но ответил с достоинством:

— Я не денщик, я чекист! На бас не берите. Действую по приказу вашего заместителя, который тоже имеет все законные права.

Два человека — Ангелина и Иван Иванович — будто не слышали ничего. Бросились друг к другу.

Что же сотворили с ней... И так была хрупкой тростиночкой, а теперь едва половина осталась, личико с кулачок, подглазья черные, вроде сажей намазаны, губы в кровяной корке.

— Бедолага ты моя,— Иван Иванович обнял Ангелину. Она прижалась к нему, нервы ее, патянутые до предела, не выдержали, и она разрыдалась. Рыдание было бурным и коротким. Ангелина выпила воды из стакана, который подал ей Иван Иванович, вытерла слезы, повернулась к Градову, понимая, что он здесь главный.

— Извините, пожалуйста!

— Садитесь, товарищ!

— Товарищ? — имитируя возмущение, бросил Судрабинь. И тут же, вроде бы обрывая себя, поспешил добавить: — Неужели я введен в заблуждение? Неужели ложно информировали меня?

Градов спросил Ангелину:

— Что вам известно о предстоящем паступлении?

Ангелина начала рассказывать.

«Почему я не придушил тебя на корабле, почему не расстрелял вчера?» — слушая ее, клял себя Судрабинь. Но только Ангелина закончила, воскликнул:

— Это ужасно! Никогда не оказывался я в таком положении... По моим данным, все не так. По моим данным, это и есть та самая дезинформация.

— Разберемся,— остановил его Градов.— Поскольку у нас нет оснований сомневаться в товарище Покотиловой...

— Но у вас еще меньше оснований сомневаться во мне! — Первый раз нотка страха тронула голос Судрабиня.— Кто эта женщина? Рядовая, скороспелая сотрудница. Единственный козырь — жена Покотилова. Но случается, что и женой становятся по заданию...

Иван Иванович не стерпел, вскочил со стула.

— Про козырь вспомнил? Так я свои карты тоже могу открыть...

Судрабинь понял, как ошибался, уверовав в полную свою безопасность. Казалось, один Яремчук что-то заметил. Поспешил убрать его, но тот все же успел написать Лацису. Лацис... Никуда не спрячешься от него. Стоглазый, сторукий. Судрабинь жизнью рисковал, чтобы замазать эти глаза, связать эти руки, выдать себя за самого красного из красных, и как будто удалось. Однако и тут просчет: прислал своего подручного расследовать. Да как хитро — на должность заместителя. Не падеялся, что Покотилов сразу все выведает. А неожиданно, как назло, в один день два таких события! Теперь уж Янка Судрабс спуску не даст... Выход один: скрыться. Он достаточно поработал в Совдепии, можно уйти к своим. Зная немало чекистских тайн, у полковника Хартулари он станет начальником агентурной разведки. Никакого риска, чины, награды. Откроется прямая возможность побороться с Янкой, отомстить ему. Сейчас необходимо выиграть время — хотя бы эту ночь, чтобы совершить побег. Одновременно Судрабинь искал аргументы, чтобы оправдать себя.

— Мы на войне, и обязаны поступать как на войне: или враг тебя, или ты врага! Медлить, да еще собирать

документы — нет ни времени, ни возможности. Так было с Яремчуком. А с Покотиловой дело сложнее. Настолько сложнее, что я обязан вызвать своего связного и все выяснить. Возможно, нитка тянется из Киева — информатор в самом аппарате ВУЧК. Но, черт возьми, может, связной и продался, тогда его надо ликвидировать! Короче, мне потребуется три дня. Тем временем пусть товарищ Покотилов выполняет поручение товарища Лациса.— И огорченно продолжал: — Я Лацису дважды спас жизнь.

— Поёшь ты сладко,— выслушав его, заметил Иван Иванович,— и голос у тебя хитрый, а у фактов — другой голос.— И повелительно воскликнул: — Вы арестованы! Оружие! — протянул руку.

В небольшом остроге не нашлось отдельной камеры для Судрабиня. Шевчук посоветовал заключить его в собственной спальне, окно которой, по приказу самого Судрабиня, было зарешечено. Иван Иванович осмотрел спальню, приказал выставить двух часовых: одного у двери, другого в саду у окна.

Но ведь Судрабинь имел свою надежду, когда задумал побег. И бежать он решил, не откладывая, этой же ночью.

Как ни верил Судрабинь в свою счастливую звезду, в каждом новом жилище, куда его поселяла война, он оборудовал тайник, где прятал маузер, кинжал и гранату. На всякий случай. Конечно, он не мог предвидеть того, что произошло с ним именно сегодня, но надобность в припрятанном оружии всегда могла возникнуть.

Там же в тайнике лежал мандат, подписанный Судрабинем, удостоверявший, что Карл Янович Страуме является сотрудником особого отдела. Мандат предназначался ему самому на случай провала.

Часовой ходил вдоль дома — несколько шагов вправо, несколько влево. В комнате стало темно, и он со двора не мог разглядеть, что делается в ней. А вот Судрабинь видел часового. Луна сияла с противоположной стороны дома, и свет ее, минуя окно, падал на часть сада. Нет, нет, удача не полностью отвернулась от него.

Он вынул из тайника оружие. Маузер на ремне повесил через плечо, в карман брюк — гранату, кинжал засунул за голенище...

С часовым у дверей управился легко: постучал в дверь, только тот переступил порог, как всадил в него кинжал.

Не просто убить человека, даже тому, кто совершал это не раз. Прерывистое дыхание чуть ли не разрывало Судрабиню грудь, холодный озноб впился в тело, а ладони стали мокрыми от жаркого пота.

Он заранее все рассчитал: до конюшни с полсотни шагов. Там две лошади. Он возьмет обеих и ускачет. В частях армии еще никто не знает о его провале, и до утра он успеет перейти линию фронта.

Выскочив во двор, Судрабинь остановился, осматриваясь, будто на незнакомом месте. И вдруг понял, что озарен лунным сиянием. Будто стоит на возвышении, а луна нарочито заливает его светом. Инстинктивно бросился к заборчику, что отделял от соседнего домика, вдоль которого вытянулись яблони с широкими кронами. Скорее укрыться в их тени. И тут взгляд упал в открытое окно домика. Упал и застрял в нем. Отчего же застрял его взгляд? Да это же окно в комнату, где раньше спал Яремчук. Значит, сейчас спит Покотилов. Покотилов...

Судрабинь живо представил себе высокую никелированную кровать и на ней охваченного сном подручного Янки. Беззащитного. Совсем беззащитного. Лежит па спине, разбросав руки, грудь открыта, словно специально подставлена под удар кинжала.

Судрабинь не заметил, унялся ли озноб, но дыхание

стало мерным, шевельнулись пальцы правой руки, будто уже сжимали рукоятку кинжала. Он вытер о брюки ладонь и выхватил его. Легко перемахнул через заборчик, остановился у окна.

Все звуки и шорохи, которыми полна летняя ночь, не доходили до Судрабиня, он слышал лишь дыхание Покотилова.

В этот момент Судрабиню следовало бы вспомнить об Ангелине. Ведь не вернулась же она в острог. У кого могла поселиться? Несомненно, у Покотилова. Она и спала в соседней с ним комнате. Точнее, лежала на кушетке, а заснуть не могла. И вдруг — осторожные шаги в соседней комнате. Ангелина схватила пистолет и, как была, в ночной сорочке кинулась в спальню.

С порога увидела над кроватью широкую спину Судрабиня. Нет, еще до порога, еще не видя его, знала, что это он. Ангелина хотела крикнуть, но не успела. Раздался стон Ивана Ивановича. Ангелина выстрелила в широкую спину.

IX

Мартын Лацис, получив сообщение об убийстве Судрабинем Покотилова и тяжелом ранении самого Судрабиня, никак в тот же день не мог покинуть Киев. Ни он, ни Иван Иванович-младший.

Телеграмма, подписанная комиссаром армии Градовым, пришла вечером, а ночью они проводили важную операцию. Ничто не должно было помешать четким действиям чекистов. Но мог ли Лацис не переживать со всей остротой то, что произошло в небольшом прифронтовом городе? Эта трагедия поразила его почти с такой же силой, как младшего Покотилова.

Когда Мартын дал Ивану Ивановичу телеграмму Градова, увидел, как задрожал листок в его руках, как судорожно вцепились пальцы в спинку стула.

Их не дождались. Покотилова-старшего уже похоронили.

Комендант Шевчук доложил Мартыну, что все было как положено: у гроба стоял почетный караул, оркестр играл «Вы жертвою пали», над могилой товарищ Градов сказал речь, взвод бойцов дал троекратный залп. И не смог не добавить:

— А эта контрреволюционная вражина еще жива!

— О нем после,— остановил его Мартын.

На кладбище пошли втроем: он, Иван Иванович и Ангелина.

Она была молодцом: при встрече — ни слез, ни возгласов. Слезы, должно быть, все выплакала в ту страшную ночь. Скорбно сказала:

— Если бы я успела на несколько секунд раньше...

Ангелина повела их к свежей могиле.

Мартын опустил голову, борода легла на пиджак.

Сколько он видел могил борцов... В Латвии, в Сибири, в Петрограде, в Москве, в Поволжье, на Украине. Никто из них не умер своей смертью, никто не дожил до старости. Таков удел борцов. И самые верные среди них сейчас — чекисты. Поэтому враги особенно ополчились на них. И пули, и бомбы, и клевета... А они — самые верные. Это же Ленин сказал о чекистах: «А главное — верность».

Мартын и себя проверял этой ленинской формулой и каждого, кто работал с ним.

Сейчас он стоял у могилы того, для кого верность была непреложным законом! Такой же закон она и для его сына. И Мартын, не поднимая головы, тихо вымолвил слова, которые потом часто повторялись у многих могил:

— Спи спокойно, дорогой товарищ! Дело, за которое ты боролся, мы доведем до конца...

Судрабинь лежал в госпитале. К нему тоже пришли втроем: Мартын, Иван Иванович и Ангелина.

Судрабинь будто ждал их. Нет, не всех, Лациса, вернее, Янку, как мысленно, по давней привычке, называл его. Хотя первой порог палаты переступила Ангелина, он не остановил на ней взгляда. И Покотилова, вошедшего вслед за Мартыном, тоже не заметил. Сразу уставился на Лациса. Мгновенно, лишь открылась дверь. Даже приподнялся, хотя голова тут же упала на подушку.

— Наконец-то! — воскликнул по-латышски и задохнулся. Заговорил значительно тише, хриплым голосом, часто останавливаясь.— Умереть не мог... До твоего приезда... Ждал. Чтобы понял ты, какой глубокий след оставляет большой сапог.

Мартын остановился у его кровати. Крупное лицо Судрабиня словно усохло: запали щеки, провалились глаза, истончились губы. Злые слова, слетевшие с тонких губ, казались еще злее.

— С Гоппером был вместе. Савинкову служил. Фронт открыл с Трофимовским... Сам же его предал... Ты что молчишь?

Мартын взял стул, пододвинул Ангелине, на другой сел сам. Ничего не ответил, подумал: «Переполнен ненавистью. Уже почти мертвец. Лишь ненавистью и живет».

— Работал на Колчака, Деникина... Уничтожал ваших... Как жалко, что эту девку... Зато твоего подручного... И ничего ты не можешь мне сделать.— Он издал странные звуки, похожие на квохтанье наседки,— это был смех.— Ни приговорить меня не можешь, ни к стенке поставить...

— Тебя история приговорила! Как и Гоппера, Савинкова, Колчака, Деникина. Тебя уже поставила к стенке, и их черед придет. За обман воздастся, за кровь нашу... Ты пытался использовать самое святое: память о детской дружбе. Не удалось. Даже после Свияжска. Кое-

кого ты обвел вокруг пальца. Не отрицаю: враг ты хитрый и умный. Но поймал тебя по моему поручению мой помощник. В течение одного дня. Не надеялся, что удастся так быстро.

На мертвенном лице Судрабиня еще злобней сверкнули глаза.

— Стечение обстоятельств!

— При иных обстоятельствах поймали бы через три дня, через неделю. Кем ты уходишь на тот свет? Предателем, убийцей. И не ты один таким уходишь, весь твой класс. Обычно тем, кто на смертном одре, все прощают. Я тебе ничего не прощаю! И всем, кто остался после тебя, не прощу. Буду бороться с ними до полной победы. Ты убил его отца,— показал на Ивана Ивановича,— и он будет бороться. Ты не сумел убить ее,— протянул руку к Ангелине,— она будет бороться. Нас больше, и не только в этой палате, на всей земле!

ЭПИЛОГ

Мартын вместе с Петерсом ехал в Москву.

Деникин перешел в последнее наступление. Он получил от Англии и Соединенных Штатов Америки сотни орудий, сотни тысяч винтовок и много танков. Это было последнее наступление, но остановить его и перейти в наступление Красная Армия смогла лишь осенью.

Петерс приехал в Киев, когда городу непосредственно угрожали и деникинцы и петлюровцы.

Совет рабоче-крестьянской обороны Украины и Реввоенсовет 12-й армии создали специальный совет Киевского укрепленного района. Комендантом назначили Петерса, а членами Лациса и Ворошилова.

Петерсу и Лацису было поручено в случае необходимости сдачи Киева обеспечить порядок в городе.

Они выполнили эту тяжкую обязанность.

Чекисты всегда работали напряженно. А в эти последние дни пребывания в Киеве перешли на круглосуточный режим. Восемьсот подпольщиков должны были остаться на захваченной врагом Украине. Их подбирали сотрудники ЧК во главе с Василем Пидковой, но с каждым знакомился и беседовал Лацис.

А сколько заговоров раскрыли в эти последние дни. С приближением своих скрывавшиеся в подполье белогвардейцы и националисты изо всех сил пытались помочь им.

И все-таки тридцатого августа с последней воинской частью Мартын и Яков Петерс покинули Киев. Украинская ЧК слилась с ВЧК.

Василь Пидкова остался в подполье, Арвид Граудынь под личиной барона фон Ленца продолжал действовать в деникинской разведке.

Большая часть украинских сотрудников отправилась в Гомель.

Иван Иванович и Ангелина с группой чекистов ехали в Москву в отдельном вагоне вместе с Лацисом и Петерсом. Поезд отошел днем, но сразу же все разошлись по купе и очень быстро уснули.

Едва опустившись на полку, Петерс снял туфли и вытянулся во весь рост. Он-то вместился полностью, а когда Мартын последовал его примеру, ноги уперлись в стенку.

Полежав с минуту, Петерс повернулся к нему.

— За две недели мы не успели с тобой по-человечески поговорить. Даже о Тоне некогда было спросить.

— Отправил в Москву.

— У вас все хорошо?

— А как может быть иначе?

— Не у всех же одинаково. Помнишь, как Толстой начинает «Анну Каренину»? «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

— Сказано оригинально, афористично, но согласиться не могу. Нет похожих семей. Семья — это государство. Одна — монархия, в другой — республиканский строй; тут — и мир и благоденствие, там — междоусобица... — Мартын не закончил фразу, так как услышал посапывание — Петерс спал. А не прошло, наверно, и пяти минут, как заснул и он.

Проснулся ночью — темень в купе, темень за окном, размеренно дышал Яков, размеренно стучали колеса.

Мартын рывком поднялся, сел. Ветер, врывавшийся в открытое окно, гребнем прошелся по волосам. Мартын пригладил их рукой и, положив локти на столик, подпер кулаками подбородок.

Итак, Москва. Снова Москва. И, наверно, тот же кабинет, в котором уже работал дважды. На фасаде здания ВЧК до сих пор, должно быть, никто не соскоблил старую надпись: «Бауэр и К°. Винный склад».

После страстей, что кипели на Украине, всего-то и отдыха что минувший день и эта ночь. Приедет в Москву — сразу новое дело. Петерс рассказал: раскрыт «Национальный центр». По первым данным, крупная организация, охватывающая Москву, Петроград и другие города, связанная с Деникиным, Колчаком, Юденичем. Располагает широкой шпионской сетью и военной силой. Причастна к мятежу на фортах «Красная горка» и «Серая лошадь».

Рассказывая, Петерс заметил, что ЧК на подступах к раскрытию, может быть, самой опасной контрреволюционной организации.

Будучи в Киеве, он не знал, что несколько дней тому назад, получив информацию об этой организации, Ленин в записке Дзержинскому написал: «...надо обратить *сугубое* внимание. Быстро и энергично и *пошире* надо захватить».

Так что Мартыну предстояло с первого же дня по возвращении в Москву заняться этим делом.

Уже в руках чекистов был бывший член Государственной думы Щепкин, один из руководителей «Центра».

Но впереди еще было раскрытие штаба «Добровольческой армии Московского района», который разработал и согласовал с «Национальным центром» план восстания в Москве. Впереди была поимка главарей штаба. Впереди был взрыв в Леонтьевском переулке в здании

Московского комитета партии и ликвидация «Всероссийского повстанческого комитета революционных партизан» — банды, совершившей этот взрыв. Впереди было раскрытие «Тактического центра». Впереди был полный разгром Юденича, Колчака, Деникина.

Всего этого не рассмотреть было Мартыну в далях будущего, сидя в темном вагоне поезда, идущего в Москву. И все-таки каждое такое событие — последовательный этап в той борьбе, которую он вел с первого дня революции.

А за ту грань, где кончится гражданская война, Мартын никак не мог заглянуть. Он понимал, что после ликвидации фронтов контрреволюция не успокоится. Это он хорошо понимал. И все же не представлял, что будет тогда для него главным. Не представлял, что партия вынуждена будет послать крупнейших чекистов на хозяйственную работу: Дзержинский станет народным комиссаром путей сообщения, а затем председателем Высшего совета народного хозяйства. А сам он займется тем, без чего страна не могла жить. Хлебом и солью. Хлеб и соль — самое необходимое для каждого человека. Хлеб да соль — символ благополучия и гостеприимства. Но не хватало ни хлеба, ни соли. Стоял голод. Опустошительный неурожай в Поволжье. Умирали десятки тысяч людей.

Однако даже во время небывалого голода дороже хлеба оказалась соль. Мартын был назначен председателем Главного управления соляной промышленности.

«Только теперь мы узнаем цену этой соли: а ценится она в вольной продаже дороже хлеба, чего раньше никогда не бывало». Это он напишет в 1921 году в брошюре «Значение соляной промышленности».

Он заявит, что по запасам каменной соли Россия превосходит все страны; что глауберовой соли, идущей на технические цели, в чистом виде в мире очень немного,

а Россия может снабжать ею всю мировую промышленность целые тысячи лет.

В четверг, 29 сентября 1921 года, Мартын напечатает на первой странице «Правды» небольшую статью «Золотое дно». Золотым дном назовет Карабогазский залив (Кара-Богаз-Гол) с неисчерпаемыми запасами глауберовой соли, потому что она могла стать важнейшим предметом советского экспорта.

«По справкам Внешторга,— напишет он,— цена на 96—98-процентную глауберову соль в Германии — марка за кило... По подсчету Главсоли, глауберова соль нам самим обходится в 4 коп. пуд... А Кара-Богаз ежегодно осаждает и выбрасывает на берег 36 миллиардов пудов...

Для добычи глауберовой соли необходимо оборудовать промыслы... Главсоль вынуждена отправлять работников в далекий Кара-Богаз почти без денежных средств и без материалов... Мы передаем это широкой гласности, надеясь, что настоящим вопросом заинтересуются широкие массы и наши ведомственные круги и помогут сдвинуть этот важный вопрос с мертвой точки, сделав из Кара-Богаза, этого мертвого моря, неисчерпаемое золотое дно для Советской России».

В этот же день статью Лациса прочитает Владимир Ильич, а прочитав, немедленно напишет управляющему делами Совнаркома:

«29.IX.1921 г.

т. Горбунов!

Надо выяснить дело насчет Кара-Бугаза. Если очень заняты, можно отложить на несколько дней, по не больше.

Лацис в «Правде» от 29.IX опять повторяет «Золотое дно». Возьмите в секретариате СНК мою недавнюю переписку с профессором Ипатьевым (членом коллегии ВСНХ), специалистом и главой нашей химической промышленности.

Он мне отвечал: нельзя пустить в ход теперь.

Главсоль ошибается или кто?

Взять ли данные Главсоли и посмотреть на их солидность или поступить как-либо иначе?

Осведомитесь и скажите мне.

Ленин».

Через несколько дней Горбунов созовет совещание по Кара-Богазу. Через несколько месяцев туда направится научно-промышленная экспедиция. А потом будет создан трест «Карабусоль», который начнет промышленную добычу.

Решать проблему «хлеб да соль» Мартын начнет с соли, но когда соли станет больше, займется хлебом. Его назначат заместителем заведующего деревенским отделом ЦК ВКП(б), и он окажется одним из первых организаторов совхозов.

Еще только создаются первые коллективные хозяйства. Их немного в огромной республике. Фабрики зерна нужны, чтобы дать его как можно больше и показать, как вести хозяйство на огромных площадях с передовой техникой. Позже он выпустит серьезный труд «Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним».

Мартын Лацис обратит свой взор на восток страны, и прежде всего на Северный Казахстан. Если вспоминать первых целинников, то одним из самых первых был он.

В журнале «Известия ЦК ВКП(б)» в июне 1928 года Лацис напишет:

«Ограниченность свободных земельных угодий в европейской части СССР, естественно, заставляет нас углубиться в Сибирь и Среднюю Азию. Особенно Казахстан располагает большими возможностями. С одной стороны, здесь развертывание совхозов, согласно директивам ЦК, должно идти на землях, отнятых и отбираемых у баев, с другой — в северной части Казахстана следует использовать свободные земли».

Мартын не только об этом напишет, он примет участие в создании совхозов «Карабалыкский», «Кеп-Аральский», «Федоровский», «Кустанайский», «Каинд-Кумский» и других.

...Конечно, ничего этого не мог предвидеть Мартын в купе поезда, идущего в столицу первой сентябрьской ночью девятнадцатого года.

Он просидел, может быть, час, может, два, потом снова лег и неожиданно заснул. Спал долго. Наступило утро, поднялся Петерс. А Лацис не просыпался.

Петерс смотрел на его спокойное лицо, на бороду, с которой тот, казалось, родился, на крупную крестьянскую руку, лежавшую на груди. Яков знал: он на два года старше Мартына, но Мартын выглядел старше его. Недаром из всех подпольных кличек за ним дольше всех держится Дядя. И Ленин до сих пор называет его Дядей. А Лацису только тридцать...

За окном мелькали подмосковные рощи с первой осенней позолотой, черные крестьянские избы, грохотали мосты через тихие речки.

Петерс положил руку на плечо Мартына.

— Вставай, скоро Москва...

Ратнер Е. И.

Р25 А главное — верность... Повесть о Мартыне Лацисе.— М.: Политиздат, 1983.— 351 с., ил.— (Пламенные революционеры).

Р $\frac{0505040000-030}{079(02)-83}$ 268—83

84Р7+66.61(2)8
Р2+3КП1(092)

ЕВГЕНИЙ ИЛЬИЧ
РАТНЕР

А ГЛАВНОЕ — ВЕРНОСТЬ...

ПОВЕСТЬ О МАРТЫНЕ ЛАЦИСЕ

Заведующий редакцией *В. Г. Новохатко*
Редактор *Г. Е. Щербакова*
Младший редактор *Г. И. Жарикова*
Художник *А. И. Добрицын*
Художественный редактор *В. И. Терещенко*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

ИБ № 1682

Сдано в набор 10.11.82. Подписано в печать 04.05.83.
А 00389. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 16,01. Условн. кр.-отт. 19,86. Учетно-изд. л. 16,12.
Тираж 300 тыс. экз.
Заказ 544. Цена 1 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

